

ИСТОРИЯ

OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2018 | №4 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Редакционная коллегия:
М. А. Волхонский, В. Е. Воронин,
К. В. Шевченко, О. В. Эдельман.
Ответственный редактор М. А. Колеров

На обложке — фотография Андрея Тутарикова

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT № 4.
М. : Модест Колеров, 2018. (www.ostkraft.ru.) 160 с.
ISBN 978-5-905040-26-9

ISBN 978-5-905040-26-9

© Авторы статей, 2018
© Модест Колеров, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. А. Гайда. «За Веру, Царя и Отечество»: к истории происхождения знаменитого российского воинского девиза	5
В. М. Безотосный. Русские генералы, выходцы с Балкан, в Отечественной войне 1812 года	10
Фёдор Гайда. «Україна для українців!» : рождение этнонима из духа классовой борьбы	17
С. Л. Франк. «Панидеал» (1909). Публикация М. А. Колерова	23
А. В. Ганин. Военно-полевой суд при штабе Оренбургского военного округа (1918–1919 гг.): история и деятельность. Приложение: Список приговоренных к смертной казни военно-полевым судом при штабе Оренбургского военного округа.....	49
Василий Молодяков. «Марсиане из романа Уэллса» : «Action française» против Третьего Рейха, 1933–1936	55

А. А. Смирнов. А. А. Лебедев. К походу и бою готовы? Боевые возможности корабельных эскадр русского парусного флота XVIII — середины XIX в. с точки зрения их личного состава. СПб., 2015	73
---	----

<i>Ольга Эдельман.</i> Н. Д. Потапова. Трибуны сырых казематов : политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 416 с.	82
<i>Андрей Тесля.</i> В. П. Зилоти. В доме Третьякова. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Государственная Третьяковская галерея, 2016. 560 с. : ил.	92
<i>Андрей Тесля.</i> Воображаемая национальная портретная галерея. Портретная галерея «лиц, дорогих нации» П. М. Третьякова / Авт.-сост. Т. Л. Карпова. М. : Гос. Третьяковская галерея, 2014. 328 с. : ил.	97
<i>Андрей Тесля.</i> Петербург конца империи: об одном негодном введении в предмет	105
<i>Л. Кацис.</i> Сизифу от «Камня» II или новые «Тристии». (к выходу в свет вторых изданий «Летописи жизни и творчества» и Полного собрания сочинений и писем О. Э. Мандельштама в 3-х т.)	111
<i>Кирилл Шевченко.</i> «Жемчужина у моря» под микроскопом этнологов и историков : Этнология Одессы в исторической и современной перспективах / П. Лозовюк, А. Пригарин и коллектив авторов. Одесса, 2017	151
<i>Татар овогт Сосорбарамын Майдар.</i> Была ли гражданская война в Монголии или история одного события. Авторы могли бы назвать свою книгу «Гражданская война в Монголии»	156

Ф. А. Гайда

«ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО»: К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЗНАМЕНИТОГО РОССИЙСКОГО ВОИНСКОГО ДЕВИЗА

В знаменитом манифесте императора Николая I, опубликованном 14 марта 1848 г. в связи с революцией во Франции, говорилось:

«Мы удостоверены, что всякий Русский, всякий верноподданный Наш, ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за Веру, Царя и Отечество, и ныне предугажет нам путь к победе: и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем: С нами Бог! разумейте языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!».

К 1848 г. девиз вполне мог почитаться как «древний», однако когда же он появился? Допетровские времена знали близкие по смыслу призывы: воины шли в бой «за землю Русскую» (Слово о полку Игореве), «за землю за Рускую и за веру християнскую» (Задонщина), «за Дом Пресвятыя Богородицы и за православную християнскую веру» (приговор Первого ополчения 1611 г.¹), а также за «государскую честь» (приговор Земского со-

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3. М., 1985. С. 43.

бора 1653 г.²). Таким образом, к XVIII в. все три составные части будущего воинского девиза уже присутствовали — однако требовалось объединить их в одну емкую формулу.

Со времен Петра Великого важное идеологическое звучание приобретает понятие «Отечество». Известен приказ Петра, озвученный в войсках перед Полтавским боем, в котором говорилось:

«Воины! Вот пришел час, который должен решить судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за Православную нашу веру и Церковь»³.

Известен также задранный тост Петра: «Здравствуй тот, кто любит Бога, меня и отечество!»⁴. Первые учрежденные в России ордена, как гласили их девизы, вручались «За веру и верность» (орден св. ап. Андрея Первозванного, учрежден в 1699 г.), «За любовь и Отечество» (орден св. вмчц. Екатерины, 1714 г.), «За труды и Отечество» (орден св. блгв. Александра Невского, 1725 г.). Сам Петр, наряду с императорским, принял в 1721 г. также титулы «Великого» и «Отца Отечества»⁵.

В день коронации императрицы Елизаветы Петровны 25 апреля 1742 г. новгородский архиепископ Амвросий (Юшкевич) оправдывал произведенный ею дворцовый переворот тем, что она выступила «за целостность Веры и Отечества ... против неприятеля и сидящих в гнезде орла российского ночных сов и нетопырей, мыслящих злое государству»⁶. На медали в честь коронации Екатерины II также было выбито: «За спасение Веры и Отечества». В манифесте к армии от 22 сентября 1762 г. отмечалось «усердие к Нам и Отечеству»⁷. Именной указ от 18 июля 1762 г. упоминал «службу, приносимую Богу, Нам и Отечеству»⁸. Наконец, Жалованная грамота

² Там же. С. 458.

³ Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1821. Ч. 1. Т. 3. С. 52.

⁴ Майков А. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 35.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. Т. 6. СПб., 1830. С. 444.

⁶ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 11 : История России с древнейших времен. Т. 21. М., 1999. С. 182.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. Т. 16. СПб., 1830. С. 70.

⁸ Там же. С. 22.

дворянству 1785 г. восхваляла дворянство, ратующее «противу внутренних и внешних врагов веры, монарха и отечества»⁹.

На медали, которой награждались ополченцы 1806–1807 гг., вполне в духе прошлого столетия значилось: «За Веру и Отечество». Однако в начале XIX в. понятие «Отечество» наполняется новым содержанием: если ранее оно, как у Петра, больше связывалось со «родом своим», то теперь с новыми романтическими веяниями его значение повышалось — теперь оно скорее означало причастность к уникальной национальной культуре и идентичности. В 1811 г. в своем журнале «Русский вестник» С. Н. Глинка сформулировал патриотический идеал следующим образом: «Бог, Вера, Отечество»¹⁰. Стоит также отметить почти демонстративное отсутствие в формуле Глинки упоминания о монархе. Отношения Александра I с «русской партией» в те времена были непростыми: императора подозревали в стремлении ограничить собственное самодержавие, что воспринималось крайне негативно. Царю напоминали о том, что его самодержавная власть не распространяется лишь на одно: он не может ее *ограничить* — Бог и народ, вручившие ему власть, сделать это не позволят. Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» (1811 г.) писал о начале династии Романовых: «Бедствия мятежной аристократии просветили граждан и самих аристократов; те и другие единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержцем, монархом неограниченным; те и другие, воспламененные любовью к отечеству, зывали только: Бог и Государь!...». Подвергнув политику Александра I жесткой критике, Карамзин закончил свои слова так: «Любя Отечество, любя монарха, я говорил искренно. Возвращаясь к безмолвию верноподданного с сердцем чистым, моля Всевышнего, да блюдет Царя и Царство Российское!»¹¹. Таким образом, именно всенародная вера и любовь к Отечеству стали новыми гарантом сохранения Царства.

Накануне Отечественной войны 1812 г. государственным секретарем был назначен яркий представитель «русской партии» адмирал А. С. Шишков. В своем «Рассуждении о любви к Отечеству» он писал о гeroях времен Смуты:

⁹ Там же. Т. 22. С. 345.

¹⁰ Русский вестник. 1811. № 8. С. 71. Цит. по: Русские писатели. Библиографический словарь. Т. 1. М., 1990. С. 179.

¹¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 29, 110.

«Всяк из сих христоробивых воинов, перекрестясь, становился на место убитого подле него товарища, и все сряду, увенчанные кровью, не сделав шагу назад, лежали побитые, однако не побежденные. Как? Сия твердая грудь, несущаяся за Церковь, за Царя, за Отечество на острое железо; сия с текущею из ран кровью великодушно изливаемая жизнь; сие великое в человеке чувство родится без надежды на бессмертие? Кто поверит сему?»¹².

Шишков стал автором выходивших во время войны императорских манифестов и обращений, исполненных патриотических чувств и имевших большую популярность. Позднее А. С. Пушкин писал о Шишкове: «Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, // Он славен славою двенадцатого года»¹³. В воззвании к Москве о созыве ополчения от 6 июля 1812 г. говорилось: «Того ради имея в намерении, для надежнейшей обороны, собрать новые внутренние силы, наипервое обращаемся Мы к древней столице предков наших, Москве. Она всегда была главою прочих городов Российских; она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу; по примеру ее, из всех прочих окрестностей текли к ней, наподобие крови к сердцу, сыны Отечества, для защиты оного. Никогда не настояло в том вящей надобности, как ныне. Спасение Веры, Престола, Царства того требуют»¹⁴. Кокарда ополчения 1812 г. (как и позднее — в 1854–1856 гг.) представляла собой крест с надписью: «За Веру и Царя». Наконец, в написанном Шишковым в ноябре 1812 г. «Объявлении для чтения в церквях» говорилось: «Вы достохвально исполняли долг свой, защищая Веру, Царя и Отечество»¹⁵.

Итак, девиз родился — и родился он в огне Двенадцатого года. В огне войны, вскоре названной «Отечественной».¹⁶ Вполне очевидно, что шишковская триада противопоставлялась лозунгу Французской революции «Свобода. Равенство. Братство».

¹² Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству // Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству. М., 2011. С. 41.

¹³ Второе послание к цензору (1824 г.).

¹⁴ Шишков А. С. Краткие Записки, веденные в бывшую с французами в 1812-м и последующих годах войну // Шишков А. С. Ук. соч. С. 62.

¹⁵ Труды Московского отдела Императорского Российского военно-исторического общества. Т. 2. М., 1912. С. 360.

¹⁶ О семантике «отечественности» в контексте Войны 1812 г. см.: Колеров М. А. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М., 2017. С. 488–497.

О том, какую силу имел новый девиз, можно судить хотя бы по тому, что прусский ландвер 1813 г., выступивший против Наполеона в союзе с русскими, также получил кокарду по типу русской — в виде латунного креста с девизом «Mit Gott für König und Vaterland» («С Богом за короля и Отечество»). В дальнейшем Шишков не раз упоминал все три понятия вместе. В манифесте 18 мая 1814 г., изданном в Париже, опять отмечался всенародный подвиг: «Кроткий поселянин, незнакомый дотоле со звуком оружия, оружием защищал Веру, Отечество и Государя»¹⁷. Переложением шишковского девиза стали те принципы, на которых министр народного просвещения гр. С. С. Уваров в 1832–1833 гг. предложил основать российское образование: «*Православие. Самодержавие. Народность*»¹⁸. Как уже было сказано, девиз вновь прозвучал на всю Россию в манифесте 1848 г. Памятный знак в виде креста с надписью «За Веру, Царя, Отечество» был пожалован ополченцам — участникам Крымской войны после заключения Парижского мира 1856 г. С этого времени изречение приобрело свой неизменный лаконичный вид, сохранявшийся до 1917 г.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. Т. 32. СПб., 1830. С. 789.

¹⁸ Шевченко М. М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 68–70.

В. М. Безотосный

РУССКИЕ ГЕНЕРАЛЫ, ВЫХОДЦЫ С БАЛКАН, В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Из 531 генерала российской императорской армии, воевавшего с наполеоновскими войсками в 1812–1814 гг., можно выделить отдельную группу выходцев с Балкан, представленную в основном их потомками. Всего их оказалось 10 человек. Хотя в этом регионе проживало несколько славянских народов, но в России их всех именовали сербами. Но это было условное обозначение представителей всех народов этого региона. Не будем лишним раз описывать боевой путь и доблестную службу этих генералов. Это уже сделано, особенно в последнее время российскими исследователями, и их биографии нашли достойное место в справочной литературе¹. Попробуем остановиться на том, каким образом оказались зафиксированы в документах сербское происхождение генералов и особенности их попадания на российскую службу.

У многих предки в разное время переселились в Россию, и они являли собой уже третье и даже четвертое поколение, прожившее в стране, ставшей приютом для православных славян. Например, возьмем самого известного из «сербов» героя войны 1812 года — генерала от инфантерии М. А. Милорадовича, ко-

¹ См. энциклопедии, вышедшие в последнее время: Отечественная война 1812 года. М., 2004; Отечественная война 1812 года. Биографический словарь. М., 2011; Отечественная война и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Т. 1–3. М., 2012.

мандовавшего арьергардом (авангардом) армии и заслужившего в войсках негласный титул русского «Баярда». Собственно его прадед относился к первой волне сербских переселенцев и он же являлся основателем российской ветви этого рода. Это выходец из Герцоговины Михаил Ильич Милорадович (умер в 1726 г.), полковник Гадячского полка (с 1715 г.). Его сын Степан Михайлович Милорадович родился в Сербии в 1699 г., переехал вместе с отцом на Украину в 1711 г., от брака с Марией Михайловной Гамалей имел 6 сыновей и 1 дочь, а женой отца нашего героя генерал-поручика Андрея Степановича Милорадовича в свою очередь была Мария Андреевна Горленко². То есть, и дед, и отец женились на представительницах украинской казачьей элиты. Поскольку тогда не было украинской государственности, а дворянство имело имперскую ориентацию, то доминирующим в обществе был русский язык. Совместное с окружающими вероисповедание, языковая родственность и межнациональные браки значительно ускоряли процесс ассимиляции не с украинской старшиной, а с российским дворянством. Это было характерно тогда и для украинской элиты, и для других выходцев из Сербии.

В данном случае показателен пример с Г. П. Веселитским, который, как считается в литературе, являлся потомком выходцев из Далмации, а в графе о происхождении у него значится: «из дворян»³. Тем более что с юности он воспитывался в Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе, то есть полностью находился в русскоязычной среде. Он получил хорошее образование и в 1812 г., будучи еще полковником, был назначен командующим артиллерией 3-й Западной армии, хотя на эту вакансию имелось несколько претендентов из артиллерийских генералов.

Необходимо отметить, что вторая очень большая волна переселения сербов в Российскую империю последовала в середине XVIII столетия. Документы свидетельствуют о большой миграции народов православного вероисповедания с Балкан, попавших под духовное и физическое иго турков, сначала в Австрию и Венгрию. Первоначально их хорошо принимали, поскольку они были яркими противниками Османской империи. Они уходили за Дунай, спа-

² См.: Милорадович Г. А. Родословная книга Черниговского дворянства. Т. II. СПб., 1901. С. 131–133.

³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Л. 678–679; Д. 7060. Л. 375–376; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 58–60.

саясь от насильственного обращения в мусульман и «отуречивания». Но и там правовое положение сербского населения было весьма тяжелым, а кроме того имели место религиозные притеснения (запрещение строить церкви, стремление перевести сербов из православной веры в униатскую) со стороны католического духовенства. Поэтому взоры сербов обращались к России, в которой со времен Петра I они видели свою защитницу и покровительницу в борьбе с турецким господством на Балканах.

В 1751 г. к российскому послу в Австрии, обер-гофмейстеру, графу М. П. Бестужеву-Рюмину обратился полковник австрийской службы, серб по происхождению Иван Хорват фон Куртич, который просил принять его в подданство России «... во избежание тяжкого принуждения покорить себя папскому престолу с переменою греческого исповедания на католическое»⁴. Эту просьбу удовлетворили, после чего последовало переселение сербов в район Украины (современная Кировоградская область), получившей название Новой Сербии.

Вслед за этим на Украину в 1752 г. прибыли со своими людьми полковник Иван Шевич и подполковник Райко (Родион Степанович) Прерадович (серб. *Прерадовић*, родоначальник российской фамилии Депперадовичей)⁵, получивших разрешение поселить сербов-выходцев из Австрийской империи. Они тогда командовали двумя гусарскими полками, составленными в основном из сербов.

Первоначально и Шевич и Прерадович находились на австрийской службе в составе сербской милиции (*Srpska milicija*) на Военной границе (*Vojna krajina*). Но затем, вследствие усиления происков националистов в Австрии и Венгрии, начавших притеснять сербов, они прибыли в Россию и были приведены к присяге. Территория их поселений между реками Северным Донцом, Бахмутом и Луганью получила с тех пор название Славяносербии (ныне — в основном часть территории Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики). Донецкие степи к середине XVIII столетия были мало заселенной территорией и фактически являлись южной границей с Крымским ханством.

Внуки этих двух полковых командиров (получивших в России генеральские чины) не уронили честь своих дедов и в наполеоновскую

⁴ Очерк повествования о Новороссийском крае из оригинальных источников почерпнутый. Тверь, 1857. С. 8.

⁵ Чтобы подчеркнуть свое дворянское достоинство, Р. Прерадович к своей фамилии на французский манер добавил частицу «де». В результате образовался новый вариант фамилии — Депперадович.

эпоху также успешно руководили крупными кавалерийскими соединениями. Генерал-лейтенант И. Г. Шевич («Из сербского шляхетства в вечном российском подданстве»)⁶ командовал тяжелой гвардейской кавалерией и погиб в Лейпцигской битве в 1813 г. Генерал-лейтенант Н. И. Депрерадович («Из дворян славяносербского уезда Екатеринославской губернии»)⁷ начальствовал кирасирской, затем гвардейской дивизией, а в мирное время — уже корпусом.

Естественно, у большинства сербских потомков записи в формулярах свидетельствовали лишь о российском происхождении и, скорее всего, многие, возможно, даже не знали сербский язык (Г. П. Веселитский, М. А. Милорадович, Н. И. Депрерадович, И. Г. Шевич). Впрочем — и у остальных запись о знании родного языка отсутствовала.

Любопытно увидеть, что записи о происхождении весьма схожи у двух других генералов, долгое время командовавших егерскими полками и на этом поприще получивших очень хорошую репутацию: Н. В. Вуич — «Сербского шляхетства из обер-офицерских детей»⁸; И. С. Велizarьев — «Из сербского шляхетства Новороссийской губернии г. Миргорода»⁹. Совсем по иному выглядит эта запись у П. И. Ивелича: «Греческого исповедания бывшего Венецианского владения из графской фамилии г. Рязану состоит в вечном российском подданстве»¹⁰. Такой населенный пункт и ныне находится в Словении, следовательно, он, скорее всего, словенского происхождения. На русскую службу он был принят в 1788 г. поручиком из капитанов Венецианской республики по протекции уже служившего в России своего брата подполковника графа М. К. Ивелича (будущий генерал-лейтенант и сенатор), посланного в Черногорию для организации восстания против турок. С отличием потом П. И. Ивелич участвовал во многих войнах, которые вела Россия в наполеоновскую эпоху, получил в 1808 г. генерал-майорский чин и затем командовал бригадой.

⁶ РГВИА. Ф. 395. Оп. 7/319. Д. 70; Оп. 8/324. Д. 94; Оп. 172. Д. 261.

⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 546–549; Д. 2996. Л. 3–4. ОПИ ГИМ. Ф. 160. Д. 238. Л. 134–136.

⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1902. Л. 37–38; Д. 1907. Л. 15–16; Д. 7058. Л. 495–500. (Его предок Эммануил Вуич из корнетов австрийских войск в 1752 г. был принят на русскую службу и определен поручиком в Иллирический полк (Общий гербовик дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 22. М., 2016. С. 40).

⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1709. Л. 3–4.

¹⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1622. Л. 5–6. ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 159–160.

Весьма необычную запись о происхождении имел барон генерал Илья Михайлович Дука: «Сербской нации из дворян, уроженец города Анкона, на российское подданство не присягал»¹¹. Он родился в 1768 г. в Аахене, а в 1774 г. после смерти отца приехал в Россию к родственникам матери, в 1776 г. поступил нижним чиновом в российскую армию. В эпоху 1812 года он с успехом командовал сначала бригадой, а затем кирасирской дивизией.

Здесь необходимо отметить и другой аспект. Два кавалерийских лихих генерала имели запись в формуляре: «Из венгерских дворян» — Г. А. Эммануэль (первоначальная настоящая фамилия — Мануйлович) «Из венгерских дворян сербской нации»¹² и А. А. Юрковский «Из венгерских дворян греческого исповедания»¹³; и формально (по знанию этого языка) имели право считаться венграми, но оба исповедовали православную веру, поэтому никак не могли считаться таковыми. Правда, в среде даже образованного русского офицерства тогда было распространено ошибочное заблуждение, что венгры — «одноплеменные с Россиянами» и их легко можно будет поднять на восстание против австрийцев»¹⁴. Если по поводу происхождения Юрковского все еще остается много вопросов, то этого нельзя сказать про биографию генерала от кавалерии Эммануэля, поскольку почти сразу после его смерти увидело свет его подробное жизнеописание¹⁵. Сын обер-князя А. Мануйловича из г. Веернице в Банате, он начал служить в австрийских войсках, а в 1797 г. был принят на русскую службу поручиком в Лейб-гусарский полк. Командуя кавалерийской бригадой в 1812 г., Эммануэль заслужил генерал-майорский чин, а в 1814 г. за взятие Парижа получил чин генерал-лейтенанта. Без всякого покровительства за 30 лет честной службы в России Эммануэль достиг высокого чина генерала от кавалерии в 1828 г. По архивным сведениям, Юрковский в 17 лет был сразу определен на службу вахмистром в Венгерский гусарский полк в 1772 г. и с отличием участвовал в двух русско-турецких войнах и кампаниях 1805–1807 гг. против французов. Был произведен в 1807 г. в ге-

¹¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2699. Л. 9–10; Д. 7062. Л. 582–585; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 238. Л. 142–144.

¹² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 721–730.

¹³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Л. 408–409; Д. 7060. Л. 296–297; Д. 1907. Л. 297.

¹⁴ См.: *Безотосный В. М.* Материалы П. А. Чуйкевича // *События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии. Малоярославец, 1995.* С. 31.

¹⁵ *Голицын Н. Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. СПб., 1851.

нерал-майоры, после чего вышел в отставку и вернулся на службу в 1812 г. и снова командовал кавалерийской бригадой.

Кроме того, два представителя «сербской нации», как записано в их формулярах, барон И. М. Дука и Г. А. Эммануэль в 1812 г. еще даже не приняли российского подданства. Дука имел несколько необычный для славян титул барона (видимо, отец получил этот титул за службу в Священной Римской империи германской нации). Эммануэль, перешедший из австрийской службы в русскую в 1797 г., «дал реверс никогда не воевать против Австрии». В кампании 1809 г. против Австрии он был вынужден, чтобы не нарушать данного обязательства, подать рапорт на этот счет с ходатайством «не поднимать оружия против... прежних товарищей на ратном поле». Высшее командование сочло возможным удовлетворить его просьбу¹⁶.

Помимо чинов титулы в наполеоновскую эпоху имели только И. М. Дука и П. И. Ивелич, и М. А. Милорадович получил таковой в 1813 г. Необходимо отметить, что в формулярах встречаются и видоизмененные на сербский лад фамилии. Например, отцом генерала Ф. И. Древича («Из дворян Витебской губернии») был генерал-майор И. Г. фон Древиц, перешедший в 1759 г. в русскую армию из прусской и получивший за службу имение в Витебской губернии¹⁷. Поскольку он долгое время командовал Сербским гусарским полком, то и его немецкая фамилия оказалась переименованной на югославянский лад. И таковую сербскую фамилию в России носил его сын.

Также стоит упомянуть, что все без исключения десять генералов были награждены орденом Святого Георгия, высшей воинской наградой Российской империи: М. А. Милорадович имел 2-й класс, 6 человек — 3-й класс, а И. С. Велizarьев и П. И. Ивелич были награждены 4-м классом этого ордена. Из многочисленных дворян югославских народов, еще с начала XVIII в. с оружием в руках служивших России, десять фамилий генералов представляли лишь самую вершину айсберга или представительства «сербского шляхетства» в российской императорской армии. Гордость за их воинскую славу по праву нужно разделить между Россией и Сербией, а эта статья дань их памяти.

¹⁶ РГВИА. Ф. 26. Оп.1/152. Д. 420. Л. 611–612; Ф. 29. Оп.1/153в. Д. 90. Л. 161 об — 162. *Голицын Н. Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. СПб., 1851. С. 11. (За указание на архивные данные приношу благодарность московскому исследователю И. С. Тихонову, недавно умершему).

¹⁷ *Суворов А. В.* Письма. М., 1986. С. 484–485; *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1997. С. 18.

Фёдор Гайда

«УКРАЇНА ДЛЯ УКРАЇНЦІВ!» : РОЖДЕНИЕ ЭТНОНИМА ИЗ ДУХА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Во второй половине XIX столетия понятие «украинцы» использовалось относительно редко и, как правило, в значении словообразов или в качестве синонима к основному термину «малоруссы» (для обозначения русского населения малороссийской Украины). В целом «украинцы» не понимались как этноним, и, соответственно, само это слово не распространялось на галичан («русинов»). Хотя изредка под «украинцем» и могли понимать галицкого украинофила¹.

Однако вскоре, по мере нарастания в России революционного кризиса, термин приобрел яркое политическое звучание. В 1900 г. в Харькове была создана Революционная украинская партия (РУП). Адвокат Н. Михновский написал для нее программную брошюру «Самостійна Україна», опубликованную во Львове. Михновский отождествлял понятия «українці», «українська нація» и «український народ». Целью борьбы провозглашалась «одна, єдина, неподільна, вільна, самостійна Україна від гір Карпатських аж по Кавказькі». При этом в своем тексте Михновский практически не затрагивал галицкую тему, рассуждая лишь

¹ Гайда Ф. А. Историческая справка о происхождении и употреблении слова «украинцы» // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XII. М., 2012. С. 23–26.

о судьбах Украины поднепровской². В 1902 г. Михновский создал собственную Украинскую народную партию и написал для нее «10 заповедей УНП» (1904 г.), в числе которых была следующая: «Україна для українців! Отже, вигонь звідусіль з України чужинців-гнобителів» (Украина для украинцев! Итак, выгони отовсюду из Украины чужаков-угнетателей). Михновский рассматривал «украинцев» как угнетенный класс Украины и формирующуюся нацию. Будущая Украина подавалась партийным идеологом как «республика рабочих людей» — поскольку среди правящего слоя «украинцев» не было, а были лишь «москалі, ляхи, угри, румуни та жида». Сотрудничество с «ворогами» превращало «украинца» в «рenegата-відступника», «перевертня-відступника» и «зрадника», после чего настоящим «украинцем» он рассматриваться уже не мог³. Формулируя националистическую и социалистическую программу, Михновский четко объединял классовую и этническую структуру современной ему Украины. Принадлежность к «украинцам» подразумевала активное участие в строительстве будущей украинской нации.

Сотрудничавший с партийной газетой РУП «Гасло» («Лозунг»; выходила в 1902–1903 гг.) публицист-галичанин М. Лозинский начал использовать этноним «украинцы» (в том числе «галицкие украинцы») в издававшемся М. Грушевским и И. Франко львовском журнале «Літературно-науковий вістник» с ноября 1904 г.⁴ Кроме того, в феврале 1905 г. Лозинский обращал особое внимание на недопустимость употребления наряду со словом «український» понятия «руський»⁵. Та же тенденция проявилась с начала 1905 г. у близкого к партии публициста газеты «Киевские отклики» полтавчанина И. Стешенко (в 1917–1918 гг. — генерального секретаря образования Центральной рады), особо отмечавшего, что «украинофильство вмещает» как «культурно-национальные идеи», так и «социально-политические»⁶. Характерно

² *Михновський М. І.* Самостійна Україна. Київ, 2002. С. 29, 32, 35–37, 41–43.

³ Там же. С. 9.

⁴ Літературно-науковий вістник. Т. 28. Львів, 1904. Кн. 11. Паг. II. С. 86; Т. 29. Львів, 1905. Кн. 1. Паг. II. С. 32; Т. 32. Львів, 1905. Кн. 10. Паг. II. С. 18 и т. д.

⁵ Там же. Т. 29. Львів, 1905. Кн. 2. Паг. II. С. 105. См. также: *Лозинський М.* Українство і москвофільство серед українсько-руського народу в Галичині. Львів, 1909. С. 9.

⁶ *Стешенко І.* Украинский вопрос в освещении «Гражданина» // Киевские отклики, 30 марта 1905 г. См. также: *Стешенко И. М. П.* Драгоманов и его значение в развитии украинского народа // Киевские отклики, 8 июня 1905 г.

применение в 1905–1906 гг. термина «украинцы» было и для члена РУП полтавчанина С. Петлюры⁷. Уже в апреле 1905 г., откликаюсь на российские события, слово «украинцы» в этом смысле начал использовать галичанин И. Франко⁸.

Профессор Лембергского (Львовского) университета М. Грушевский первоначально пользовался традиционной терминологией. В своих публицистических работах Грушевский писал об «украинско-руськом народе»⁹, понимая под «украинцами» лишь малороссийскую его часть¹⁰. Можно привести характерные примеры:

«Українці мусять стати нацією, коли не хочуть зостатися паріями серед народностей. Прийшов той час — час життя або смерті. Деякі підстави національного розвою сотворені працею останніх літ у Галичині — їх можна присвоїти. Але поза тим зостається багато такого, що мусить бути зроблене самими українцями, і не буде, не може бути зроблене ніким іншим за них» («Украинцы должны стать нацией, если не хотят остаться париями среди народностей. Пришло то время — время жизни или смерти. Некоторые основания национального развития сотворены трудом последних лет в Галичине — их можно присвоить. Но кроме того остается много такого, что должно быть сделано самими украинцами, и не будет, не может быть сделано никем другим за них»)¹¹;

«Розуміється, галичани й українці не повинні допустити до сього. Ті змагання до українізації Галичини, які велися досі свідомо лише одиницями й викликали часто нарікання в людях не свідомих сеї актуальної справи, тепер, супроти такої небезпеки, мусять вестися всім свідомим загалом галицьким» («Разумеется, галичане

⁷ Петлюра С. Статті, листи, документи. Нью-Йорк, 1956. С. 32, 202, 208.

⁸ Франко І. Одвертий лист до галицької української молодіжі // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті: Документи і матеріали / Ред. Т. Гунчак, Р. Сольчаник. Т. 1. Б. м., 1983. С. 132, 134.

⁹ Добиваймося свого університету [1897] (Грушевський М. С. Твори: у 50 т. Т. 1. Львів, 2002. С. 164–176); Українсько-руське літературне відродження в історичнім розвіі українсько-руського народу [1898] (Там же. С. 111–116).

¹⁰ Запомога письменникам [1894] (Грушевський М. С. Твори у 50-и томах. Т. 11. Львів, 2008. С. 19–23); Українсько-руське літературне відродження в історичнім розвіі українсько-руського народу [1898] (Там же. Т. 1. С. 111–116); Як мене спроваджено до Львова, [1898] (Там же. С. 117–122). См. также: Грушевський М. К польско-украинским отношениям Галиции // Киевская старина. 1905. № 7–8. С. 200.

¹¹ Українство і питання дня в Росії [март 1905] // 3 біжучої хвилі (збірник) См.: Грушевський М. С. Твори: у 50 т. Т. 1. Львів, 2002. С. 293–300.

и украинцы не должны этого допустить. Те усилия в украинизации Галичины, которые пока предпринимались сознательно лишь единицами и вызвали часто нарекания в людях, не сознающих этого насущного дела, теперь, при такой опасности, должны осуществляться всеми сознательными галицкими силами»¹²).

В своем личном дневнике Грушевский также продолжал использовать слово в старом, географическом смысле¹³.

Интересно отметить, что Грушевскому были хорошо известны примеры употребления слова «украинцы» в польских документах конца XVI — середины XVII в., которые он не только цитировал, но и публиковал¹⁴. Возможно, именно с учетом первоначального польского значения этого понятия (вооруженных отрядов, использовавшихся шляхтой в борьбе с казачеством) историк и не торопился применять его в этническом значении. Стоит отметить, что в мае 1905 г. Грушевский предвосхитил одну из своих публицистических статей особым примечанием: «В Галичине по старой традиции термины Русь, Русин, русинский означают национальность малорусскую (украинскую по принятой теперь терминологии)»¹⁵.

Выступая ведущим публицистом еженедельника украинской депутатской группы «Украинский вестник», Грушевский обычно пользовался термином «украинский народ»¹⁶, но уже в 6-м номере (вышел 25 июня 1906 г.), выступая против польского национализма в Галиции, применял понятие «украинцы галицкие»¹⁷. Однако окончательная трансформация произошла в 1907 г.¹⁸

¹² Галичина і Україна [грудень 1906] // Там же. С. 376–382.

¹³ Грушевський М. С. Щоденник (1888–1894 рр.). Київ, 1997. С. 152 (ср. здесь же употребление слова «русинський»), 196.

¹⁴ Жерела до історії України-Руси. Т. 8. Львів, 1908. II паг. С. 92; Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 9. Кн. 1. Київ, 1997. С. 310, 342.

¹⁵ Грушевський М. К польсько-українським отношениям Галиції. I // Киевские отклики, 23 мая 1905 г.

¹⁶ Грушевський М. Задачі «Українського вестника» // Український вестник. 1906. № 1. С. 6; *Его же*, Український Пьемонт // Там же. № 2. С. 105.

¹⁷ Грушевський М. Встрєвоженний муравейник // Там же. № 6. С. 337–341. См. также: Літературно-науковий вістник. Т. 37. Львів, 1907. Кн. 1. С. 42; Кн. 2. С. 292.

¹⁸ Грушевський М. «Конец рутенства!» // Літературно-науковий вістник. Т. 40. Львів, 1907. Кн. 10. С. 135–147; *Он же*. Українство і всеслов'янство // Літературно-науковий вістник. Т. 42. Львів, 1908. Кн. 6. С. 543; *Он же*. На новий рік // Літературно-науковий вістник. Т. 45. Львів, 1909. Кн. 1. С. 123–124. Сравн.: Грушевський М. Движение политической и общественной украинской мысли в XIX столетии // Украинский вестник. 1906. № 9. С. 641

Примечательна также эволюция научной терминологии Грушевского. Во вступительной лекции о древней истории Руси, прочитанной им во Львове в 1894 г., фигурировали лишь «Русь» и «русский»¹⁹. В 1904 г. им также употреблялось понятие «украинско-русская народность»²⁰. В «Истории Украины-Руси» (10 томов, издавались в 1898–1937 гг.) Грушевский активно вводил словосочетания «украинские племена» и «украинский народ» в историографию Древней Руси и догосударственного периода. Вместе с тем, в его «Истории» слово «украинцы» («украинец») применялось по отношению к событиям до XVII в. весьма редко и только для российской части Украины²¹. При этом очень часто упоминались термины «русский» и «русин». Явное отождествление слов «русин» и «украинец» произошло лишь в VI томе, вышедшем в Киеве и Львове в 1907 г. При последующих переизданиях первых томов слова «русин» и «украинец-русин» часто заменялись на «украинец»²². В том же году Грушевский написал:

«Имя «Украина», «Украинцы», начавшее приобретать характер национального имени уже с XVII в., когда украинское Поднепровье, носившее это имя специально для обозначения пограничья, окраины, становится очагом национальных движений и национальной жизни Украины»²³.

Однако этот вывод в отношении слова «украинцы» не был ничем подкреплён.

Расширительная трактовка слова «украинцы» как этнонима постепенно приживалась как в «Украинском вестнике»²⁴, так и в иных изданиях. Младший брат историка приват-доцент Но-

¹⁹ Вступний виклад з давньої історії Русі, виголошений у Львівським університеті 30 вересня 1894 р. // Записки Наукового товариства імені Шевченка. 1894. Т. IV. С. 140–150.

²⁰ Грушевський М. С. Звичайна схема «руської» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства // Статті по славянознавченню. Т. I. СПб., 1904. С. 301 і т. д.

²¹ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. I. Изд. 2-е. Львів, 1904. С. 4, 166, 173, 269, 271, 511–512, 525–527; Т. III. С. 147, 466 і т. д.

²² Ср.: Т. I. Изд. 2-е (Львів, 1904. С. 269, 275, 525) и изд. 3-е (Київ, 1913. С. 306, 312, 559).

²³ Грушевський М. Освобождение России и украинский вопрос. Статьи и заметки. СПб., 1907. С. 12.

²⁴ В. Ж[аботинский]. Non multum, sed multa // Украинский вестник. 1906. № 9. С. 647–650; Дорошенко Д. Ученое общество имени Шевченка во Львове // Там же. С. 667; На Украине // Там же. № 10. С. 715.

вороссийского университета А. С. Грушевский (1877–1942) использовал в качестве этнонима понятие «украинцы в Галичине» в журнале «Записки Наукового товариства ім. Шевченка» с конца 1906 г.²⁵ Для журнала «Киевская старина» (выходил в 1882–1906 гг.) употребление слова «украинцы» было несвойственно, однако в 1907 г. на его основе был создан журнал «Украина», в котором началось последовательное применение этого понятия в этническом смысле, в том числе и по отношению к галицким русинам (особенно характерно это было для таких ранее состоявших в РУП авторов, как Д. Дорошенко, происходившего из известного казачьего черниговского рода, и, в первую очередь, для С. Петлюры)²⁶. Польский историк и украинский общественный деятель В. К. Липинский в 1909 г. предложил использовать понятие «украинец» вместо «русин» на том основании, что его в качестве самоназвания якобы использовали казаки начиная с XVI в.²⁷

Понимание слова «украинцы» в качестве этнонима стало выходить за пределы украинского революционного движения после Первой русской революции. С конца 1907 г. термин появился в работах В. И. Ульянова (Ленина)²⁸. В лексиконе кадетской партии «украинцы» возникли в 1909 г. под влиянием полтавчанина П. И. Чижевского²⁹. В целом к 1917 г. термин «украинцы» имел разнообразные значения, однако доминирующим становилось этническое — с ярко выраженным национально-социалистическим наполнением.

²⁵ Грушевський М. С. 3 українського культурного і наукового життя середини XIX в. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 74. Львів, 1906. С. 83, 87.

²⁶ Украина. 1907. № 1. II пар. С. 12–14, 39, 40, 47; № 2. I пар. С. 243, 246, 254–257, 261; II пар. С. 78, 84, 94, 96, 98; № 4. I пар. С. 62, 115, 120; II пар. С. 4.

²⁷ *Lipiński W. Szlachta na Ukrainie. I. Udział jej w życiu narodu ukraińskiego na tle jego dziejów.* Krakow, 1909. S. 7–8.

²⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 16. М., 1973. С. 386; Т. 17. М., 1968. С. 263; Т. 25. М., 1969. С. 66.

²⁹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. Т. 2. М., 2000. С. 151, 165–166.

С. Л. ФРАНК. «ПАНИДЕАЛ» (1909)¹

Публикация М. А. Колерова

Странная эта книга — «Панидеал» Гольцапфеля, любопытный документ человеческой души, наводящий на грустные и забавные размышления. Но еще более любопытно, забавно и грустно появление ее на русском языке — не столько самый факт ее перевода, сколько та претензия, с которой он выступает. Если верить г. Владимиру Астрову, переводчику «Панидеала», снабдившему книгу восторженным предисловием пояснительного и биографического содержания, в «Панидеале» человечество обретает, после многовековых исканий, новое евангелие, дающее душе современного человека полное утешение в ее страданиях и вместе с тем являющееся не «иллюзией», а строго научным эмпирическим учением. Несколько лет тому назад г. Луначарский, ныне основатель и апостол новой религии, уже рекомендовал русским читателям это новое евангелие; теперь, с переводом этой книги на русский язык, возможно появление у нас секты «гольцапфелистов», которая, пожалуй, некоторое время будет производить немало шума.

Что же это такое — «Панидеал»? Даже не имея обширной биографии ее автора, составленной переводчиком, из содержания самой книги можно догадаться, что Гольцапфель — человек много переживший и прочувствовавший, — современный человек, фаустовского типа, неудовлетворенный жизнью и исполнен-

¹ Слово. СПб. № 716. 22 февраля (7 марта) 1909. С. 2.

ный «мировой скорби». Но именно — только *догадаться*; метафизические и религиозные порывы автора можно вычитать между строк книги; кто сосредоточится только на том, что в книге сказано, тот перейдя от пылкой характеристики личности автора в русском предисловии к самой книге, испытает горькое разочарование. С внешней стороны «Панидеал» есть собрание занумерованных (всего 1077!), написанных в стиле и с терминологией Авенариуса, ученых психологических заметок. Хотите знать, что такое «тоска»? Раскройте главу вторую, и вы узнаете под № 112, что есть «два понятия тоски: а) отчасти безнадежная тоска, б) совершенно безнадежная тоска», а под № 130, что «если в тоске I или в тоске II имеются приятные моменты, то воспоминание о тоске I или II может перейти в желание III тоски I или II, resp. в тоску III по тоске I или II». Или об искусстве мы можем узнать, например, (цитирую наудачу) в № 822: «Объектом часто копирующего положительного одобрения, с точки зрения революционной совести градуального в различиях гигиопсихического развития, может стать такое эксклудирование, инклудирование и комплементирование, которое способствует градуальному в различиях гигиопсихическому развитию человечества». Но не подумайте, что это — набор бессмысленных слов, что автор — шарлатан и морочит своих читателей. Это есть просто язык Авенариуса, — тот самый язык, изучать который отказался даже самый ближайший единомышленник Авенариуса — Мах, сославшись на недостаток времени для овладения языком, на котором пишет только один человек. В «эксклудировании, инклудировании и комплементировании» Гольцапфель искренно и добросовестно нашёл успокоение своей мятущейся души; современный Фауст завершил свои мытарства местом фамулуса в школе Рих. Авенариуса. И немало, вероятно, ищущих Бога русских душ будут, по стопам Гольцапфеля, биться над «эксклудированием и инклудированием», в уверенности, что в них-то и таятся последние и притом строго научные ответы на «проклятые» вопросы о смысле и цели жизни. И если простое чтение, с научными целями, произведений Авенариуса с его школы, и притом на том самом языке (близком к немецкому), на котором они написаны, представляет такие трудности, то сколько же усилий должно быть положено, чтобы вычитать из аналогичного труда Гольцапфеля целое «миросозерцание», даже ещё читая его по-русски! А что это значит — русская передача этого мудреного языка, — можно усмотреть хотя бы из одного примера, ко-

торый я позволю себе еще привести: красивое, понятное и простое немецкое слово *kampflos* (лишенный борьбы, мирный) при необходимости передать его точно терминологически, превращается в некое лингвистическое чудовище — «безборьбенный» (!), которое фигурирует на десятке страниц, посвященных понятию «борьбы»; так, № 397 гласит внушительно: «убийство есть безборьбенное смертоносное вариирование, связанное с отрицательным чувством общения».

Но дело, конечно, не в языке, трудность, искусственность и неопрятность которого так или иначе можно преодолеть; дело не в стиле речи, а в стиле мыслей. Если суметь ориентироваться среди заколдованного леса этих 1077 эмпириокритических «ориентировок», то основную мысль Гольцапфеля можно понять и формулировать приблизительно следующим образом. Все человеческие искания, руководимые верой в какие-либо религиозные или вообще объективные ценности, иллюзорны и потому тщетны. Место проповеди и религиозно-метафизического творчества должно занять научное исследование, психологическое описание и расчленение субъективных переживаний, на которые опираются или из которых состоят эти искания.

На почве такого научного анализа должна быть построена педагогическая система, задача которой — воспитывать чувства и настроения, наиболее благоприятствующие всестороннему духовному развитию личности и человечества. Такое развитие и обогащение духа (или вера в него) и называется «панидеалом». Панидеал («всеидеал») есть идеал, объемлющий все отдельные мыслимые идеалы (этические, эстетические и т. п.), — ибо все они совпадают в идее духовного обогащения; но, вместе с тем, он не опирается ни на какие метафизические посылки, а выведен научно, из психологического исследования идеальных исканий и запросов.

Это звучит так «гордо», что не всякий, пожалуй, подметит то, можно сказать, филистерское недомыслие, на котором всецело покоится это рассуждение. Задачу религии, в которой люди доселе искали «панидеала», должна отныне выполнять некая эмпириокритическая психиатрия или, как эта дисциплина зовется у Гольцапфеля, «био критика»: вместо исканий абсолютной правды нужно научиться искать субъективно-полезные переживания и настроения. Мечников мечтает, что развитие гигиены делает религию излишней; Гольцапфель предлагает вытеснить ее психической гигиеной («гигиопсихическим развитием» — гово-

ря опять его собственным языком). Но если мое искание истины иллюзорно и безнадежно, что мне [sic. — М. К.] поможет гигиена и психиатрия? К чему мне тогда весь этот вымученный искусственным самоанализом «панидеал»? И может ли быть вообще потребность в объективной правде объективно же удовлетворена с помощью какой-то психологической «ориентировкой» в моих переживаниях?

Ясно, что дело идет здесь не об объективном удовлетворении интереса, а о субъективной *подмене* его другим интересом Фауста. Эмпириокритическая теория его жизненной драмы излечить не может; но если Фауст устал от исканий и способен превратиться в Вагнера, он найдет успокоение в психологической лаборатории Авенариуса, как нашел бы его в других занятиях. Поскольку «Панидеал» есть *личная исповедь* — а он и есть таковая, несмотря на все «эксклюдирования» и «инклюдирования», — он говорит о душевной усталости автора и о попытке его удовлетвориться самодовольной мудростью Вагнера и забиться в ней. Повторяю, это — грустная, и вместе смешная книга, не евангелие, а скорбный лист современной человеческой души, уставшей от безверия и все же мечтающей удовлетворить потребность в вере какую-либо новой хитроумной формой безверия. В «Панидеале» много отдельных метких психологических замечаний, ценных в научном отношении, иногда приближающихся к остроте ницшевского анатомирования совести. Но это — не система, а еще меньше — вероучение; это проблески живой человеческой души, тонущие в педантизме и мертвости общего «эмпириокритического» метода. Если бы автор не задавался широкой научной и философской целью, а в ряде афоризмов передал жизненную мудрость своих исканий и разочарований, его книга была бы ценнее, умнее и полезнее.

В странном противоречии с сухостью и неуклюжестью системы «Панидеала» стоит исполненное лирического посыла и прозелитического воодушевления предисловие к ней, составленное переводчиком. Оно дает любопытную картину приключений, неудач и исканий Гольцапфеля; но его тяжело и смешно читать, ибо это — не просто биография, а вдохновенное описание жизни нового пророка, евангелие которого записано в 1077 эмпириокритических положениях «Панидеала». Такое безвкусное и преувеличенное поклонение (г. Астров говорит почти только в превосходной степени: «глубочайшая тоска», «индивидуальнейшие переживания»), и не скупится на неумеренные эпитеты)

свидетельствует лишь об отсутствии чувства меры и разумной перспективы. Мы не сомневаемся, однако, что такая по меньшей мере наивная восторженность в рекомендации Гольцапфеля будет весьма содействовать популярности этой восходящей философской звезды.

Повторяем: кажется, на очереди ближайшего дня стоит «гольцапфелизм», и чем труднее будет постигать «безборьбенность» и «эксклудирование», тем глубже и нужнее будет казаться скрытая под ними мудрость.

А. В. Ганин¹

ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ СУД ПРИ ШТАБЕ ОРЕНБУРГСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (1918–1919 ГГ.): ИСТОРИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Непредвзятое изучение острой и политизированной темы террора периода Гражданской войны в России 1917–1922 гг. невозможно без самого тщательного анализа документации репрессивных органов сторон. Южный Урал был регионом, где Гражданская война отличалась значительной жесточенностью. Разумеется, вопрос о терроре в тех краях, его масштабах и особенностях представляет большой общественный интерес. К сожалению, этот вопрос даже в региональном аспекте подвергся сильнейшей политизации и искажениям в силу того, что многие авторы не стремятся к глубокому изучению проблемы террора на основе архивных документов, а пытаются навязать аудитории собственные представления, не подкрепленные сколько-нибудь серьезным анализом источников, и откровенно спекулируют на этой непростой теме.

Как известно, летом 1918 г. на Южном Урале (прежде всего, на территории части Оренбургской губернии и в ряде прилегающих местностей) был установлен антибольшевистский режим казачьего атамана А. И. Дутова. В монографии об оренбургском атамане, опубликованной в 2006 г., автор этих строк впервые на основе архивных документов опроверг пропагандистский миф со-

¹ Ганин Андрей Владиславович — ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук.

ветской эпохи о том, что здесь возник террористический режим, угнетавший местное население². Солидарность с такой оценкой позднее выразил авторитетный оренбургский историк, специализирующийся на этом периоде, Д. А. Сафонов³. Представляется, что этот тезис, основанный на масштабном изучении документации федеральных и региональных архивов, носит консенсусный характер и является документально верифицируемым. Однако попытки исторического ревизионизма, осуществляющиеся без опоры на репрезентативную источниковую базу и ее тщательный критический анализ, вынуждают вновь вернуться к вопросу о терроре Гражданской войны в Оренбуржье, но уже на более глубоком уровне погружения⁴.

Сохранившаяся документация карательных органов белых позволяет осуществить детальный анализ репрессивной практики некоторых из этих учреждений. В частности, военно-полевого суда при штабе Оренбургского военного округа. В Российском государственном военном архиве (РГВА) имеется два неполных фонда оренбургских военно-судебных учреждений, действовавших при белых — Военно-окружного суда Оренбургского военного округа (Ф. 39742) и Военно-полевого суда оренбургского гарнизона (Ф. 39657). В общей сложности это 24 единицы хранения, среди которых сохранились списки фигурантов дел, вынесенные приговоры, переписка судов, а также отдельные следственные дела. Названия фондов не вполне отражают их содержимое, поскольку в первом из них содержатся в основном документы военно-полевого суда при штабе округа, а во втором документы обоих военно-полевых судов. Отдельные материалы сохранились в других фондах.

Делопроизводство военно-полевого суда при штабе округа велось достаточно хаотично — не у всех приговоренных к смертной

² Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 359–373.

³ Сафонов Д. А. Факел над бездной: Революция 1917 года и Гражданская война на Юго-Востоке Европейской России. Оренбург, 2017. С. 262.

⁴ См. наши публикации по этому вопросу: Ганин А. В. Статистика заключенных Оренбургской губернии под властью белых (1918–1919) // Гороховские чтения: материалы восьмой регион. музейн. конф. / Сост., науч. ред. А. Э. Алакшин. Челябинск, 2017. С. 52–65; *Он же*. Оренбургские тюрьмы в 1920 г. (по материалам обследования мест заключения Киргизского края) // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сб. ст. Оренбург, 2018. С. 172–176; *Он же*. Казаки сдали своих. Трагическая история семьи Михайловых на фоне братоубийств, в которые страна погрузилась столет назад // Родина. 2018. №4. С. 129–133.

казни указывались номера дел, а при отсутствии имен идентификация личности этих людей представляет самостоятельное расследование. Тем не менее на основе этих документов автором составлена база данных по фигурантам дел военно-полевого суда, что позволило проанализировать характер и масштабы его деятельности.

Военно-полевой суд начал работать сразу по занятии Оренбурга восставшими против красных казаками, еще до прибытия в город из Тургайского похода самого атамана А. И. Дутова. Первоначально этот орган именовался военно-полевым судом при штабе Оренбургского казачьего войска. 3 июля казаки-повстанцы заняли Оренбург, а уже на следующий день военно-полевому суду на основании приказа по Оренбургскому казачьему войску и Оренбургской губернии №2 был предан гражданин В. К. Иванов, обвинявшийся в том, что «он во время власти в г. Оренбурге шайки большевиков служил в контрразведке, организованной этой шайкой и производил лично расстрел некоторых лиц»⁵.

Председателем суда тогда был есаул П. Е. Чулаков, членами — есаулы Гумбург и А. Ф. Леонтьев, подьесаулы Вагин и Леонтьев⁶. Состав суда неоднократно менялся. 6 июля «приказом по городу Оренбургу и войскам», подписанным в качестве командующего фронтом лидером казаков-повстанцев войсковым старшиной Н. П. Карнауховым, был назначен более авторитетный состав. Председателем суда стал полковник П. А. Агапов, членами — полковники А. А. Афонасьев и В. Ф. Кретчмер, есаул П. Е. Чулаков, штабс-капитан Магерский. Запасным членом стал подьесаул Е. В. Ершов, секретарем — есаул А. Ф. Леонтьев⁷. Атаман А. И. Дутов сменил председателя суда, назначив 12 июля на этот пост А. А. Афонасьева⁸. Позднее, вероятно, для соблюдения интересов освободивших Оренбург повстанцев в состав суда вводились с правом решающего голоса представители Круга объединенных станиц и съезда 1-го военного округа⁹. Наконец, приказом начальника обороны Оренбургского казачьего войска №108 от 14 августа 1918 г., подписанным Дутовым, председателем суда стал пол-

⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39 742. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁶ Подробнее об упоминаемых офицерах см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007.

⁷ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 12, 18, 21, 22, 23, 24, 28.

ковник В. Ф. Кретчмер¹⁰. В этой должности Кретчмер оставался до начала 1919 г.

Ряд членов суда имел значительный стаж в антибольшевистских формированиях, а, следовательно, был достаточно мотивирован идейно. В частности, старший урядник Секретев участвовал в повстанческом движении с 14 марта 1918 г., младший урядник Трунов — в набеге на Оренбург 4 апреля 1918 г., а затем во всех боях с красными¹¹.

Постепенно структура военно-полевого суда усложнилась. В начале августа 1918 г. он был разделен на два отделения¹², функции которых пока до конца не выяснены. По характеру дел можно предположить, что 2-е отделение, сформированное к 20 августа, занималось более значимыми политическими преступлениями. В одном из документов начала сентября 1918 г. содержался запрос председателя суда председателю военно-следственной комиссии, делятся ли дела поровну между отделениями¹³.

В своей работе суд руководствовался, в основном, дореволюционным военным законодательством (Свод военных постановлений 1869 г.). 25 июля 1918 г. было предписано сообщать в газетах обо всех лицах, оправданных судом¹⁴. Однако уже летом 1918 г. к прежним нормам добавились новые. Приказом №2 от 4 июля (21 июня)¹⁵ 1918 г. по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области вводилась смертная казнь за большинство серьезных преступлений — за убийство, разбой, нападение на должностных лиц и военных. К этому добавлялось аналогичное наказание «за активное участие в шайке, именующей себя большевиками и составленной преимущественно лицами не русского происхождения, приехавшими из Германии для уничтожения русского государства, а также для совершения тяжких преступлений: разбоя, убийства, грабежа, кощунства, похищения святынь, святотатства, без различия вероисповедания и захвата чужого имущества, виновные приговариваются к лишению всех прав состоя-

¹⁰ Там же. Л. 37.

¹¹ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5. Л. 94–94 об.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 8. Л. 99.

¹⁴ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 7. Л. 19 об.

¹⁵ С момента установления в Оренбурге антибольшевистского режима и до 14 (01) июля 1918 г. властями использовался старый стиль летоисчисления (Оренбургский казачий вестник. 1918. №9. 14 (01).07. С. 2).

ния и к смертной казни»¹⁶, такое же наказание предусматривалось за укрывательство комиссаров и красноармейцев и «лиц, выступивших с оружием в руках против войск, боровшихся за созыв Учредительного собрания»¹⁷. Приказ был подготовлен и подписан временно исполнявшим должность Войскового атамана К. А. Каргиным и уполномоченным Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча) по Оренбургской губернии П. В. Богдановичем. Не имевший отношения к подписанию этого приказа атаман А. И. Дутов позднее разъяснил, что смертная казнь за укрывательство должна применяться лишь к лицам, укрывавшим «наиболее важных комиссаров»¹⁸. 4 августа 1918 г. был издан приказ №21 по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области, дополнявший приказ №2 статьями за бунт против власти Учредительного собрания, приготовление и подстрекательство к бунту, за шпионство, уничтожение складов, приведение в негодность путей сообщения, средств связи и прочие виды государственной измены, за участие в скопище, оказавшем противодействие вооруженной силе, за подстрекательство к уклонению от военной службы, за нападение на часового или патруль, сопротивление караулу¹⁹. Кроме того, этим приказом действие приказа №2 распространялось на преступления, совершенные с 18 января 1918 г. — со дня захвата Оренбурга красными, что придавало документу обратную силу.

В августе 1918 г. Комуч в связи с обращением оренбургской городской думы отменил приказы по войску №2 и №21. После этого военно-судебные учреждения Оренбургского военного округа стали руководствоваться приказом по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области №31 от 14 августа 1918 г., по которому военно-полевому суду предавались лица, обвинявшиеся в подстрекательстве, шпионаже, диверсиях, участии в скопищах, нападении на часового, убийстве, раз-

¹⁶ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 50.

¹⁹ Публикацию приказов №2 и 21 см.: Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919 гг.). Док. и мат. Оренбург, 1957. С. 149–150, 153–154 (при публикации приказа №2, видимо, с целью не ослаблять впечатление читателей приказа, был пропущен пункт 2 об умышленных убийствах, изнасилованиях, разбоях, грабежах, поджогах или утоплении чужого имущества); Сафонов Д. А. Между империей и республикой Советов: местная власть на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург, 2008. С. 374–375, 384–385.

бое, насилии, хранении неохотничьего огнестрельного оружия и взрывчатых веществ без разрешения. Приказ, как и предшествовавший ему приказ №21, распространялся на преступления, совершенные с 18 января 1918 г.²⁰

Суд также руководствовался приказом по Оренбургскому казачьему войску №75 от 18 августа 1918 г., согласно которому за антиправительственные речи и сочинения и их публичное произнесение полагалась ссылка на поселение, за антиправительственную агитацию в войсках — каторжные работы, а за составление антиправительственных речей — заключение в крепость на срок до трех лет²¹. К большевикам и их пособникам следовало относить лиц, служивших в РККА или Красной гвардии на строевых должностях, на должностях комиссаров (кроме выборных), лиц, занимавших ответственные посты в военных и карательных учреждениях большевиков, доносчиков, если их доносы послужили причиной ареста или гибели кого-либо, участников большевистских обысков и арестов, а также всех, кто добровольно боролся в рядах красных с оружием в руках²².

21 сентября 1918 г. в Самаре был издан приказ по военному ведомству Комуча №97 об учреждении военно-полевых судов в гарнизонах местностей, находящихся на военном положении. Военно-полевые суды создавались для ускорения судопроизводства. Предусматривалась смертная казнь за дезертирство, агитацию против отбывания воинской повинности, умышленные поджоги или потопления, грабежи, изнасилования²³.

Еще одним приказом, которым руководствовались судьи, был приказ №48 от 4 октября 1918 г., дополнявший приказ №31. Согласно этому приказу под смертную казнь подпадала даже неявка на службу без уважительных причин. В оренбургском гарнизонном военно-полевом суде, существовавшем параллельно с окружным, появление такого приказа вызвало недоумение, причем председатель писал главному начальнику округа 28 ноября 1918 г.:

«Разбирая неоднократно в гарнизонном военно-полевом суде дела воинских чинов, большей частью попадают преступления:

²⁰ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 6–7.

²² Там же. Л. 50.

²³ Там же. Л. 1.

уход из части на непродолжительные сроки и добровольное возвращение в часть, или же добровольная неявка в срок по мобилизации по причинам, хотя уважительным, но незаконным. За такие преступления, согласно воинского устава о наказаниях ст. 131 и 140 кн. XXII С. В. П.²⁴ 1869 г. изд. 4[-е], виновные подвергаются одиночному заключению в военной тюрьме до 4-х месяцев; между тем, суд, будучи связан исполнением приказа №31 и 48, приговаривает виновных к смертной казни согласно ст. 279, не имеющей лестницы наказания, ставя подсудимых на одну доску с умышленными убийцами, грабителями, насильниками и т. п. тяжкими преступниками.

Дабы творить суд по чистой совести и справедливости необходимо исправить вкравшееся недоразумение»²⁵.

Одним из первых дел, рассмотренных судом при штабе округа, было дело о казаках станицы Павловской П. Круцких и В. Пилюгине, датированное 13 июля 1918 г.²⁶ Фигурантов приговорили к смертной казни.

Суд рассматривал и дела со значительным количеством фигурантов. Так, для слушания дела о 22 подсудимых на 30 сентября 1918 г. был вызван караул в 35 человек, включая 5 конных²⁷. Среди групповых дел резонансным было дело о наказании казаков станицы Верхнеозерной, выдавших на расправу красным в апреле 1918 г. братьев Михайловых²⁸. По уточненным данным, казаки предстали перед судом 1 октября 1918 г.: одиннадцать приговорили к расстрелу, троих (в советских документах речь шла о пятирх) сослали в Восточную Сибирь на каторгу, одного приговорили к году тюремного заключения²⁹.

Удалось не только выявить данные по статистике работы суда за период до конца 1918 г., но и на основе алфавита дел суда и других документов составить базу данных на 515 фигурантов дел, рассматривавшихся судом за весь период его существования. Выборка из базы дала возможность реконструировать практически пол-

²⁴ Свод военных постановлений.

²⁵ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 3. Л. 111–111об.

²⁶ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

²⁷ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.

²⁸ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Казаки сдали своих. Трагическая история семьи Михайловых на фоне братоубийств, в которые страна погрузилась сто лет назад // *Родина*. 2018. №4. С. 129–133.

²⁹ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 7. Л. 62–62об., 64.

Таблица 1

Период	Поступило		Рассмотрено		Приговорено		
	дел	человек	дел	человек	к смертной казни	к каторжным работам	к тюремному заключению
До 09.09.1918	205	291	77	94	37	—	13
10.09.1918–01.10.1918	17	20	22	33	11	8	—
01.10.1918–15.10.1918	20	21	16	43	20	6	3
16.10.1918–31.10.1918	35	46	37	64	28	5	13
01.11.1918–16.11.1918	9	25	22	27	8	1	4
17.11.1918–01.12.1918	2	3	18	33	8	4	7
01.12.1918–12.12.1918	6	11	10	12	4	2	42*
Итого:	294	417	202	306	116	26	44

* Кроме того, 1 человек приговорен к высылению.

ный список 113 приговоренных к смертной казни³⁰. По данным статистики суда, его деятельность представляется в следующем виде: см. Таблицу 1.

Эти данные в кратком виде были опубликованы мною в 2006 г. в монографии «Атаман А. И. Дутов»³¹. Сплошное изучение фон-

³⁰ Прежде всего, см.: РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5. Л. 20, 43, 55, 68, 75, 84, 86. Список публикуется в приложении.

³¹ Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 370.

к телесным наказаниям	на фронт	Оправдано (человек)	Передано во 2-е отде- ление		Передано в военно- следств. комиссию		Прокурору окружного. суда		Осталось	
			дел	человек	дел	человек	дел	человек	дел	человек
3	1	27	57	63	3	3	6	7	71	142
—	—	3	1	1	1	1	1	1	63	126
—	—	14							67	104
—	—	18	1	1					66	87
—	2	9	2	2					53	85
—	11*	3							38	56
—	—	—							34	50
3	4	74	61	67	4	4	7	8		

* Кроме того, к выселению приговорено 8 человек и к работам — 1 человек.

да военно-полевого суда в РГВА и составление на основе этих документов базы данных по фигурантам дел, включая именной список приговоренных к смертной казни, позволили подтвердить полноту ранее опубликованных статистических данных. Сведения о репрессиях в первой строке таблицы относятся к деятельности суда с начала его создания до 9 сентября 1918 г.

Из представленных в таблице данных следует, что суд рассмотрел 68,7% дел. 38% фигурантов были приговорены к смертной казни, 8,5% — каторжным работам, 14,4% — к тюремному за-

ключению, 1% — к телесным наказаниям и 1,3% — к отправке на фронт. Оправданы были 24,2% фигурантов.

Среди установленных поименно 113 человек, приговоренных к смертной казни, 53 человека обвинялись в большевизме и 18 по приказу №31. Еще по одному человеку возможен один из этих двух вариантов. В отношении 42 человек обвинения неизвестны. Касательно обвинений по приказу №31, по всей видимости, речь также шла о большевизме. Смертные приговоры выносились и в отношении казаков. Из приговоренных один бежал, другой был убит при попытке побега, еще один покончил с собой.

После занятия Оренбурга в январе 1919 г. красные опубликовали список расстрелянных белыми в губернской тюрьме, включавший 177 человек (обозначим его как список 177)³². Анализ данных этого списка показал, что документ касается отнюдь не одной губернской тюрьмы, а представляет собой сводный список расстрелянных, использовавшийся в пропагандистской работе. Список составлялся крайне небрежно, в результате чего в него попали не только казненные, но и совершившие самоубийство или побег. В целях установления точных данных о масштабах антибольшевистских репрессий в регионе мы сопоставили этот список с выявленными нами данными о приговоренных военно-полевым судом к смертной казни. Как оказалось, 86 приговоренных к смертной казни из нашей базы данных совпали с фигурантами списка 177 и в отношении еще пяти лиц совпадение предположительно в силу небрежности составления списка, приведшей к существенным искажениям фамилий и имен. Таким образом, списки не суммируются, а накладываются один на другой. Кроме того, совпавших по двум спискам нельзя считать жертвами самосуда.

Еще 37 человек из списка 177 совпали с персоналиями составленной нами базы данных подсудимых военно-полевого суда. Вполне возможно, большинство из них также были казнены — мы не располагаем данными о смертных приговорах в их отношении. По выявленным нами данным среди них встречаются ли-

³² Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 128. Л. 1об.; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-827. Оп. 11. Д. 124. Л. 1–3. Список был опубликован 31 января 1919 г. в газете «Коммунар» — органе Оренбургского губернского и городского исполнительного комитета советов. Позднее об этом же списке с незначительным искажением его данных упомянула газета «Правда» (Правда. 1919. №24. 02.02. С. 3).

ца, вердикт суда в отношении которых оказался иным. В частности, С. Ежов, К. Кумафиев и А. Марчуков (в списке 177 указан как Морчук) были приговорены к телесным наказаниям, а А. Иванов и вовсе оправдан³³. Разумеется, это не исключает того, что они могли быть позднее расстреляны, однако ставит под сомнение достоверность сведений списка 177 как расстрельного.

Что касается выявленных приговоров в целом, то десять человек по обвинениям в большевизме и по приказу №31 решением суда подлежали выселению. 24 человека, в основном по тем же обвинениям, приговорены к каторжным работам. Еще одного человека приговорили к работам (видимо, иного характера). 46 человек получили тюремные сроки. Одного подсудимого разжаловали и приговорили к заключению в крепости. Трех приговорили к телесным наказаниям. Пятерых, в основном за большевизм, службу в РККА и по приказу №31, отправили на фронт (в отношении одного из них обвинение неизвестно).

Десять фигурантов дел (в основном обвинявшихся в несвоевременной явке по мобилизации или самовольной отлучке) находились в бегах. В большинстве своем это были представители рядового и унтер-офицерского состава. Но среди беглецов был и один офицер — прапорщик Я. М. Фридман. Двое фигурантов дел находились в госпитале, рассмотрение дела еще одного отложили из-за болезни обвиняемого. Два дела передали прокурору окружного суда. 76 человек суд оправдал, также в основном по приказу №31 и за большевизм. В их числе тургайский комиссар М. Тимошенко.

Среди фигурантов дел выявлено 26 женщин. Три из них (А. Т. Логинова, Ю. Малиновская и Л. И. Соловьева) были приговорены к смертной казни. Обвинение известно лишь в отношении Логиновой — приказ №31.

В общей сложности 183 человека обвинялись в большевизме или большевистской агитации, 82 — по приказу №31. Двое обвинялись в службе в РККА, еще двое — в распространении провокационных слухов и в неисполнении приказов, по одному — в выдаче красным укрывавшихся офицеров и кадет (фактически таких было больше, но фигурантов дела о выдаче на расправу братьев Михайловых обвиняли в большевизме) и в неисполнении

³³ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5. Л. 42 об.

приказов. Двенадцать человек обвинялись в несвоевременной явке по мобилизации, шестеро — в нарушении порядка несения караульной службы, четверо — в самовольных отлучках, еще один — в самовольной отлучке и краже, трое — в побеге, один — в хранении оружия и патронов.

В числе подсудимых было не менее 14 офицеров: есаул (И. А. Юдин), штабс-капитан (Королев), два поручика (Габитов и Попов), хорунжий (И. П. Петров, приговорен к расстрелу), два подпоручика (Майстрах и Н. Хмелевский) и семь прапорщиков (А. Лупандин, М. Никифоров, Б. П. Мартынов, С. Пастухов, В. П. Ушаков, Я. М. Фридман и Ф. Юркин). Интересно, что четверых офицеров обвиняли в нарушении порядка несения караульной службы, по одному — в побеге со службы, по приказу №31 и в несвоевременной явке по мобилизации.

Насколько можно судить, следственные действия отличались тщательностью, что приводило к затягиванию рассмотрения дел. Это даже вызвало нареkanie главного начальника Оренбургского военного округа на театре военных действий, который 11 ноября 1918 г. приказал увеличить интенсивность работы военно-полевых судов³⁴.

Сохранились материалы дела старшего милиционера А. В. Филатова. Он был арестован 9 июля 1918 г., вскоре после занятия казаками Оренбурга, за службу у красных, поскольку около месяца прослужил делопроизводителем по строевой части 28-го Уральского полка³⁵. Арест произвели его же прежние товарищи по службе у красных прапорщик М. Трифонов и подпоручик Л. Иванов, принявшие активное участие в антибольшевистском движении. Расследование затянулось до декабря 1918 г., а само дело занимает 44 листа. Как оказалось, 28-летний мещанин Филатов поступил на службу красным из-за жалованья, служил у них короткое время в мае 1918 г., причем хранил у себя оружие подьесаула Филатова (возможно, А. А. Филатова, с которым, очевидно, находился в родстве), которое затем возвратил³⁶. Поскольку за службу у красных полагалась смертная казнь, а вина была явно незначительной, военно-полевой суд ходатайствовал о замене казни лишением всех прав состояния и ссыл-

³⁴ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

³⁵ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

³⁶ Там же. Л. 10 об., 15 об.

кой в каторжные работы на пять лет³⁷. Впрочем, очевидно и такой приговор был слишком суров.

Характерен обвинительный материал и приговор от 3 сентября 1918 г. в отношении 32-летнего Е. А. Веселова «за активное участие в шайке большевиков»:

«Обвинительный материал против подсудимого Веселова слагается из оглашенного показания свидетеля Дементьева, из которого видно, что подсудимый 4 апреля [1918 г.], вооруженный винтовкой, собирал рабочих, агитируя против казаков и вел такую же агитацию в большевистском клубе и на могилах убитых красноармейцев, а по слухам участвовал в расстреле трех казаков-разведчиков возле почты. Во-вторых, из показаний свидетельницы Драчевой, слышавшей слова подсудимого: “Сегодня мы посадили трех казаков на мушку”, обращенные к сидевшему рядом с ним свидетелю Ежкову. Третье: из показаний свидетельницы Чекушкиной, будто во время вооружения большевиками рабочих подсудимый собирал рабочих и говорил им, что надо вооружаться, чтобы с оружием отстаивать завоевания революции, а также свидетелей Дементьева, Попова, Драчевой, Сумского, Фоминой, Чекушкиной, что подсудимый после набега казаков ходил с винтовкой. Обращаясь к рассмотрению этих доказательств, суд усматривает, что показания свидетелей, видевших подсудимого Веселова с винтовкой в руках в количестве двух раз, а именно: на другой или на третий день после набега казаков вечером и на другой день утром, совпадают с показаниями самого подсудимого, пояснившего, что он действительно, в бытность его председателем фабрично-заводского комитета заготовочного отделения фабрики “Райкож” вскоре после набега, под угрозами рабочих сапожного отдела той же фабрики вынужден был взять винтовку, пошел с нею домой и на другой день утром возвратил. Это находит себе подтверждение в показаниях свидетеля подпоручика Леонтьева»³⁸.

Расследование показало, что о причастности Веселова к расстрелу и агитации говорил только свидетель Дементьев, причем по слухам. Как оказалось, подсудимый не выдал участников борьбы с красными, о которых заведомо знал, а также добился через

³⁷ Там же. Л. 10 об.

³⁸ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 6. Л. 50–50 об.

собрание рабочих освобождения (видимо, из-под ареста) подпоручика Леонтьева³⁹. В итоге суд Веселова оправдал.

Суд рассматривал и дела о дезертирстве. За опоздание на службу по мобилизации на срок до 24 дней полагалось от одного до двух месяцев тюрьмы, за опоздание на больший срок полагалась смертная казнь. Так, 22 ноября 1918 г. к лишению всех прав состояния и смертной казни за 25-дневное опоздание на службу по мобилизации был приговорен 30-летний младший фейерверкер мортирной батареи 5-й стрелковой артиллерийской бригады П. П. Марков. Приговор утвердил главный начальник Оренбургского военного округа на театре военных действий генерал-майор И. Г. Акулинин⁴⁰. Однако, «принимая во внимание его, подсудимого, чистосердечное сознание, добровольную явку и тяжелое семейное положение по уборке хлеба, а также письменное заявление командующего мортирной батареей 5-й стрелковой артиллерийской бригады суд... определяет: ходатайствовать перед командующим войсками заменить подсудимому Петру Маркову назначенное ему наказание содержанием в тюрьме военного ведомства сроком на четыре месяца с лишением унтер-офицерского звания и с потерей некоторых прав и преимуществ по службе»⁴¹.

Иногда приговоры военно-полевого суда смягчались войсковым начальством. К примеру, в июле 1918 г. временно командовавший в отсутствие А. И. Дутова войсками Оренбургского военного округа полковник И. Г. Акулинин смягчил приговор прапорщику Б. П. Мартынову, заменив лишение всех прав состояния и смертную казнь разжалованием в рядовые и отправкой «в распоряжение генерала Ханжина⁴² с назначением на один из наиболее опасных фронтов, где бы он кровью мог смыть свой позор»⁴³. Смертный приговор активному стороннику большевиков есаулу И. А. Юдину был также смягчен. Юдина разжаловали в рядовые и приговорили к заключению в крепости, на повестку Войскового Круга Дутов вынес предложение о лишении его казачьего звания⁴⁴.

³⁹ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 6. Л. 51 об.

⁴⁰ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 52 об.

⁴¹ Там же. Л. 53.

⁴² На тот момент М. В. Ханжин являлся командиром Уральского отдельного корпуса.

⁴³ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

⁴⁴ РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 154–154 об.

Оренбургским командованием практиковалось не только смягчение приговоров, но и полное освобождение заключенных, если это диктовалось государственными интересами. Так, по просьбе башкирского политика С. Мрясова войсковой администрацией были освобождены из тюрьмы башкиры, арестованные по обвинению в большевизме⁴⁵.

Невиновным был признан и атаман станицы Благословенской 1-го военного округа урядник И. Е. Попов, 40 лет. Попова судили 3 января 1919 г. по обвинению в том, что он «при большевиках обезоружил и арестовал проезжавших через станицу офицеров Шишелова, Вагина и Карманова»⁴⁶. Речь шла о событиях после ухода белых из Оренбурга в январе 1918 г. В ночь на 18 января 1918 г. через станицу Благословенскую из Оренбурга проезжала группа офицеров. Остановившись в поисках подвод, они были задержаны казаками, причем у офицеров изъяли три револьвера и три бомбы, после чего арестовали. На следующий день «старички» освободили арестантов. В противном случае их могли отправить в занятый красными Оренбург.

Интересно, что просьбы к атаману станицы арестовать Попова и соучастников военно-следственная комиссия отправляла дважды — в августе и в октябре 1918 г.⁴⁷ По всей видимости, первый раз это сделано не было. Невиновным Попов был признан в связи с тем, что «фактическое выполнение ареста, задуманного группой большевистски настроенных казаков и разночинцев станицы Веневцевым, Щербаковым и друг [ими] было произведено подсудимым Поповым под давлением и угрозами этих лиц, причем на другой день Попов сам лично вместе со своими единомышленниками принял участие в созыве схода и подготовке общественного мнения об освобождении арестованных, которые и были после того выпущены и отправлены к киргизам»⁴⁸. Кроме того, в деле имелся общественный приговор станицы от 15 января 1919 г. о том, что Попов отличался хорошим поведением⁴⁹.

Случались и ошибки, в том числе в отношении активных сторонников белых. Подпоручик Н. Н. Карлов, 41 года, обвинялся в служ-

⁴⁵ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Док. и мат. В 4 т. Уфа, 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 399.

⁴⁶ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Л. 4, 12.

⁴⁸ Там же. Л. 1–1 об.

⁴⁹ Там же. Л. 15.

бе у красных в Ташкенте интендантом. Но, как выяснилось, речь шла об одном из первых участников антибольшевистского движения в Оренбуржье, который еще в декабре 1917 — январе 1918 г. участвовал в обороне Оренбурга и в числе последних возвратился в город с передовой. После оставления дутовцами Оренбурга в январе 1918 г. Карлов скрывался в Ташкенте, где, вероятно, служил при красных. Военно-полевой суд признал Карлова невиновным, однако он был направлен на фронт рядовым, хотя и без лишения офицерского чина. Перевод на офицерское положение, согласно резолюции генерала И. Г. Акулинина, был возможен после того, как он «в боях докажет свою непричастность к большевизму и преданность Родине»⁵⁰. Карлов это доказал, проявив себя в рядах 19-го стрелкового полка, затем оказался в 25-м Оренбургском казачьем полку и даже попал на службу в контрразведку белых, но в мае 1919 г. умер от сыпного тифа⁵¹. Речь шла об активном стороннике белых. Приговор ему, казалось бы, не был суров, но не может быть назван справедливым. Подобные решения белых правоохранителей неизбежно отталкивали сторонников антибольшевистского движения.

Среди документов военно-полевого суда встречаются упоминания и о деле Евгении Бурзянцевой, обвинявшейся в «активном участии в бан[де] больш[евиков]». Постановлением военно-следственной комиссии от 7 августа 1918 г. она была предана военно-полевому суду. Дело взяли в работу только 17 сентября, а затем передали прокурору окружного суда⁵². Возможно, она имела родственное отношение к казненному в августе 1918 г. бывшему комиссару юстиции Оренбургской губернии М. Н. Бурзянцеву. История Бурзянцевой, которого белые захватили с беременной супругой, а затем зарубили, стала в советское время и в постсоветский период у всецело доверяющих этому сюжету авторов левого толка хрестоматийным примером бесчеловечности белых в Оренбуржье, поскольку далее следовало продолжение, что беременной Марии Бурзянцевой Дутов якобы позволил родить ребенка, после чего казнил и его, и мать⁵³. На поверку оказалось, что в основу сюжета были положены не до-

⁵⁰ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

⁵¹ Там же. Л. 31.

⁵² РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5. Л. 44; Д. 6. Л. 64; Д. 8. Л. 54.

⁵³ Сайгин Н. И. В тылу Дутова (борьба подпольщиков и партизан Оренбуржья против дутовщины в 1918 году). Оренбург, 2001. С. 16; Ратковский И. С. Белые репрессии в Оренбуржье в период Гражданской войны в России в 1917–1919 гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. №2 (06). С. 124–125;

кументы, а художественное произведение советской писательницы Л. Н. Сейфуллиной. Проанализировавший этот эпизод Д. А. Сафонов пришел к выводу о том, что впервые эта история была озвучена самой Сейфуллиной в 1935 г. в газете «Оренбургская коммуна»⁵⁴.

Если в ходе следствия выяснялась какая-либо оперативно значимая информация, эти данные передавались председателем суда начальнику Оренбургской войсковой милиции. В частности, 18 сентября 1918 г. председатель суда сообщал: «На судебном следствии по делу Петра Кирилова выяснилось, что родной его брат Иван Николаевич Кирилов, бывший матрос Черноморского флота, ныне скрывшийся из г. Оренбурга, заставил всех рабочих завода “Орлес” собраться в контору и затем идти на станицу Бердскую. Отец Ивана Кирилова — Николай Кирилов — рабочий того же завода, живет на дальнем складе Пименова. Сообщая об изложенном, прошу за появлением означенного Ивана Кирилова установить наблюдение и принять меры к его задержанию»⁵⁵. Впрочем, в выявленных нами документах фигурирует человек с иным отчеством — Петр Владимирович Кирилов.

В переписке военно-полевого суда отмечалось, что дела за неимением возможности держать собственный архив направлялись прокурору военно-окружного суда на заключение. Решения суда предполагалось сдать в тюрьму для эвакуации при необходимости⁵⁶. Поскольку в январе 1919 г. белым пришлось спешно бросить тюрьму, дела, вероятно, были уничтожены красными.

21 января 1919 г. Оренбург был оставлен белыми. Посмотрим, как кризис на фронте отразился на работе военно-полевого суда и привело ли это к усилению репрессий.

10 января 1919 г. суд рассматривал дело осмотрщика вагонов станции Оренбург-2 Орской железной дороги крестьянина Оренбургского уезда П. Т. Кальдюшева (Никитина), 39 лет, обвинявшегося в службе у красных и в грабежах станиц. Дело расследовала Оренбургская военно-следственная комиссия с ноября 1918 г. 25 ноября 1918 г. Кальдюшев не признал себя виновным и сообщил:

Он же. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2017. С. 138.

⁵⁴ Сафонов Д. А. Факел над бездной: революция 1917 года и Гражданская война на юго-востоке европейской России. Оренбург, 2017. С. 262–266.

⁵⁵ РГВА. Ф. 39 742. Оп. 1. Д. 6. Л. 28–28 об.

⁵⁶ РГВА. Ф. 39 742. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

«В Красной гвардии я не служил, но был, как и все другие железнодорожные рабочие, вооружен. Вооружен я был “силою оружия” — против моей воли. Будучи вооружен, я ездил с поездами ж.д., но не в качестве бойца, а в качестве осматривщика вагонов. Других рабочих вооружаться я никогда не призывал и не мог этого делать, так как никаким начальством не был. В нападении на станицу Краснохолмскую и вообще на какие-либо другие станицы и в разграблении их не участвовал. В расхищении имущества юнкерского училища я также не участвовал. Что же касается найденных у меня книжек юнкерского училища, то их принес от какого-то своего товарища мой сын Иван»⁵⁷.

Интересно, что в деле имелось коллективное удостоверение граждан квартала о том, что Кальдюшев не состоял в Красной гвардии⁵⁸.

Суд признал Кальдюшева виновным в том, что «вскоре после прихода большевиков в г. Оренбург, без особого принуждения, угрожавшего жизни, поступил в Красную гвардию и служил там, будучи вооружен, до ухода большевиков из Оренбурга в июле 1918 года»⁵⁹. По приказу №31 за это полагалась смертная казнь, однако вердикт суда был следующим:

«Ввиду же того, что во время декабрьской забастовки 1917 года подсудимый работу продолжал и никакими данными дела не доказано участие его в грабежах, упоминаемых в постановлении следственной комиссии, суд ходатайствует о замене подсудимому Павлу Терентьевичу Кальдюшеву (он же — Никитин) смертной казни лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдачей в исправительные арестантские отделения сроком на два года»⁶⁰.

18 января 1919 г., за три дня до падения войсковой столицы, военно-полевой суд рассмотрел дело 29-летнего оренбургского мещанина, слесаря депо С. М. Вязьмина, обвинявшегося в том, что «во время первого наступления большевиков на г. Орен-

⁵⁷ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

⁵⁸ Там же. Л. 11.

⁵⁹ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–1об.

⁶⁰ Там же. Л. 1об.

бург, в начале января 1918 года добивал раненых защитников города с целью похищения принадлежащего им имущества»⁶¹. Якобы Вязьмин хвастался, что добивал кадет и гимназистов при обороне Оренбурга⁶². Каким же был приговор по столь серьезному в условиях войны и тяжелейшей фронтовой обстановки обвинению? Суд заслушал показания свидетелей и самого подсудимого, после чего оправдал Вязьмина, но ходатайствовал о его высылке из округа и войска⁶³. Еще 23 ноября 1918 г. Вязьмин был приговорен к смертной казни, однако последовало прошение рабочих депо Оренбурга к командиру войсками. Итоговое решение по делу не было скороспелым, поскольку вопрос рассматривался самым тщательным образом. Достаточно отметить, что материалы дела составили 84 листа⁶⁴. Следствие допрашивало свидетелей по ориентировкам жены Вязьмина. В результате подробного изучения всех материалов удалось установить, что Вязьмина оговорили, причем, как оказалось, на самом деле он спасал преследовавшихся красными⁶⁵. Итак, никаких изменений в судебной практике в связи с переменами на фронте не наблюдалось.

Отметим, что и работа гарнизонного военно-полевого суда перед оставлением белыми Оренбурга не изменила свой характер в сторону ужесточения. Вплоть до эвакуации из города суд работал по прежним принципам и приказам, в том числе вынося оправдательные приговоры и прекращая дела⁶⁶.

О деятельности военно-полевого суда после оставления Оренбурга данных нет. Известно, что его председатель полковник В. Ф. Кретчмер 13 февраля 1919 г. получил новое назначение в войсках⁶⁷.

Военно-полевой суд при штабе Оренбургского военного округа не был единственным карательным органом, выносившим расстрельные приговоры при Дутове. Приказом по Оренбургскому военному округу №371 от 4 октября 1918 г. в Оренбурге был учрежден гарнизонный военно-полевой суд. Суд рассма-

⁶¹ РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

⁶² Там же. Л. 73–73 об.

⁶³ Там же. Л. 53 об.

⁶⁴ Там же. Л. 53–137.

⁶⁵ Там же. Л. 126.

⁶⁶ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 1. Л. 55–57, 59, 66; Д. 3. Л. 57; Д. 7. Л. 1 об.; Д. 8. Л. 1; Д. 9. Л. 1а — 1а об.

⁶⁷ Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 304.

тривал проступки военнослужащих и граждан, предусмотренные приказами Комуча № 31 и 48, а также побег с военной службы, укрывательство дезертиров, грабежи, изнасилования, умышленные поджоги и утопление чужого имущества и все воинские преступления, «за которые в числе наказаний указана смертная казнь»⁶⁸. Однако анализ сохранившихся дел гарнизонного суда не свидетельствует о том, что этот орган злоупотреблял правом присуждения высшей меры наказания⁶⁹. Председателем суда стал

⁶⁸ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.Р-1912. Оп. 1. Д. 26. Л. 100.

⁶⁹ Рассмотрим практику гарнизонного военно-полевого суда. За первый побег со службы младший унтер-офицер 18-го Оренбургского стрелкового полка К. Болотский был приговорен к месяцу тюремного заключения с потерей некоторых прав и преимуществ по службе (РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 48 об.). Ушедший домой на несколько дней младший унтер-офицер 18-го Оренбургского стрелкового полка П. Ф. Гончаров получил месяц военной тюрьмы (РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 6. Л. 1). В протоколе допроса Гончарова записано: «Виновным себя я признаю. Мои родители были расстроены тем, что все мои товарищи находились дома, а я один попал на службу — это и побудило меня убежать. Ушел из полка я 18 сентября, а пришел 23 сентября. Дома я успокоил родителей, сказав: «Кто же будет служить Родине, если все будут дома», после этого мать запрягла лошадь и привезла меня в полк» (Там же. Л. 2). Аналогичным был приговор за такое же преступление (ушел из полка по семейным обстоятельствам на несколько дней) старшему унтер-офицеру 21-го Оренбургского стрелкового полка Д. А. Рубанову, также лишенному воинского звания (РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 14. Л. 16). Совершивший аналогичный проступок младший унтер-офицер 21-го Оренбургского стрелкового полка Е. Н. Урюпин был приговорен к полутора месяцам военной тюрьмы и лишению звания (РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–3). Оправдан был солдат Оренбургской отдельной железнодорожной роты В. К. Наумов, ушедший домой на праздник и пропустивший из-за этого отправку роты на фронт. Наумов, однако, поехал вслед за ротой и вскоре явился в нее (РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 9. Л. 1а — 1а об.). Разумеется, везло далеко не всем дезертирам и уклонистам. Суровая участь постигла двух двадцатилетних солдат 21-го Оренбургского стрелкового полка И. И. Заруцкого и Ф. М. Маликова, которые, узнав, что полк выдвигается на позиции, 4 ноября 1918 г. бежали с подложными документами. На Сакмарском мосту беглецы были задержаны караульными башкирами-казаками. Предъявленным документам не поверили. В итоге двое подозрительных попали в следственную комиссию и в городскую милицию, где во всем сознались, после чего были отправлены к коменданту Оренбурга и на гарнизонную гауптвахту. Дезертиры утверждали, что отлучились домой за теплой одеждой и обувью, которых не получили в полку (РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 4. Л. 15 об. — 16). 16 декабря суд в закрытом заседании приговорил дезертиров к смертной казни (Там же. Л. 14). Заруцкий в последнем слове сказал, что раскаивается в содеянном (Там же. Л. 16 об.). Тем не менее приговор был приведен в исполнение (Там же. Л. 9). Главный начальник Оренбургского военного округа на театре военных действий генерал-

полковник С. В. Буш. Соотношение полномочий двух судов пока неясно, причем вопрос подсудности преступлений гарнизонному суду не был ясен даже в рассматриваемый период. В частности, военный прокурор Оренбургского военно-окружного суда в декабре 1918 г. просил разъяснений на этот счет⁷⁰. Между двумя судами существовало взаимодействие и практика обмена делами. Так, по имеющимся данным, восемнадцать дел гарнизонного суда в декабре 1918 г. были переданы в 1-е отделение суда при штабе округа⁷¹.

Следует отметить и то, что приказом по Оренбургскому военному округу от 13 октября 1918 г. №434 был учрежден военно-прокурорский надзор военно-окружного суда, прокурором которого был назначен полковник Буйнов⁷². Сотрудники этого органа должны были инспектировать условия содержания арестованных на гарнизонной гауптвахте⁷³. К сожалению, о результатах деятельности надзора данных нет.

В условиях непримиримости сторон Гражданской войны активное соучастие в деятельности красных расценивалось белыми как

майор И. Г. Акулинин требовал от работников судов «при разборе дел о дезертирах карать беспощадно» (резолюция от 16 декабря 1918 г. на телеграмме коменданта орского этапа о массовом бегстве солдат — РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 4. Л. 6). Это требование было выполнено. Уже 21 декабря 1918 г. к смертной казни приговорили радиотелеграфиста штаба Юго-Западной армии, бывшего балтийского матроса В. В. Харченко, уехавшего домой за продуктами и бельем и задержавшегося из-за болезни жены на месяц, просьба Харченко о смягчении приговора не была поддержана генералом Акулининым (РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 11. Л. 10). На суровый приговор помимо факта дезертирства повлияло и то, что и.д. генерал-квартирмейстера штаба армии полковник Г. И. Петрановский-Белаш признал Харченко ненадежным для ответственной работы в радиоотделении и препроводил его к Оренбургскому уездному воинскому начальнику, откуда Харченко попал к коменданту Оренбурга для содержания под арестом (Там же. Л. 23–24). Иные проступки карались иначе. Казак пулеметной команды 19-го Оренбургского казачьего полка И. С. Челпаченков, признанный виновным «в неисполнении приказа начальника по нерадению и [в] самовольном отсутствии от команды, неоднократно замеченном пьянстве и неисправном дурном поведении», приговорен к одиночному заключению в тюрьме военного ведомства на два месяца, замененному четырехмесячным заключением в гражданской тюрьме (РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2347. Л. 54 об.). За брань в ответ на замечание унтер-офицеров одного из нижних чинов приговорили к отправке в дисциплинарную часть на один год (Там же. Л. 55).

⁷⁰ РГВА. Ф. 39657. Оп. 1. Д. 3. Л. 79.

⁷¹ Там же. Л. 93 об. — 96 об.

⁷² ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

⁷³ Там же. Л. 5.

одно из тягчайших преступлений, подлежащих высшей мере наказания. Аналогичный подход в отношении своих врагов практиковали и красные, причем в более широких масштабах. Анализ документации военно-полевого суда при штабе Оренбургского военного округа показал, что около четверти подсудимых оправдывались, в том числе по обвинениям в большевизме. При этом значительная часть приговоров к смертной казни выносилась за причастность к большевизму. Судя по сохранившимся делам, следствие велось достаточно тщательно, что приводило к затягиванию рассмотрения дел.

Сопоставление базы данных фигурантов дел военно-полевого суда с советским списком 177 расстрелянных белыми в Оренбуржье, выявило значительные совпадения. 123–128 персоналий из списка 177 проходили по делам суда. Соответственно, данные списка приговоренных к смертной казни военно-полевым судом и списка 177 не суммируются, а накладываются друг на друга. Это позволяет скорректировать известные данные о масштабах и характере белого террора в регионе.

Таким образом, речь идет в основном не о жертвах самосудов, а о приговоренных военно-полевым судом. В то же время выявленные материалы неопровержимо свидетельствуют, что большинство смертных приговоров выносились по политическим мотивам в отношении сторонников красных или тех, кто у них служил. Следовательно, речь идет о политическом терроре.

История военно-полевого суда при штабе Оренбургского военного округа показательна и позволяет составить представление о масштабах и характере белого террора в Оренбуржье, а также об особенностях правоприменительной практики в регионе под властью атамана А. И. Дутова.

Список приговоренных к смертной казни
военно-полевым судом при штабе
Оренбургского военного округа

№	Фамилия, имя, отчество	Обвинение
1.	Алехин ⁷⁴ Петр Андреевич	приказ № 31
2.	Атаков Павел Иванович	большевизм
3.	Афанасьев ⁷⁵ Иван Иванович	большевизм
4.	Бакчеев ⁷⁶ Александр	большевизм
5.	Барабаш ⁷⁷ Марк Демьянович	большевизм
6.	Барсуков ⁷⁸ Дионисий	приказ № 31
7.	Башилов ⁷⁹ Николай	большевизм
8.	Белов ⁸⁰ Максим	
9.	Бетлис ⁸¹ Иван	
10.	Васькин ⁸² Яков Михайлович	
11.	Володин ⁸³ Иван	большевизм
12.	Володин ⁸⁴ Порфирий	большевизм
13.	Воржанцев ⁸⁵ Илья	
14.	Воржанцев Алексей	
15.	Гайдин ⁸⁶ Федор Алексеевич	большевизм

⁷⁴ Казнен 01.12.1918. Также указан в списке 177 расстрелянных белыми в Оренбуржье политзаключенных (ГА РФ. Ф. Р-827. Оп. 11. Д. 124. Л. 1–3 — далее — список 177).

⁷⁵ Также в списке 177.

⁷⁶ Также в списке 177 как Бахчев Александр.

⁷⁷ Убит при попытке побега около 19.10.1918. Фигурирует в списке 177 как Барабош Марк.

⁷⁸ Также в списке 177.

⁷⁹ Также в списке 177.

⁸⁰ Также в списке 177.

⁸¹ Казнен 05.12.1918. Также в списке 177 как Бичелис Иван.

⁸² Казнен 28.11.1918. Также в списке 177.

⁸³ Также в списке 177.

⁸⁴ Также в списке 177.

⁸⁵ Также в списке 177 как Варжанцев Илья.

⁸⁶ Из ст. Верхнеозерной. Казак, 30 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Предположительно в списке 177 как Гайден Иван.

16. Глазков⁸⁷ Григорий большевизм
17. Голиков⁸⁸ Иван Егорович большевизм
18. Гурьянов⁸⁹ Андрей Иванович большевизм
19. Гусев⁹⁰ Семен
20. Дикарев⁹¹ Увар
21. Елохин⁹² Кузьма большевизм
22. Есауленко⁹³ Евгений Г.
23. Журавлев⁹⁴ Алексей приказ № 31
24. Загребенюк⁹⁵ Исидор
25. Засорин⁹⁶ Павел приказ № 31
26. Забарко (Зобарко)⁹⁷ Николай М.
27. Иванов⁹⁸ Андрей Иванович большевизм
28. Иванов Василий Константинович
29. Иванов⁹⁹ Дмитрий Кузьмич большевизм
30. Ильин¹⁰⁰ Леонид В.
31. Инкирев¹⁰¹ Афанасий Кириллович большевизм
32. Кадысев¹⁰² Григорий
33. Карпов¹⁰³ Михаил Н.
34. Каширин¹⁰⁴ Дмитрий

⁸⁷ Также в списке 177.

⁸⁸ Из ст. Верхнеозерной. Вахмистр, 30 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

⁸⁹ Также в списке 177.

⁹⁰ Из станицы Воздвиженской. Также в списке 177.

⁹¹ Также в списке 177.

⁹² Также в списке 177 как Елехин К.

⁹³ Также в списке 177.

⁹⁴ Казнен 09.12.1918. Также в списке 177 как Журавлев Алексей.

⁹⁵ Также в списке 177 как Загребанюк Исидор.

⁹⁶ Также в списке 177.

⁹⁷ Также в списке 177. Следователь оренбургской ГубЧК, оставленный в Оренбурге для подпольной работы, бывший рабочий, передавал разведданные через линию фронта красным (*Сайгин Н. И.* В тылу Дутова. С. 25).

⁹⁸ Из ст. Верхнеозерной. Казак, 52 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

⁹⁹ Из ст. Верхнеозерной. Младший урядник, 40 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹⁰⁰ Также в списке 177.

¹⁰¹ Также в списке 177 как Инкиров Афанасий.

¹⁰² Также в списке 177 как Кадырев Григорий.

¹⁰³ Бежал. Также в списке 177.

¹⁰⁴ Юнкер. Также в списке 177.

35. Кирилов¹⁰⁵ Петр Владимирович большевизм
 36. Ковещиков (Ковешников)¹⁰⁶ Василий
 37. Козонурдин¹⁰⁷ Василий Прокофьевич большевизм
 38. Комлев
 39. Корабельщиков¹⁰⁸ Андрей Никандрович большевизм
 40. Косарев¹⁰⁹ Афанасий Павлович большевизм
 41. Косырев¹¹⁰ Николай Изотович приказ № 31
 42. Кочемасов¹¹¹ Николай приказ № 31
 43. Красильников¹¹² Николай Михайлович большевизм
 44. Кроп¹¹³ Анатолий
 45. Круцких¹¹⁴ Петр
 46. Кулин Иван Егорович приказ № 31
 47. Кучеров¹¹⁵ Искак большевизм
 48. Лабугин¹¹⁶ Николай
 49. Ларин¹¹⁷ Михаил
 50. Лобанов¹¹⁸ Калистрат большевизм
 51. Логинова Анна Тихоновна приказ № 31
 52. Мазин¹¹⁹ Иосиф приказ № 31
 53. Майоров¹²⁰ Павел Дементьевич большевизм
 54. Макаренков¹²¹

¹⁰⁵ Также в списке 177. Рабочий завода «Орлес», 22 лет (Пролетарская революция в гор. Оренбурге 1917 г. Воспоминания участников на вечерах Истпарта. Оренбург, 1927. Вып. 1. С. 82).

¹⁰⁶ Повесился. Также в списке 177 как Кавешников Василий.

¹⁰⁷ Также в списке 177 как Казанурин Василий.

¹⁰⁸ Из ст. Верхнеозерной. Казак, 34 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹⁰⁹ Из ст. Верхнеозерной. Казак, 53 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹¹⁰ Также в списке 177 как Косарев Николай.

¹¹¹ Также в списке 177.

¹¹² Из ст. Верхнеозерной. Казак, 20 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹¹³ Также в списке 177.

¹¹⁴ Из станицы Павловской.

¹¹⁵ Из станицы Воздвиженской. Также в списке 177 как Крутчев Искак.

¹¹⁶ Казнен в январе 1919 г. Также в списке 177.

¹¹⁷ Казнен 05.12.1918. Также в списке 177.

¹¹⁸ Также в списке 177.

¹¹⁹ Также в списке 177.

¹²⁰ Также в списке 177.

¹²¹ Казнен в январе 1919 г.

55. Малиновская¹²² Юлия
 56. Малышев¹²³ Иван Иванович
 57. Марин (Морин) Терентий большевизм
 58. Матковский¹²⁴ Александр Т. 59. Мезгин¹²⁵ Михаил
 60. Мелекесов¹²⁶ Александр Федорович большевизм
 61. Меленчук¹²⁷ Трофим Степанович большевизм
 62. Мочачимба¹²⁸ Гок
 63. Нарутдинов¹²⁹ Варретдин
 64. Насыртыянов Фазлетдин
 65. Николаев¹³⁰ Афанасий Яковлевич большевизм
 66. Никонович Осип В.
 67. Новокрещенов¹³¹ Евдоким Владимирович большевизм
 68. Обухов¹³² Василий Степанович (Сергеевич?) ... большевизм
 69. Овсянников¹³³ Василий большевизм
 70. Овчаров¹³⁴ Федор Андреевич большевизм
 71. Павлыгин¹³⁵ Федор
 72. Пащенко¹³⁶ Григорий Данилович приказ № 31
 73. Петров¹³⁷ Иван Павлович
 74. Пилюгин¹³⁸ Василий

¹²² Казнена 05.12.1918. Также в списке 177.

¹²³ Из станицы Воздвиженской. Казнен в начале сентября 1918 г. с П. А. Чекаловым. Также в списке 177.

¹²⁴ Также в списке 177.

¹²⁵ Он же — Есипов Иван (Петр). Казнен 09.12.1918. Вероятно, также в списке 177 как Мазин Михаил.

¹²⁶ Из ст. Верхнеозерной. Казак, 24 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918.

¹²⁷ Также в списке 177.

¹²⁸ Дело передано в следственную комиссию. Также, вероятно, в списке 177 как Боси-Гимба Рок.

¹²⁹ Предположительно также в списке 177 как Насретдинов Хаулетдин.

¹³⁰ Из станицы Воздвиженской. Также в списке 177.

¹³¹ Из ст. Верхнеозерной. Вахмистр, 57 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹³² Из ст. Верхнеозерной. Казак, 37 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹³³ Также в списке 177.

¹³⁴ Также в списке 177.

¹³⁵ Казнен в январе 1919 г. Также в списке 177.

¹³⁶ Казнен 18.12.1918.

¹³⁷ Хорунжий. Также в списке 177. Подробнее см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 438.

¹³⁸ Из станицы Павловской. Также в списке 177.

75. Пловодов ¹³⁹	
76. Повшин ¹⁴⁰ Логин	большевизм
77. Погадаев ¹⁴¹ Афанасий	приказ № 31
78. Погадаев ¹⁴² Иван	приказ № 31
79. Попов ¹⁴³ Григорий	большевизм
80. Поскребышев ¹⁴⁴ Василий	большевизм
81. Поцецуев ¹⁴⁵ Сергей Иванович	большевизм
82. Прокаев ¹⁴⁶ Петр	приказ № 31
83. Пудовкин ¹⁴⁷ Елисей Николаевич	
84. Ровинский Василий Юрьевич	большевизм
85. Рогов ¹⁴⁸ Иван	большевизм или приказ № 31
86. Рогожин ¹⁴⁹ Дмитрий Михайлович	большевизм
87. Сальников ¹⁵⁰ Никита Афанасьевич	приказ № 31
88. Самсонов ¹⁵¹ Михаил Ильич	большевизм
89. Силантьев ¹⁵² Иван Степанович	приказ № 31
90. Смирнов ¹⁵³ Ефим Кузьмич	большевизм
91. Сокушев ¹⁵⁴ Семен Кириллович	большевизм
92. Солдаев Андрей	приказ № 31
93. Соловьева ¹⁵⁵ Людмила Ивановна	
94. Сорокин ¹⁵⁶ Кузьма Мокеевич	большевизм
95. Тайрих ¹⁵⁷ Михаил	приказ № 31

¹³⁹ Из станицы Воздвиженской. Бежал.

¹⁴⁰ Также в списке 177 как Паршин Логин.

¹⁴¹ Также в списке 177 как Погадаев Афанасий.

¹⁴² Также в списке 177 как Погадаев Иван.

¹⁴³ Также в списке 177.

¹⁴⁴ Предположительно также в списке 177 как Паскредов Василий.

¹⁴⁵ Также в списке 177 как Поцецуев Сергей.

¹⁴⁶ Казнен 14.12.1918. Также в списке 177 как Прокиев Петр.

¹⁴⁷ Также в списке 177.

¹⁴⁸ Также в списке 177.

¹⁴⁹ Из ст. Верхнеозерной. Младший урядник, 69 лет. По делу о выдаче братьев Михайловых. Казнен до 04.10.1918. Также в списке 177.

¹⁵⁰ Также в списке 177 как Салтников Никита.

¹⁵¹ Также в списке 177.

¹⁵² Также в списке 177.

¹⁵³ Также в списке 177 как Смирнов-Богданов Е. К.

¹⁵⁴ Также в списке 177.

¹⁵⁵ Также в списке 177.

¹⁵⁶ Также в списке 177.

¹⁵⁷ Он же — Суворов Василий. Казнен 09.12.1918. Также в списке 177 как Суворов-Тайрих Михаил.

96. Тимофеев¹⁵⁸ Денис Васильевич большевизм
 97. Трифонов¹⁵⁹ Николай И. большевизм
 98. Усманов¹⁶⁰ Насретдин большевизм
 99. Ушаков¹⁶¹ Николай
 100. Федоров¹⁶² Сидор Васильевич
 101. Федякин Андрей Кондратьевич большевизм
 102. Филиппов Сергей Сергеевич большевизм
 103. Фролов¹⁶³ Александр Иванович большевизм
 104. Хабер¹⁶⁴ Станислав
 105. Ходоровский¹⁶⁵ Бонифатий большевизм
 106. Чекалов¹⁶⁶ Павел А.
 107. Чемадуrow¹⁶⁷ Георгий Вениаминович приказ № 31
 108. Чернев¹⁶⁸ Сергей большевизм
 109. Чернов¹⁶⁹ Гурий Зосимович большевизм
 110. Шмулевич¹⁷⁰ Михаил С. большевизм
 111. Щепанский¹⁷¹ Андрей
 112. Щепанский¹⁷² Войтик
 113. Ягудин¹⁷³ Нурихан большевизм

Сост. по: РГВА. Ф. 39742. Оп. 1. Д. 5, 7–9.

¹⁵⁸ Также в списке 177.

¹⁵⁹ Телеграфист Орской железной дороги. Приговорен вместе с М. С. Шмулевичем. Предположительно также в списке 177 как Трофимов Николай.

¹⁶⁰ Также в списке 177.

¹⁶¹ Также в списке 177.

¹⁶² Из станицы Воздвиженской.

¹⁶³ Также в списке 177.

¹⁶⁴ Казнен 05.12.1918. Также в списке 177.

¹⁶⁵ Из станицы Воздвиженской.

¹⁶⁶ Из станицы Воздвиженской. Казнен в начале сентября 1918 г. с И. И. Малышевым.

¹⁶⁷ Также в списке 177 как Чемадуrow Георгий.

¹⁶⁸ Также в списке 177 как Чернов Сергей.

¹⁶⁹ Также в списке 177.

¹⁷⁰ Телеграфист Орской железной дороги. Приговорен вместе с Н. И. Трифоновым. Также в списке 177 как Шмулевич Михаил.

¹⁷¹ Казнен 05.12.1918. Также в списке 177 как Щепанский Андрей.

¹⁷² Казнен 05.12.1918. Также в списке 177 как Щепанский Войтер.

¹⁷³ Из станицы Воздвиженской.

Василий Молодяков

«МАРСИАНЕ ИЗ РОМАНА УЭЛЛСА»: «ACTION FRANÇAISE» ПРОТИВ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА, 1933–1936

Гитлеровская Германия посылает в мир людей, которые столь же чужды нам, как землянам — марсиане из романа Уэллса.

Жак Бенвиль

Осуждение в 1945 г. монархического движения «Action française» и его лидеров во главе с Шарлем Моррасом за «сотрудничество» с немецкими оккупантами и за «подрыв национальной обороны и морального духа» имело символическое значение. Новые голлистско-коммунистические хозяева Франции стремились не только навсегда разгромить, но дискредитировать и уничтожить своих непримиримых политических и идейных противников. Первое — с применением силовых методов — удалось, второе — с помощью пропагандистских методов — лишь отчасти. В условиях де-факто диктатуры и отсутствия правосудия можно было объявить давнего, последовательного, яростного, чтобы не сказать патологического, германофоба Морраса — постоянную мишень нападок настоящих «коллаборантов» — виновным в «пособничестве» немцам, но убедить в этом всех французов — едва ли.

Несмотря на петиции о пересмотре приговора Моррасу и подкреплявшие их исторические и юридические аргументы, вердикт суда формально остается в силе, продолжая влиять на поздней-

шее восприятие событий. Поэтому необходимо обратиться к фактам и хотя бы кратко рассмотреть отношение движения «Action française» и его одноименной ежедневной газеты, его лидеров и идеологов к германскому национал-социализму и его вождю Адольфу Гитлеру в период с того момента, когда они впервые обратили на него внимание, и до ремилитаризации Рейнской области в марте 1936 г., ознаменовавшей принципиальное изменение ситуации в Европе.

Главный специалист «Action française» по Германии и по международной политике в целом Жак Бенвиль взял на себя смелость говорить от имени страны, а не только своих единомышленников, когда 2 мая 1933 г. заявил: «Дистанция между Францией и Германией в 1933 г. намного больше, чем была в 1914 г. Безусловно, империя Вильгельма II меньше отличалась от Французской республики, чем гитлеровский Третий Рейх. Тогда у двух стран еще имелись общие формы цивилизации. Были вещи, к которым немцы относились (или казалось, что относятся) так же, как французы, например, к собственности или свободе мнений. Между банкирами и социалистами Парижа и Берлина существовали каналы связи. Сегодня два мира закрыты друг для друга. Гитлеровская Германия посылает в мир людей, которые столь же чужды нам, как землянам — марсиане из романа Уэллса» (JBV, III, 207).

Бенвиль вспомнил марсиан не впервые. Еще 23 октября 1915 г. он писал: «Враг, который противостоит нашим солдатам, может быть говорящим двуногим, наделенным разумом и вооруженным достижениями науки, но при этом он столь же отличается от нас, как захватчики с Марса, о которых грезил Уэллс»¹. Теперь его взору предстали, так сказать, марсиане в квадрате.

Когда в кругах «Action française» впервые узнали о Гитлере? 11 июня 1922 г. премьер-министр Раймон Пуанкаре «в продолжение нашей недавней беседы» переслал Моррасу три телеграммы из Мюнхена. Агент французской разведки сообщал о «публичном собрании, устроенном Гитлером, главой общества национальных социалистов, который является не кем иным, как агентом [Эриха фон] Людендорфа»². Первое известное мне упоминание будуще-

¹ Цит. по: *Dominique Decherf*. Bainville. L'intelligence de l'histoire. Paris, 2000. P. 345.

² *Cher maître... Lettres à Charles Maurras*. (Éd.) Pierre-Jean Deschodt. N. p., 1995. P. 530.

го фюрера у Бенвиля относится к 2 февраля 1923 г.: автор отметил, что баварские власти «после объявления чрезвычайного положения терпят демонстрации Гитлера, но запрещают их социалистам» (ЖВА, II, 92).

В следующий раз фамилия Гитлера замелькала на страницах газеты «L'Action française» летом 1930 г., в связи с предстоящими выборами в Рейхстаг. «Мы были единственной газетой, которая предупреждала читателей, что будущее Германии — за Гитлером и гитлеризмом», — напомнил Моррас в 1941 г., осторожно подбирая слова в совсем иных условиях³. «Привыкшая тридцать лет пристально следить за силами Германии, “Action française” с первых дней распознала в будущем канцлере символ возрождающейся германской воли», — отметил публицист Люсьен Ребате, порвавший с Моррасом из-за его германофобии и вставший на сторону Гитлера⁴.

«Какова программа этого агитатора?» — задался вопросом Бенвиль 26 июня 1930 г. и сам ответил: «Со своей воинственной демагогией он играет на всех столах» (ЖВ, III, 97–98). «Увидим, прорастет ли зерно и сколько времени ему на это понадобится», — добавил он 6 августа (ЖВА, II, 160). Ни социалистическая, ни буржуазная пресса Франции не интересовалась партией, получившей на предыдущих выборах всего 2,8% голосов и имевшей в Рейхстаге 12 депутатов. 14 сентября 1930 г. НСДАП получила 18,3% голосов и 107 мандатов. Несмотря на запрет, депутаты явились на заседание в партийной форме. Назвавший выборы «черным воскресеньем» Бенвиль подчеркнул: «Важны не Гитлер и 107 его депутатов. Важна легкость, с которой немцы пошли за теми, кто проповедует насилие» (ЖВА, II, 161–162).

Французские социалисты предостережению не вняли, убежденные, что большинство социал-демократов и Партии центра не оставляет соперникам шансов. Того же мнения придерживались германские «товарищи». «Гитлер — истерик и психопат, который не способен на последовательные действия и никогда не придет к власти», — уверенно говорил социалист Отто Бранн, с 1920 г. — бессменный премьер Пруссии. Но Бенвиля, у кото-

³ Charles Maurras. La contre-révolution spontanée. La recherche. La discussion. L'émeute. 1899–1939. Lyon, 1943. P. 214. Впервые опубликовано в журнале «La Revue universelle» в 1941 г. в свободной зоне Франции; отдельное издание вышло уже после ее оккупации немцами.

⁴ Lucien Rebatet. Les décombres. Paris, 1942. P. 24.

рого любой парламентский режим вызывал скептицизм, не зря называли «Кассандрой». «Единственными линиями обороны нормальной власти (в Германии. — В. М.) остаются моральный авторитет маршала Гинденбурга, политическая ловкость канцлера [Генриха] Брюнинга и преданность прусской полиции», — констатировал он 10 февраля 1931 г. (ЖВА, II, 166). Успехи нацистов в Германии и коммунистов во Франции послужили ему дополнительным аргументом против республиканского режима как такового: «Это же свободная демократия, которая вправе сама всё решать. Вот люди и голосуют снова и снова» (ЖВJ, III, 117).

В начале апреля 1932 г. газета «Le Figaro» отправила в Германию близкого к «Action française» и Моррасу публициста Анри Массиса с целью «выяснить настроения современной молодежи». Итогом стали шесть статей⁵, написанных на основе дневника, который автор вел во время путешествия. Позже Массис опубликовал фрагменты из него, в основном не использованные в газете⁶.

Путешествие началось в Кёльне, где Массис встретился с Бенедиктом Шмиттманом, католиком, федералистом, сторонником бургомистра Конрада Аденауэра, в прошлом связанного с рейнскими сепаратистами, и врагом нацистов. С тревогой отметив рост их популярности на Рейне, собеседник заявил, что «за Гитлером стоят все агрессивные силы протестантизма, германизма и пруссачества», и рассказал о попытках создать федералистское движение для противостояния им, за что после прихода нацистов к власти он был арестован и погиб в концлагере.

В столице Рейха, еще не провозглашенного Третьим, Массис первым делом направился за информацией к своему другу Андре Франсуа-Понсэ, недавно назначенному послом. Он подробно записал услышанное, но не мог публично ссылаться на посла, говорившего неприятные для страны аккредитации вещи. Перед Первой мировой войной Франсуа-Понсэ изучал настроения немецкой молодежи и убедился, что они примерно такие же, как и у молодых французов, то есть националистические с переходом в агрессию и шовинизм. Теперь он усматривал главную опасность в том, что «поражение и ужасный опыт 1914–1918 гг. ничему не научили здешний народ», у которого «понятия договора, представления

⁵ *Henri Massis. La guerre de trente ans. Destin d'un âge. 1909–1939. Paris, 1940. P. 185–206; далее цит. без сносок.*

⁶ *Henri Massis. Au long d'une vie. Paris, 1967. P. 116–147; далее цит. без сносок.*

о праве и справедливости не совпадают с нашими: для них справедливо то, что позволяет им жить».

На эту тему гораздо откровеннее высказался Тьерри Монье, ученик Морраса, которого многие молодые моррасианцы считали возможным преемником мэтра в качестве идеолога. В предисловии к французскому переводу «евангелия» германской консервативной революции — «Третьего Рейха (Царства)» Артура Мёллера ван ден Брука — он писал: «Мы, французские националисты, не пытаемся объяснять молодым немецким националистам, ученикам Мёллера ван ден Брука вчера и победоносным соратникам Гитлера сегодня, что Версальский договор свят и что они должны его соблюдать. Мы можем отстоять его, поскольку это нам полезно, однако не верим в согласие немцев на него, поскольку он ставит их в невыгодное и униженное положение. Мы не пытаемся оправдывать Францию, как те третьесортные адвокаты, что правили нами после войны. Не пытаемся представить ее идеальной, возвышенной страной, лишенной appetitов, амбиций и жизненных сил, которые одушевляют другие народы, неуязвимой с моральной точки зрения, отличающейся от прочих своей нерушимой невинностью. Франция — страна фактов. Ее права на жизнь по существу такие же, как и у других, но не менее, а может, и более значимые в той мере, в какой мы обладаем традицией цивилизации и способны на особую цивилизаторскую миссию. Но эти права не существуют без нашей воли и способности их защитить. Если мы откажемся защищать их, будет естественно, что у нас их отнимут»⁷.

Отдав должное умению Брюнинга решать финансовые проблемы за счет победителей и одновременно вносить раскол в их ряды, Франсуа-Понсэ отметил, что не кризис вызвал к жизни нацистское движение. «Гитлера поддерживает германское правительство и даже сам [президент Пауль фон] Гинденбург. Они счастливы, что он собрал, построил, мобилизовал молодежь, что он воспитал у нее военную дисциплину, которую ей нельзя дать официально, и создал иерархическую организацию с помощью формы, знаков различия, кокард, знамен. Они очень благожелательно смотрят на человека, давшего Германии армию, которую она не может иметь, и привившего молодежи национальную идею».

⁷ Цит. по: Anthologie de la nouvelle Europe. Présentée par Alfred Fabre-Luce. Paris, 1942. P. 238.

Важнейшим из предстоящих событий посол назвал выборы в прусский Ландтаг 24 апреля 1932 г.: из 422 мест нацисты получили 162 против ранее имевшихся у них 6, премьер-социалист Браун был вынужден подать в отставку. До того всеобщее внимание приковал второй тур президентских выборов 10 апреля, с рассказа о котором Массис начал статьи для «Le Figaro». «Избрание Гинденбурга было очевидным, поэтому всех интересовало лишь то, потеряет Гитлер голоса или приобретет новые». Гитлер получил почти 13,5 млн (36,8%), на 2 млн больше, чем в первом туре 13 марта, и всего на 6 млн меньше, чем действующий президент Гинденбург. Это была хоть и не победа, но несомненный успех. Во всяком случае, так его воспринял сам Гитлер.

В чем причина? Во-первых, согласно Массису, нацизм силен действием, а не доктриной (теоретическая скудость его идеологии была очевидной для французских националистов), и это привлекает «завтрашнюю Германию». Ту самую радикальную молодежь, которая, как писал указавший на рост ее влияния немецкий публицист Фридрих Зибург, «с такой страстью трудится над созданием нации и сознательно порвала все моральные связи с окружающим миром в большей степени, чем любая другая социальная группа»⁸. «Рассудок кажется им угрозой для формирования характера, — отметил Массис. — Они жаждут действия, причем действия физического. Жить коллективной, направляемой, дисциплинированной жизнью, не думать, подчиняться, следовать за Вождем — гитлеровское движение в наибольшей степени соответствует этим коренным инстинктам германской природы». «Это не Гитлер создал новую Германию, — подытожил он осенью 1939 г., после начала новой войны. — Это новая Германия создала Гитлера»⁹. Во-вторых, нацизм выставляет себя «единственным наследником подлинного прусского духа и единственным борцом за него», и потому является «самым ярким проявлением возрождения германской гордости».

Успехи нацистов на выборах в прусский Ландтаг, затем в Рейхстаг (230 мандатов против прежних 107) усилили разногласия между Гинденбургом и Брюнингом, которому пришлось уйти. Во главе правительства президент поставил правого «центриста» Франца фон Папена, который не располагал поддержкой парламент-

⁸ Sieburg F. Défense du nationalisme allemand. Paris, 1933. P. 98.

⁹ Massis H. La guerre de trente ans. P. 287.

ского большинства (НСДАП, имевшая после выборов 7 июля самую большую фракцию, выступала против него) и правил с помощью президентских декретов. «Германия снова обрела авторитарное правление. Как знать, может, именно этого ей не хватало», — заметил Бенвиль (JBV, III, 178). «Они еще начнут жалеть о Гогенцоллернах и даже нуждаться в них», — добавил он через месяц после установления нацистского режима (JBA, II, 185).

Неудача нацистов на внеочередных выборах в Рейхстаг в ноябре 1932 г. (потеря 34 мест) побудила лидера французских социалистов Леона Блюма заявить: «Отныне Гитлер лишился власти. Я бы даже сказал, что он лишился надежды на власть» (BRB, 96). Замена Папена на посту канцлера военным министром и «политическим генералом» Куртом фон Шлейхером в декабре 1932 г., а Шлейхера — Гитлером 30 января 1933 г. могла удивить в Париже кого угодно, только не авторов и читателей «L'Action française». «Три недели назад в канцлерство Гитлера отказывались верить, — напомнил Бенвиль 2 февраля. — А сколько нас в 1919 г. верило в президентство Гинденбурга?» Если Шлейхер добился равноправия в сфере вооружений, то «вождь расистов» Гитлер может добиться пересмотра «мирных» договоров. «Человек меняется каждый раз, как переворачивается очередная страница немецкой программы», — подытожила «Кассандра» (JBA, II, 181).

Приход нацистов к власти Бенвиль связывал с политикой компромиссов: «Гитлеровский национализм пророс на следах последнего французского солдата, покинувшего Майнц. Теперь ему оставалось лишь зреть и наливаться соком. Каждая наша уступка поощряла его» (JBV, III, 195). «Все уступки, которые Франция сделала Германии в надежде на поддержку и развитие там демократического движения, оказались чистым убытком. Баланс отрицателен и ужасен», — подвел он печальный итог 7 марта, добавив: «Вся эта политика основывалась на полном непонимании германского народа» (JBV, III, 202).

«Остается узнать, что будет делать Гитлер и как долго он продержится» (JBV, III, 196). Блюм сравнил его с генералом Жоржем Буланже, взбудоражившим Францию в конце 1880-х годов уверяя, что «гитлеровская лихорадка пройдет так же быстро, как буланжистская». Бенвиль не был столь оптимистичен, хотя признавал за фюрером единственный талант — агитатора: «Гитлер знает лишь одно, но знает отлично — толпа руководствует»

ся чувствами, а не разумом» (JBV, III, 196). Его младший друг Робер Бразийяк с тревогой слушал по радио, как фюрер «орет почти каждый вечер, и все германские станции транслируют это» (BRB, 95).

Гитлер не только «продержался», но укрепил свою власть с помощью чрезвычайных законов и выборов 5 марта 1933 г., в результате которых, по словам Бенвиля, «германская демократия была убита большинством голосов по воле германского народа» (JBA, II, 186). Превращение авторитарного режима в тоталитарный, «переход от политического единства к единству моральному» (JBA, II, 191) оправдывали худшие предсказания «Кассандры». Впрочем, «Action française» беспокоила прежде всего внешняя политика Рейха, а не внутренняя, на критике которой дружно сосредоточилась «левая» пресса всего мира.

«Толпе надо предложить идеал. Гитлер предложил германскому народу такой идеал» (JBV, III, 196). Тот самый, на отсутствие которого в Веймарской республике сетовал на ее излете Зибург: «Правящий класс <...> неспособен создать идеал жизни и нравов, сформировать немецкий тип и стиль. <...> Каждый немец, ищущий смысл жизни, находит лишь парализующее чувство брошенности, замешательства, бесполезности и тоски. Никто в Германии больше не чувствует себя нужным на том месте, которое занимает; никто не ощущает себя полезной и тем более необходимой частью организма; никто не ждет справедливой, да и вообще какой-либо оценки своего труда; никто не тешит себя иллюзией, что следует по предначертанному пути, уверенно ориентируясь по звезде. <...> Немец пропадет, если не видит спасительной звезды»¹⁰. Нацисты сделали свастику путеводной звездой, а книгу Зибурга осудили за неверие в германский народ.

В «идеале» Рейха французских националистов, воспринявших его всерьез, особенно пугала идея реванша — даже больше, чем окончательная централизация и унификация Рейха (кошмар Моррасса и Бенвиля!), усилившая его изнутри. Октябрьское решение покинуть конференцию по разоружению и Лигу наций были поддержаны триумфальным для Гитлера плебисцитом 5 ноября 1933 г., после которого он дал старт ремилитаризации — и призвал Францию обсудить и решить все накопившиеся вопросы напрямую, без «Женевы», о чем 16 ноября заявил в интервью влия-

¹⁰ Sieburg F. Défense du nationalisme allemand. P. 148, 161, 209.

тельному журналисту Фернану де Бринону¹¹. «Action française» увидело в этих словах лишь «повторение, продолжение и развитие» политики Бисмарка в отношении Наполеона III и Штрездема в отношении Бриана — «политики опасной и в перспективе губительной для Франции» (ЖВА, II, 192–194; ЖВJ, III, 219).

Доказательством неискренности заявлений рейхсканцлера были ссылки на антифранцузские выпады в «Майн кампф». Гитлер через суд добился запрета на выпуск во Франции уже отпечатанного в феврале 1934 г. полного перевода (он дошел до читателей лишь через несколько лет), так что большинство знало «Мою борьбу» лишь в отрывках. «Каждый француз должен прочитать эту книгу», — эти слова маршала Юбера Лиотэ были взяты эпиграфом к полному изданию. «Но кто ее читал? Кто понял то, что прочитал? Кто поверил в то, что понял?», — вопрошал Бенвиль в мае 1935 г. (ЖВА, II, 201). «Беда, что французские политики не читали “Майн кампф”» — подытожила через много лет историк Анн Брассье (BRB, 99).

Моррас рекомендовал соотечественникам читать Гитлера — как некогда «Речи к германской нации» Фихте — но я не уверен, что он «осилил» всю книгу. В числе немногих французов, прочитавших ее целиком, был Бразийяк, ставший вместе со своим другом Монье «литературным негром» для последней книги смертельно больного Бенвиля «Диктаторы», которая вышла в начале ноября 1935 г., за три месяца до его смерти. В главе о Гитлере, написанной Бразийяком в критическом, но корректном тоне, Бенвиль заменил лишь «два слова» (BRB, 97) — жаль, мы не знаем, какие именно, — так что ее можно считать выражением точки зрения обоих.

Изложив суть «евангелия расизма», авторы оценили его как «очень скудное и примитивное», «нескладные рассуждения, нелепые утверждения, бредовые измышления», хотя признали политические успехи «самого грозного из противников Франции», который «показал себя куда более ловким, чем о нем склонны были думать»¹². В частном письме, относящемся ко времени работы над «Диктаторами», Бразийяк отвел душу. «Эту книгу надо прочитать, поскольку в ней есть очень интересные вещи с точки зрения внешней политики. Но основная часть — рассказ о том, как маленький Гитлер открыл для себя правду расизма. <...> Я редко

¹¹ *Fernand de Brinon. France — Allemagne. 1918–1934. Paris, 1934. P. 218–222.*

¹² *Jacques Bainville. Les dictateurs. Paris, 1935. P. 278, 283, 293, 291.*

читал более плоскую и прискорбную чушь. Величественное нагромождение глупостей, исключительно скучных и ужасно примитивных. <...> Когда “Майн кампф” выдают за умную книгу, за анти-Маркса, за нечто стоящее — это уж слишком. На самом деле это шедевр возбужденного кретинизма» (BRB, 98).

Если Бенвиаль комментировал «новости дня», Массиса интересовали идеологические основы нового режима, прямым предшественником которого он считал Освальда Шпенглера. Философию «Заката Европы» критик назвал не пессимизмом, но «философией упадка (декаданса)», пояснив: «Она внушает не безнадежность и бездействие, а новые формы действия применительно к нашему “упадку”», «преимущество германских ценностей и этики». Доказательства Массис нашел в книге Шпенглера «Годы решений» (1933), содержание которой благодаря русскому переводу не нуждается в пересказе. Трактую на свой лад известное противопоставление «цивилизации» и «культуры», он сделал вывод: «Культуре нужны мыслители, святые и поэты, цивилизации — солдаты и рабочие. <...> Национал-социализм, подготовленный философией Шпенглера и принятый ей, прямо угрожает ценностям западной культуры»¹³.

В предисловии к книге «Вожди», законченном 2 февраля 1939 г. в совсем иной политической ситуации, Массис до конца развил эту мысль: «Вопреки своим претензиям, гитлеризм никоим образом не может сойти за защитника западной цивилизации. Фальсифицировав понятия о порядке, иерархии и власти, он отверг ее определяющие идеи, фундаментальные учения, назвав их смертельно опасными для германского духа. Вся его (гитлеризма. — В. М.) позитивная программа сводится к тому, чтобы уничтожить единственный западный элемент в (германской. — В. М.) культуре, отвергнуть католический универсализм ради постановки расового принципа выше всех человеческих ценностей. <...> Государство, которое всё подчиняет идее нации или расы, <...> которое обожествляет самое себя, по своей природе несовместимо с духом западной христианской цивилизации. Национализмы Франко и Салазара принципиально отличаются от национал-социализма, с которым их пытаются смешать, именно тем, что признают этот дух, как сказано в их доктринах»¹⁴. «Опасность тем

¹³ Henri Massis. Débats. I. Paris, 1934. P. 213–217.

¹⁴ Henri Massis. Chefs. Paris, 1939. P. 9, 15

более велика, — добавил Массис, — что национал-социализм перешел из внутренней фазы в фазу экспансии и завоеваний, что он мечтает и готовится организовать Европу и надеется объединить ее, дав ей свой закон. Именно это он называет “защитой европейского порядка”»¹⁵.

Не прошел Массис и мимо темы сравнения двух диктатур — гитлеровской и сталинской — хотя актуальной для него она стала только после «пакта Молотова-Риббентропа», который до последнего момента столь многим казался невозможным. Охарактеризовав в декабре 1939 г. начало новой войны как «нападение объединившихся сил варварства на цивилизацию», он заявил: «Она (война. — В. М.) убедила народы, что германизм и большевизм — единое целое, что они образуют один разрушительный империализм, основанный на одинаковом материализме. Его необходимо победить, чтобы спасти западный мир от вторжения, которое грозит распространить Азию вплоть до Рейна»¹⁶.

После войны Массис вернулся к этой теме в книге «Германия вчера и послезавтра». Заявив, что «именно Гитлер в 1939 г. с помощью германо-русского пакта первым вернул Россию в Европу, в стороне от которой ее держали двадцать лет» (а как же франко-советские договоры?), он добавил: «На деле мы никогда не рассчитывали на советскую Россию в деле защиты прав “западных демократий” и никогда не видели в гитлеризме бастион христианства против большевизма. Залогом общего спасения мы считали только союз Запада против союза двух варварств»¹⁷.

Тезису о внутреннем родстве двух диктатур Массис попытался дать философское обоснование. «Разве теоретик классовой борьбы Карл Маркс — не ученик Гегеля, апологета прусской монархии? Разве не из идеалистической философии он заимствовал основы своей логики, чтобы сформулировать диалектический материализм? Гегелевский человек — человек прежде всего немецкий — в равной степени может стать бисмарковцем, национал-социалистом или марксистом. Марксизм и национал-социализм — две разновидности гегельянской авантюры. “Какая разница, что гегелевско-нацистский опыт провалился! — думают сегодня иные немцы. — Ведь есть еще гегелевско-марксистский,

¹⁵ *Massis H. Chefs.* Paris, 1939. P. 41.

¹⁶ *Massis H. La guerre de trente ans.* P. xi.

¹⁷ *Henri Massis. Allemagne d'hier et d'après-demain.* Paris, <1949>. P. 50–51.

который победил и может быть осуществлен до конца”. Иными словами, тот факт, что огромная Россия уже тридцать лет организована в соответствии с теориями Маркса и Гегеля, представляется немцам гораздо более важным, чем военное поражение нацистов. <...> Коммунизм и национализм — две самые сильные тенденции в немецком народе, — утверждал он. — <...> Такое настроение духа породит будущий национал-коммунизм. <...> “Свободе”, которую они (немцы. — В. М.) презирают из принципа и осуждают, исходя из опыта, они предпочтут советский порядок, потому что это настоящий порядок, жестокий, конечно, но существующий и поддерживаемый»¹⁸.

Для Морраса и его единомышленников была абсолютно неприемлема позиция, которую занял известный прозаик Альфонс де Шатобриан, ставший германофилом под воздействием своего друга Ромена Роллана, а позднее выступавший одним из идеологов «коллаборации». Поездки в Германию в 1935 и 1936 гг. произвели на писателя сильное впечатление: он увидел возрождение высших духовных и религиозных ценностей, почти забытых во Франции, и мощный заслон на пути большевистской экспансии в Европу. Верность этим идеям, сформулированным в книге «Сноп сил» (1937), Шатобриан сохранил до смерти. Живший в Австрии и заочно приговоренный французским судом к смертной казни, в январе 1949 г. он сокрушался, что ни Гитлер, ни нацисты «не поняли, что были не только силой на службе Германии, но германской силой, которую обновила сама судьба, на службе Европе. Им должно было хватить ума и терпения для проведения великой европейской политики, единственной настоящей германской политики. Европа не может спастись без победы Германии, мудрой и сильной». Почти ни в чем не раскаиваясь, он утверждал, что Рейх был «последней силой в Европе, той, к которой мы должны были примкнуть, чтобы она в то же время стала нашей. <...> Мы проводили франко-германскую политику, которую считали абсолютно необходимой для подлинного блага Франции». Вспомнил Шатобриан и «безумие французских монархистов, которые в 1918 г. ликовали, видя падение германского трона»¹⁹.

¹⁸ Massis H. *Allemagne d'hier et d'après-demain*. P. 73–74, 64, 65, 67.

¹⁹ *Alphonse de Chateaubriant. Procès posthume d'un visionnaire*. Paris, 1987. P. 37, 38, 40.

Трудно представить что-то более далекое от Морраса, который осудил «Сноп сил». На страницах «L'Action française» резко и язвительно отозвался о книге Бразийяк:

«Лично я огорчен, и прямо скажу об этом в самом начале, зрением, когда честный человек вроде Шатобриана настолько рабски поддается худшим из своих демонов. И в силу этого рассматривает такую серьезную и жизненно важную проблему, как отношения между Францией и Германией, с таким ребячеством. Это единственное приличное, единственное справедливое слово, применимое к книге, в которой мы видим автора, с религиозным пietetом упавшего на колени перед всем, что воплощают Германия и гитлеризм. Я редко присутствовал при столь пугающем зрелище. <...> Опираясь на сумасшедшие и ложные идеи, Шатобриан вещает с прямо-таки скандальной наивностью. Например, уверяет нас, что надо выбирать между Берлином и Москвой. <...> Нет, господин Шатобриан, есть еще Лондон, который контролирует половину планеты, Нью-Йорк, Токио, которые завтра, может быть, зажгут всю вселенную! Почему такой скудный выбор? Если же говорить серьезно, если подумать, что Франция еще не является ничьим доминионом, почему бы не помечтать о других союзах и не запереть себя в пределы упрощенной дилеммы, не имеющей никакого отношения к сложности мира? <...> Эта книга — самый яркий из известных мне примеров того, как ум получил отставку»²⁰.

Еще одной проблемой, столкнувшей Францию с Германией, стал франко-советский договор, подписанный 2 мая 1935 г. министром иностранных дел Пьером Лавалем и полпредом Владимиром Потемкиным в Париже. Идеологи «Action française» принадлежали к числу непримиримых противников альянса с Россией. Моррас занимал такую позицию еще в конце XIX в., в период «сердечного согласия». Главный аргумент выглядел причудливо, но объяснимо: «Германизированная до мозга костей, управляемая немцами (так! — В. М.) Россия никогда первой не порвет с Берлином. Для наших союзников антигерманизм был лишь чувством; он если и царил у них, то не господствовал над ними»²¹. Моррас прибегал к нему и позже, утверждая, что немцы даже по-

²⁰ Robert Brasillach. Oeuvres complètes. Vol. XII. Paris, 1964. P. 63–65.

²¹ Charles Maurras. Kiel et Tanger. 1895–1905. La République Française devant l'Europe. Paris, 1910. P. 15–16

сле Ноябрьской революции 1918 г. не только контролируют большевистский режим, но используют его как орудие экспансии. «Армия Врангеля вынуждена полностью оставить Крым, — писал он 29 ноября 1920 г., — отступить до Босфора и дальше. Черное море может стать новым звеном союза между большевистским варварством и исламом. Румыния ожидает русского вторжения, Польша проявит глупость, если не задумается, что ее очередь не за горами. От Средиземного до Балтийского моря весь внешний периметр Антанты под угрозой. <...> Очевидно, что центр противостоящего ей заговора находится в Берлине»²².

Главным тезисом противников договора с СССР в 1930-е годы стало то, что он не уменьшает для Франции опасность войны, но увеличивает ее, не давая взамен реальных гарантий. Чтобы прийти ей на помощь советским войскам требовалось пройти через территорию Польши и Румынии, которые категорически отказывались пропускать их. «Эти народы живут слишком близко от большевиков, чтобы не испытывать ужаса перед ними», — заметил 28 декабря 1937 г. сенатор Анри Лемери²³, возглавлявший «Общество друзей национальной России», т. е. «белоэмигрантов». Даже «левый» писатель Жюль Ромэн в декабре 1933 г. заявил: «Если наши руководители полагают, что союз с Россией способствует предотвращению войны, они совершают смертельно опасную ошибку»²⁴. «Гитлер хочет бросить нас против Сталина, а Сталин против Гитлера. Диктаторы оспаривают Францию друг у друга», — суммировал 23 ноября 1935 г. Бенвиль, добавив: «Русский альянс и германский альянс в равной степени достойны того достославного персонажа, который, спасаясь от ливня, бросился в реку»²⁵.

Заглавие статьи, откуда взяты последние слова, «Не выбирать между двумя альянсами» можно считать завещанием Бенвиля и лозунгом «Action française». «Остережемся верить, что для защиты Европы нам придется выбирать между Берлином и Москвой. Мы не обратим взор ни в одну, ни в другую сторону», — заключил Массис²⁶.

²² Charles Maurras. Le mauvais traité. De la Victoire a Locarno. Chronique d'une décadence. Vol. I. Paris, 1928. P. 177.

²³ Henri Lemery. De la paix de Briand à la guerre de Hitler. Paris, 1949. P. 211.

²⁴ Jules Romains. Le couple France-Allemagne. Paris, 1934. P. 42.

²⁵ Jacques Bainville. La Russie et la barrière de l'Est. Paris, 1937. P. 151, 159.

²⁶ Massis H. Chefs. P. 41.

Реакция Берлина на франко-советский договор оказалась ожидаемой. Нотой от 25 мая 1935 г. правительство объявило его направленным против Германии и потому противоречащим Локарнским соглашениям 1925 г., приверженцем которых оно остается. Франция ответила лишь через месяц, Англия, Италия и Бельгия и того позже — подтвердили неизбежность локарнской системы и отвергли аргументы Берлина. Однако время дипломатической казуистики прошло.

«Гитлер дал понять, что, заключив союз с Советами, Франция закроет путь к соглашению с Германией, — напомнил 2 января 1936 г. Бенвиль. — Мы не спрашиваем его совета, подписывать нам пакт с СССР или нет. Это касается только нас»²⁷. Речь шла о ратификации договора, к обсуждению которого Палата депутатов приступила 12 февраля, уже после отставки Лавала и смерти Бенвиля. 21 февраля в интервью Бертрану де Жувенелю Гитлер заявил о желании улучшить отношения с Францией, но сделал последнее предупреждение: «Вы понимаете, что делаете? Вы сами лезете в дипломатические силки страны, единственной целью которой является втянуть великие европейские державы в конфликт, выгодный только ей»²⁸.

«Несомненно, эти заявления могли заставить задуматься парламент, уже разделившийся во мнениях, — отметил политический аналитик Жак Бенуа-Мешен. — Но из-за вмешательства Кэ д'Орсэ публикацию отложили. Интервью появилось лишь 28 февраля — когда было уже поздно»²⁹. Действительно, «было уже поздно»: 27 февраля Палата большинством голосов (353 против 164) ратифицировала договор. В случае своевременного выхода интервью было бы меньше голосов... «против»: слова Гитлера выглядели откровенным вмешательством во внутренние дела Франции, а ссыла на них могла только повредить французскому политику. 4 марта сенатская Комиссия по иностранным делам одобрила договор.

Ответ Берлина не заставил себя ждать. 5 марта военный министр Вернер фон Бломберг передал в войска приказ фюрера через двое суток вступить в Рейнскую область, что означало конец

²⁷ *Bainville J.* La Russie et la barrière de l'Est. P. 158.

²⁸ *Locarno. A Collection of Documents.* London, 1936. P. 182. Это наиболее полное собрание документов по данной проблеме.

²⁹ *Benoist-Mechin.* Histoire de l'armée allemande. Vol. II. Paris, 1938. P. 642.

Локарно... и начало войны? «Гитлер не ведет никакой тонкой игры, — заметил Марсель Дэа по поводу заявления о восстановлении «военной независимости» годом раньше, но сказанное применимо и к другим шагам диктатора, — он не делает ничего, о чем заранее не заявил бы во всеуслышание. Просто никто не воспринимал его слова буквально, а потом удивлялся или возмущался»³⁰.

Решение было не спонтанным, но рискованным, хотя и на этот раз риск был правильно просчитан. В случае принятия Францией военных мер фюрер готов был отступить, как свидетельствовал его переводчик Пауль Шмидт³¹, только дипломатических — нет. Военное вмешательство Англии (в 1935 г. она, не информируя Францию, заключила военно-морское соглашение с Рейхом и критически отнеслась к франко-советскому договору) исключалось, а слов Гитлер не боялся. Италия? Если бы в Париже и Лондоне так не глумились над Муссолини, не говоря о санкциях в связи с агрессией в Эфиопии. Бельгию в военном отношении не принимали всерьез, зато в Брюсселе задумались о последствиях: как Франция защитит других, если не защищает себя? 14 октября 1936 г. король Леопольд III объявил о неучастии страны в любых коалициях и о строгом нейтралитете с целью «избежать войны на нашей территории». О готовности оказать военную помощь Франции объявила только Польша.

Утром 7 марта послам локарнских держав в Берлине был вручен меморандум об отказе Германии от соглашений 1925 г. и новые предложения по созданию системы безопасности, включая пакты о ненападении сроком на 25 лет со всеми соседними странами. В полдень Гитлер начал долгую речь перед Рейхстагом, направленную против СССР и Франции. Пока он говорил, части Вермахта вступили в Рейнскую область. «16 марта 1935 г. означало для Германии восстановление военной свободы. 7 марта 1936 г. германское правительство восстановило военный суверенитет над всей территорией Рейха»³².

«Франция не выступит», — сказал Гитлер генералам, когда те напомнили о *casus belli*. И не ошибся. В его окружении такого мнения придерживался только Иоахим фон Риббентроп, триумфально заключивший морское соглашение с Англией. Опустим по-

³⁰ *Marcel Déat. Mémoires politiques. Paris, 1989. P. 325.*

³¹ *Paul Schmidt. Hitler's Interpreter. N. Y., 1951. P. 41.*

³² *Benoist-Mechin. Histoire de l'armée allemande. Vol. II. P. 647.*

дробности того, что происходило в эти дни и часы в Париже, тем более главные фигуранты изо всех сил оправдывали себя и обвиняли других, прежде всего англичан, в преступном бездействии³³. Важно одно: Франция не приняла никаких военных мер, ограничившись «мобилизацией ораторов и радио»³⁴, и с ходу отвергла предложение Гитлера о новом пакте. После этого никакие заявления, ноты и речи, даже самые грозные, никакие заседания и решения Совета Лиги Наций не имели реального значения.

«Франция, еще не анархизированная, не истощенная и не деморализованная бандой метеков Блюма, — темпераментно писал Анри Бери, — могла рывкнуться в полный голос, даже в одиночку, на любого, кто покусился бы на ее права»³⁵. Не все разделяли его уверенность, но он был прав, когда за год до событий назвал главным преимуществом Муссолини и Гитлера то, что «они могут за пять минут принять решение, которое наши нотабли будут пять месяцев обсуждать с трибун»³⁶. Да что там за год! Моррас еще в 1924 г. писал: «Муссолини знает, как действовать, требовать, угрожать. У Италии и в худшие дни было национальное правительство, умеющее управлять духом народа»³⁷.

Почему Франция, не дожидаясь реакции Лондона и Лиги Наций, не ответила на дерзкий вызов хотя бы угрозой применения силы в виде частичной мобилизации? Помимо страха остаться один на один с Рейхом, характерного для военных, была другая причина, которую откровенно назвал кто-то из министров: «Мобилизация! За два месяца до выборов! Да нас вышвырнут из парламента, если раньше не случится народное восстание»³⁸. Депута-

³³ Интересно сопоставить версии членов кабинета: Ж. Поль-Бонкура (государственный министр и представитель в Лиге Наций), Ж. Боннэ (министр торговли) и М. Дэа (министр авиации): *J. Paul-Boncour. Entre deux guerres. Souvenirs sur la IIIe République. <Vol. III.> Sur les chemins de la défaite. 1935–1940. Paris, 1946. P. 28–44; Georges Bonnet: 1) Le quai d'Orsay sous trois Républiques. P. 151–163; 2) Vingt ans de vie politique. Paris, 1969. P. 241–245; Déat M. Mémoires politiques. P. 345–353.*

³⁴ *Déat M. Mémoires politiques. P. 349.*

³⁵ *Héni Beraud. Gringoire. Écrits 1937–1940. Versailles, 2004. P. 175.*

³⁶ *Héni Béraud. Gringoire. Écrits 1928–1937. Versailles, 2004. P. 253–254.*

³⁷ *Charles Maurras. Enquête sur la monarchie. Édition définitive. Versailles, 1928. P. LXIX.*

³⁸ Журналист Орас де Карбуччи со слов премьер-министра Альбера Карро приписал эти слова Дэа: *Horace de Carbuccia. Le massacre de la victoire. [Tome II]. Les racines de l'enfer. 1934–1939. Paris, 1978. P. 107.* Дэа утверждал, что к подобному аргументу прибег сам Карро: *Déat M. Mémoires politiques. P. 350.*

тов-политиков больше всего волновало переизбрание. Да и рядовые французы не собирались воевать из-за того, что германские войска вступили на германскую территорию, даже приблизившись к границам Франции. Демонстрацией «твердости» стала разве что ратификация Сенатом 12 марта франко-советского договора.

«Республика убила мир», — гласила «шапка» «L'Action française» 8 марта. Сетую, что время упущено, Моррасс объявил корнем зла преждевременный вывод войск из Рейнской области. «При первом же известии о решениях Гитлера, — продолжил он 10 марта, — национальное правительство, стабильное и единое, не пришло бы в замешательство. Потому что у него были бы войска и оружие. Опираясь на свое право, договоры и соглашения, такое правительство, не теряя времени, заняло бы всю ту часть Рейнской области, куда еще не вторглись марширующие немцы. <...> С учетом того, что произошло за эти сорок восемь часов, правительству Республики можно дать, увы, единственный совет: прежде всего, никакой войны. Затем, необходимо вооружаться»³⁹.

«Гитлера следует понимать как последнее воплощение германистского ислама», — добавил Моррасс 18 марта, пояснив: «В иных случаях пророк создает религию. Здесь догмы, мораль и политика появились раньше того, кто их проповедует. <...> Рассматривать Гитлера вне германизма — чистой воды иллюзия»⁴⁰. Иными словами, дело не в нацизме, как утверждали «левые», а в Германии — наследственном враге.

В марте 1939 г. Бразийяк назвал Третий Рейх «планетой, непримиримой с нашей»⁴¹. «Марсианской» метафорой я начал, ей же и закончу.

Сокращения

BRB — *Anne Brassiü. Robert Brasillach, ou Encore un instant du bonheur. Paris, 1987.*

JBA — *Jacques Bainville. L'Allemagne. Vol. I–II. Paris, 1939.*

BJJ — *Jacques Bainville. Journal. Vol. I. 1901–1918; Vol. II. 1919–1926; Vol. III. 1927–1935. Paris, 1948–1949.*

³⁹ Цит. по: *Michel Toda. Henri Massis. Un témoin de la droite intellectuelle. Paris, 1987. P. 323.*

⁴⁰ Цит. по: *Yves Chiron. La vie de Maurras. Paris, 1999. P. 382.*

⁴¹ *Brasillach R. Oeuvres complètes. Vol. XII. P. 273.*

А. А. Смирнов

А. А. ЛЕБЕДЕВ.
К ПОХОДУ И БОЮ ГОТОВЫ?

Боевые возможности корабельных эскадр
русского парусного флота XVIII — середины XIX в.
с точки зрения их личного состава. СПб., 2015

Многолетняя работа петербургского исследователя Алексея Анатольевича Лебедева по изучению истории русского парусного флота обернулась, наконец, тем, чем и должна была обернуться — выходом на принципиально новый, не достигавшийся еще исследователями этой темы уровень осмысления и обобщения исторических фактов. Количество выявленных и изученных автором фактов, количество авторских наблюдений, выводов по частным проблемам перешло в качество — и перед нами труд, который, как по глубине анализа, так и по подкреплённости выводов фактическим материалом, не имеет сейчас равных в историографии русского парусного флота.

Так, впервые в этой историографии дана оценка общей эффективности действий русского парусного флота в XVIII — первой половине XIX в. (На наш взгляд, работа выиграла бы, будь эта оценка и ее обоснование помещены не после, а перед разбором возможностей русского флота.) Указанная эффективность оценена А. А. Лебедевым как низкая (с. 352). «[...] До по-настоящему эффективного, быстро и с минимальными издержками обеспечивавшего адекватные ответы на постоянные вызовы хотя бы в половине случаев, отечественному парусному флоту было ох как да-

леко»: «большинство побед было достигнуто над весьма посредственными противниками, а эффективность действий русских моряков оставляла желать много лучшего» (с. 350).

Весьма показательна в этом отношении таблица на С. 345, выявляющая высокую степень зависимости успешных действий русского флота в морских сражениях от:

— слабости выучки противника и — наличия позиционных условий боя (делающих проведение этого последнего проще, нежели в открытом море).

Показательна и таблица, помещенная в приложении 10 (с. 400–401; «Эффективность боевой работы русских корабельных флотов в войнах 1787–1791, 1788–1790 и 1806–1812 гг.»).

Подчеркнем, что оценка эффективности действий флота дается на основе системы четко определенных критериев — на наш взгляд, вполне адекватной. Так, при определении эффективности действий корабельного флота в русско-турецких войнах 1787–1791 и 1806–1812 гг. и в русско-шведской войне 1788–1790 гг. учитывается, в какой степени флоту удалось:

— снизить активность действий главных сил флота противника;
— обеспечить себе свободу действий на море и — повлиять на общий ход военных действий в конфликте.

Вообще, необходимо отметить качественную методологическую основу исследования. Уже сама постановка цели исследования вытекает из того самого принципа историзма, о котором много говорят, но которому далеко не всегда следуют. А именно: оценивая итоги деятельности русского парусного флота, необходимо выявить и четко представлять себе его объективные возможности, их потолок, ту голову, выше которой не прыгнешь. При этом не обойтись без сравнения русского флота и русского судостроения с современными им иностранными, без обращения к колоссальному опыту создания и применения военно-морских сил, накопленному западно- и североевропейскими морскими державами и Турцией. (Кстати, работы А. А. Лебедева вообще выгодно отличаются от работ других отечественных исследователей истории русского парусного флота — в том числе и от диссертации, защищенной в 1991 г. автором настоящей ре-

цензии¹ — тем, что русский флот изучается не как существующий в «безвоздушном пространстве», а в постоянном сравнении с иностранными.)

Выход же на принципиально новый уровень осмысления проблемы обеспечивается выходом автора за пределы собственно военно-морской тематики и обращением к анализу общих условий жизни России XVIII — первой половины XIX в. — формировавшихся те или иные особенности психологии и поведения русского человека тех времен (и принадлежащего к образованному обществу, и простолюдина), — к особенностям русской ментальности. Проработав в течение многих лет над изучением проблемы, схожей с той, что исследует в рецензируемой книге А. А. Лебедев — над изучением уровня боевой выучки Красной Армии в середине 1930-х гг., — мы с уверенностью можем сказать: иного пути у военного историка и нет. Вооруженные силы страны суть слепок с общества этой страны, и для постижения глубинных причин состояния, в котором находились в тот или иной период армия или флот, нам рано или поздно придется обратиться к истории государства и общества. И, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в историографии русского парусного флота совершен теперь настоящий методологический прорыв. (Из числа исследователей истории отечественного флота последующих эпох к такому прорыву вплотную подошел А. В. Платонов².)

Совершая этот методологический прорыв, А. А. Лебедев демонстрирует еще одну сильную сторону своего исследовательского потенциала — широкий кругозор. Какие только источники не привлечены им для выявления и изучения тех особенностей русской ментальности, тех особенностей государства и общества России XVIII — первой половины XIX в., которые сказывались на состоянии русского парусного флота! Некоторые из них оказались настолько живучи, что нашли отражение и в источниках эпохи парового броненосного флота — к которым также обращается А. А. Лебедев.

Указанный методологический прорыв позволил А. А. Лебедеву сделать чрезвычайно важный, на наш взгляд, вывод о снижении боевой эффективности русского парусного флота «пороками вну-

¹ Смирнов А. А. Создание линейного флота на Черном море (конец 70-х — начало 90-х гг. XVIII в.). М., 1991 (на правах рукописи).

² См., напр.: Платонов А. В. Борьба за господство на Черном море. М., 2010. С. 300, 306–308.

треннего развития страны» (с. 352). И, в частности, сильной централизацией государственного управления — исторически сложившейся, неизбежной в силу нехватки у государства ресурсов всех видов при изобилии врагов³, — но влекущей за собой ограничение прав и свобод общества и личности. И, соответственно, не благоприятствующей развитию в людях инициативы. О том, как это мешало русским армии и флоту в конце XIX — начале XX столетия, написано много, но исключительно подробный и аргументированный показ того обстоятельства, что нехватка инициативности у командного состава была коренным пороком русского флота и в XVIII — первой половине XIX в., является заслугой А. А. Лебедева.

Еще большее, пожалуй, значение имеет столь же подробный показ исследователем другого, не столь известного последствия российской централизации. А именно: формального отношения к служебным обязанностям, которое (будучи усугублено присутствующими русскому этносу фатализмом, неуважением людей друг к другу и нелюбовью к рутинному систематическому труду) цвело в русском парусном флоте поистине пышным цветом и сказывалось в том числе и на боевой подготовке.

Заслуживает внимания и выделение А. А. Лебедевым такой проблемы, как порочная кадровая политика государства, не обеспечивавшая выдвижение преданных своему делу и высококвалифицированных кадров (с. 206–208).

Изучая состояние боевой выучки Красной Армии накануне репрессий 1937–1938 гг. и причины, обусловившие это состояние⁴, нам довелось проделать тот же исследовательский путь, что и А. А. Лебедеву, — выйти в конце концов, в поисках причин низкого уровня боевой выучки, на особенности как государственного и общественного уклада, так и национальной ментальности. И в том, что связано с ментальностью (государственный и общественный уклад в 1920–1930-е гг. был, понятно, совсем иным), прийти, в общем, к тем же выводам⁵, что и А. А. Лебедев.

³ Об этом см., напр.: *Милов А. В.* Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М., 1998. С. 571; *Борисов Н. С.* Возвышение Москвы. М., 2011. С. 138–139; *Володихин Д. М.* Рюриковичи. М., 2015. С. 321–322.

⁴ Итоги этого изучения подведены нами в работе: *Смирнов А. А.* Боевая выучка Красной Армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 — первая половина 1937 года). Т. 1–2. М., 2013.

⁵ Там же. Т. 2. С. 249–273.

Отметим в этой связи, что фактический материал, приведенный последним, подтверждает наш тезис о влиянии на боевую подготовку и боевую работу вооруженных сил такой ментальной черты, как преобладание у образованного русского человека аналитического мышления над синтетическим — преобладание, приводящее к увлечению мелочами, частностями в ущерб главному, к неумению видеть главное, видеть за деревьями лес⁶. Этот тезис был развит нами из наблюдения, сделанного в 1920-х гг. генералом В. Е. Флугом⁷ и привлеченного также и А. А. Лебедевым (с. 314). По нашему мнению, именно это наблюдение позволяет объяснить ситуацию, которую критиковал в 1840-х гг. цитируемый А. А. Лебедевым А. И. Бутаков: «Все заняты только красками, лаком, удобнейшими способами чистения меди и железа и тому подобное, а о настоящем деле попробуй заговорить, так смотрят как на дикого [курсив А. А. Лебедева. — А. С.]. Все помешаны на мелочах, ради которых жертвуют всем [...]» (с. 199). И то, о чем писал уже в начале XX в. другой цитируемый А. А. Лебедевым русский моряк, барон Ф. Ф. Врангель — то, что морской бой, «эта единственная задача, для которой существует флот, упускалась [...] из вида ради тысячи технических мелочей, которые, в сущности, имеют цену постольку, поскольку способствуют успеху морского боя» (с. 344).

Сам А. А. Лебедев выводит обстоятельство, подмеченное Ф. Ф. Врангелем, из укоренившейся у русских моряков привычки довольствоваться оттеснением, а не уничтожением противника — привычки, порождавшей пренебрежение к морскому бою вообще (с. 343–344). А между тем при помощи наблюдения В. Е. Флуга можно, пожалуй, объяснить не только то, о чем писал Врангель, но и еще одно, справедливо подчеркиваемое А. А. Лебедевым (с. 301–303) негативное обстоятельство — то, что кумирами русских моряков были адмиралы, умевшие «свято умирать» (П. С. Нахимов, В. А. Корнилов), а не адмиралы, обладавшие «способностью побеждать» (Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин)⁸.

⁶ Смирнов А. А. «Бессистемность, свойственная нам вообще» (к вопросу о факторах, влиявших на отечественную военную историю) // Выбор пути (сборник статей памяти В. Л. Махнача). М., 2010. С. 239–259; Он же. Боевая выучка Красной Армии накануне репрессий 1937–1938 гг. Т. 2. С. 253–260.

⁷ Флуг В. Высший командный состав // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 294, 304.

⁸ Терещенко С. Петр Великий, Ушаков и Сенявин // Часовой. 1931. 15 апреля. № 53. С. 8.

Опять налицо явное забвение главного, забвение того факта, что смыслом существования военных моряков является все-таки побеждать противника — а вовсе не погибать от его рук...

К последствиям пренебрежения синтетическим мышлением можно, на наш взгляд, отнести и упомянутые выше пороки кадровой политики государства — упрямо использовавшей критерии выдвижения, связанные с чем угодно, но только не с умением выдвигаемого обеспечивать (в рамках своей компетенции) успешное ведение боевых действий (т. е. обеспечивать то главное, ради чего существует военно-морской флот).

Повторимся: огромный фактический материал, привлеченный А. А. Лебедевым, делает выводы исследователя исключительно глубоко аргументированными. Со столь уважительным отношением к «хлебу исторической науки» — факту, — к исторической конкретике, к реалиям эпохи приходится сталкиваться нечасто. Порой факты, приводимые исследователем, обогащают (а то и меняют) наши представления о русском флоте даже не служа опорой какого-то нового методологического подхода, а просто одной своей суммой.

По-видимому, именно отсутствие возможности с фактами в руках опровергнуть выводы А. А. Лебедева и стало причиной появления поистине странной рецензии на этот труд, принадлежащей перу Г. А. Гребенщиковой и Е. М. Лупановой⁹. Странно уже само заглавие рецензии. Конечно, по качеству переплета и оформления монографии А. А. Лебедева далеко до роскошно изданных книг Г. А. Гребенщиковой по истории русского парусного флота, но это все же не повод называть книгу объемом 33,25 печатных листа «брошюрой». Странно и утверждение о том, что «по источниковой базе и по характеру изложения» рецензируемая монография «больше относится к научно-популярному изданию [так в тексте. — А. С.]»¹⁰. Еще можно догадаться, что рецензенты путают понятия «язык науки» и «научообразный канцелярит» (которым А. А. Лебедев действительно не пользуется). Но почему им кажется недостаточной источниковая база, образованная десятками архивных дел из 28 фондов РГАВМФ и 113 опубликованными источниками, — решительно непонятно.

⁹ Гребенщикова Г. А., Лупанова Е. М. Рецензия на брошюру «К походу и бою готовы?» // Клио. 2015. № 7. С. 187–192.

¹⁰ Там же. С. 187.

Но самым странным является то, как Г. А. Гребенщикова и Е. М. Лупанова аргументируют свое несогласие с выводами А. А. Лебедева. Заявив, что факты сдачи русских судов без боя, приведенные автором, не дают ему права «делать выводы о низкой степени боеготовности флота, о плохих командирах, о такой же плохой выучке личного состава, о неумении русских воевать и т. д.», в следующей фразе они ссылаются на... современных военных моряков: «После знакомства с рецензируемой брошюрой, отставные и действующие моряки высказываются примерно так: «Поставить бы этого автора на верхние палубы кораблей, которые находились в самом пекле сражений, например, на флагманский корабль адмирала Ф. Ф. Ушакова «Рождество Христово» в операциях с турками [так в тексте. — А. С.] на Черном море или на корабль «Азов» (командир капитан 1-го ранга М. П. Лазарев) под Наварином»¹¹.

Во-первых, выводы «о низкой степени боеготовности флота, о плохих командирах, о такой же плохой выучке личного состава, о неумении русских воевать и т. д.» основываются у А. А. Лебедева не на «эпизодах» сдачи противнику русских судов (их и было-то лишь несколько), а на детальном изучении этих самых «степени боеготовности флота», качества командиров, уровня «выучки личного состава», степени умения или «неумения русских воевать» «и т. д.» Здесь Г. А. Гребенщикова и Е. М. Лупанова занимаются уже подтасовкой фактов.

Во-вторых, с каких это пор судьями в научном споре между историками являются лица, не имеющие отношения к исторической науке? (И не участвовавшие к тому же ни в «операциях с турками на Черном море», ни в Наваринском сражении?)

С тех, видимо, пор, когда у оппонентов-историков заканчиваются научные аргументы. Когда неправоту (с их точки зрения) вице-адмирала И. Ф. Лихачева — одного из тех, на чье мнение опирается А. А. Лебедев, — приходится «доказывать» ссылкой на мнение такого «специалиста-историка», как... цензор, не пропустивший текст Лихачева в печать¹².

Никакого отношения к научной аргументации не имеет и этот пассаж: «Появление подобного продукта на книжном рынке на фоне сегодняшнего общего патриотического подъема, отстаи-

¹¹ Там же. С. 188.

¹² Там же. С. 191.

вания и защиты коренных интересов России и чести воинов, переосмысления ценностей и поднятия престижа Российской державы выглядит, по меньшей мере, удивительным и вызывает обоснованное недоумение... И это происходит в то время, когда наше Отечество и руководство и без того на всех информационных перекрестках голословно обвиняют в разных исторических поступках и в неправильных, по мнению обвинителей, действиях»¹³.

Неужели надо напоминать доктору и кандидату исторических наук, что задача исторической науки — добывать объективное знание о прошлом? «Удобным» или «неудобным» для кого бы то ни было и чего бы то ни было окажется это знание — этот вопрос к науке отношения не имеет!

Г. А. Гребенщикова и Е. М. Лупанова обвиняют А. А. Лебедева в преднамеренном собирании одних лишь негативных фактов истории русского парусного флота — но ведь внимание к «негативу» обусловлено исследовательской задачей, которую поставил перед собой Лебедев! Это — *выявление причин низкой (или, если угодно, недостаточной) эффективности русского парусного флота XVIII — середины XIX в.* Автор же не задавался целью написать *историю этого флота* — в которой, разумеется, было много той «героики», о которой пишут Г. А. Гребенщикова и Е. М. Лупанова (они, правда, употребляют странное выражение «общая героика»¹⁴). Об этом писал еще тот же В. Е. Флуг: «Я воздерживаюсь вообще от разбора положительных качеств ввиду ненужности такого разбора для целей моего исследования». Кстати, эту процитированную А. А. Лебедевым фразу Г. А. Гребенщикова и Е. М. Лупанова приписали самому Лебедеву¹⁵ — что лишний раз характеризует качество их рецензии.

О качестве этой последней говорит и сногшибательное заявление о том, что «для критически думающего историка совершенно ясно»: «русский парусный флот играл» не только «значимую» (с этим никто не спорит. — А. С.), но и «первенствующую роль в общей политике империи»¹⁶. Впрочем, это ничуть не лучше заявления Г. А. Гребенщиконой в ее работе 2007 года о том, что Петр I в Северную войну «в течение восьми лет неотступно преследовал

¹³ Гребенщикова Г. А., Лупанова Е. М. Рецензия на брошюру «К походу и бою готовы?»... С. 188.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 192.

¹⁶ Там же.

шведскую армию, пока окончательно не уничтожил ее под Полтавой»¹⁷. (На всякий случай поясним: это то же самое, что сказать, что в 1941–1942 гг. Красная Армия «неотступно преследовала» германскую...) Или заявления, согласно которому хорошо известное в России «сорочинское пшено» — это не рис, а кукуруза¹⁸ (зерно которой, заметим, даже отдаленно не похоже на просяное)...

В общем, научных аргументов, опровергающих выводы А. А. Лебедева, у его оппонентов откровенно нет. С тем большим основанием монография Лебедева должна быть охарактеризована формулой хоть и расхожей, хоть и стершейся от частого и не всегда оправданного употребления, но в данном случае единственно допустимой: перед нами новое слово *в науке*. В науке, а не в политизированном кликушестве...

¹⁷ Гребенищикова Г. А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2007. С. 613.

¹⁸ Там же. С. 309.

Ольга Эдельман

Н. Д. ПОТАПОВА.
Трибуны сырых казематов:
политика и дискурсивные
стратегии в деле декабристов

СПб : Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2017. 416 с.

В последние десятилетия историки, пишущие о движении декабристов, согласны в том, что принятый в советской историографии подход к этому явлению нуждается в определенной корректировке, что «революционность» декабристов была преувеличена, а их тайные общества наделены чертами более поздних революционных организаций. Так или иначе, практически все исследователи, сознавая значительность достижений советского периода в изучении декабризма, отдали дань критике устоявшихся тогда трактовок. Весьма радикальную заявку в этом направлении делает Н. Д. Потапова, отрицающая существование декабристских тайных обществ и движения декабристов как такового, а соответственно и какую-либо ценность историографического наследия советского времени.

По мнению Н. Д. Потаповой, декабристские общества — не более чем миф, возникший в результате следственной фальсификации.

«Известно, что русский протест 1825 г. был безмолвным. Так случилось, что вышедшие на императорский форум к русскому Сенату и подножию воображаемого Капитолия не смогли артикулировать, что они делают. По сути, мы даже не знаем, есть ли у нас основания рассматривать события на Сенатской площади 14 декабря

как протест. [...] Подлинным форумом для людей 1820-х гг., на котором они смогли, а многие были вынуждены говорить о политике, стали допросы в крепости. Оглядываясь на вызовы обвинения, они формулировали подходящее, с их точки зрения, видение политического действия» (с. 9).

Н. Д. Потапова неоднократно подчеркивает случайность, «хаотичность» выступления (см. напр. С. 202–203), а послуживший поводом к нему отказ от повторной присяги характеризует как «приписываемый бунтовщикам аргумент» (с. 197). Н. Д. Потапова полагает, что случайно и неосознанно оказавшимся на площади молодым людям затем, чтобы как-то объяснить свой поступок, «требовалась рационализация»: «Конвертация хаоса в драму расстроенных планов и упущенного момента, претензии на то, что происходящее могло иметь какие-то неочевидные причины, скрытые, тайные планы и замыслы» (с. 203). Одним словом, неизвестно зачем и почему, так сказать, бессознательно явившиеся на площадь офицеры, попав в тюрьму, согласились признать себя участниками заговора и даже умысла на цареубийства ради «рационализации» своего поступка. Н. Д. Потапова приводит аналогию с современными нам участниками молодежных беспорядков «на улицах Парижа», которые в погоне за медийным вниманием будто бы склонны объявлять себя террористами (с. 207–208).

Увы, построения Н. Д. Потаповой сами по себе остро нуждаются в «рационализации». Столь сильные утверждения, отменяющие как таковое крупное историческое событие, казалось бы, должны основываться на фундаментальной, солидной, убедительной доказательной базе. Таковой базы у Н. Д. Потаповой предсказуемо не находится, да она ее и не ищет. С самого начала своего повествования автор, не затрудняя себя иной аргументацией, кроме ссылки на наличие в показаниях декабристов многочисленных противоречий, объявляет тайные общества «якобы существовавшими», плодом давления следствия, которое «позволило закрепить официальную версию в томах следственных показаний» (с. 13). «На следствии многие допрошенные отрицали существование тайного общества, но следователи намеренно игнорировали это и насаждали официальную версию, позволяющую возложить ответственность за кровопролитие на Сенатской площади на тайное общество» (с. 21). Повторив на разные лады на протяжении нескольких страниц этот удивительный аргумент (право,

было бы странно, если бы подследственные не пытались запереться и отрицать своей вины, когда дело грозило каторгой и казнью, а следствие не пыталось бы добиться признаний), Н. Д. Потапова заключает, что «мы знаем о существовании тайного общества благодаря достаточно тенденциозному источнику», после чего уже полагает себя вправе «усомниться в достоверности версии о существовании тайного общества» (с. 21).

Закрепляя достигнутый, по ее мнению, успех, Н. Д. Потапова заменяет аргументы каскадом вопросов.

«Между тем, есть много неясного. Как, например, могло случиться, что в бумагах штабного полковника, привыкшего по долгу службы заполнять ведомости о снабжении и укомплектовании полков корпуса, хранится черновик «Манифеста Сената», начинавшийся со слов об «уничтожении бывшего правления». В первых пунктах этого документа шла речь не о чем-то, казалось бы, важном для человека военного, а о «свободе тиснения, и потому уничтожении цензуры», «свободном отправлении богослужения всем верам», отмене собственности на людей, равенстве перед законом. Что до того штабному офицеру корпуса, подписывавшему бесконечные ведомости и инвентари?» (с. 16–17).

Продолжая притворно удивляться, Н. Д. Потапова представляет таким образом найденный у С. П. Трубецкого проект манифеста необъяснимым и «каким-то странным с точки зрения нашего времени» (с. 17). Разумеется, если объявить несуществующими тайные общества и весь круг декабристских идей, а прекрасно образованного князя выставить ограниченным солдафоном, то этот документ в самом деле мудрено объяснить. Столь же голословно, без каких-либо доказательств, Н. Д. Потапова заявляет, что воспоминания С. П. Трубецкого о междуцарствии «представляли собой нарезку цитат из европейских газет периода междуцарствия» (с. 20).

Все, что было сказано на следствии о тайных обществах, утверждает Н. Д. Потапова, есть результат давления следствия, которое «насаждало официальную версию» и «навязывало формулировки» (с. 389) обвинения, а декабристы покорно повторяли их в своих показаниях под угрозой «конфликта со следствием» (с. 363). «Трактовать события в Петербурге в декабре 1825 г. как покушение на жизнь государя значило полностью пе-

ревернуть их интерпретацию. То, что такая перверсия оказалась возможной, свидетельствует о небывалом потенциале власти к импровизации», — считает Н. Д. Потапова (с. 308), ссылаясь тут же на работы М. Фуко, к которому она прибегает значительно охотнее, нежели к собственно историографии декабризма. Если отбросить избыточную у Н. Д. Потаповой наукообразную терминологию («следователи меняли модальность с гипотетической на реальную [...] это искажало коммуникацию и деформировало показания» (с. 363), декабристы прибегали к «дискурсивной защите» (с. 375), «стороны вели борьбу за определение фактов» (с. 385, 389)), остается простенькая модель: следствие оказывало давление на арестантов, угрожало им и держало их в неприятных тюремных камерах, с тем чтобы «насаждать формулировки» (с. 368), трактующие происшедшее удобным властям образом. Властям, по мнению автора, было выгодно «навязать» подследственным идею о существовании заговора, поскольку иначе ответственность за расстрел толпы на Сенатской площади ложилась бы на правительство, а наличие «заговора» должно было убедить публику, что виноваты сами заговорщики.

Здесь построения Н. Д. Потаповой встречают серьезное препятствие в виде хорошо известного корпуса мемуаров декабристов, в которых они именно рассказывают о своей принадлежности к тайным обществам и сообщают различные подробности из их истории. Эту проблему Н. Д. Потапова снимает с замечательной легкостью, объявляя и мемуары также недостоверным источником. «Множество актов отрицания на следствии вступает в противоречие с этой мнимой солидарностью вокруг тайного общества в мемуарах осужденных» (с. 211), т. е., переводя на человеческий язык, раз на допросах многие декабристы отрицали свою принадлежность к обществам, то доверять их согласным мемуарным свидетельствам не стоит. Н. Д. Потапова утверждает, что в заключении между декабристами «формировались солидарности».

«Пушки, стрелявшие в народ, массовые аресты и политические репрессии, жестокий приговор не только метили в существовавшие якобы солидарности, но и создавали их. [...] В стране, где десятилетиями существовал «теневой рынок мнений», где вернувшиеся из собрания «высших чинов» отцы играли сыновьям «Марсельезу», это усиливало связь социального поля» (с. 211–212).

В результате, полагает Н. Д. Потапова, для находящихся в Сибири декабристов «тайное общество оказывается важным элементом стигматизированной идентичности, оторванной от реальности, как и сами лишенные привычного социального статуса субъекты» (с. 213–214). По той же схеме, по какой она объявила некогда не существовавшим движение декабристов, Н. Д. Потапова, произнеся этот набор малоосмысленных заклинаний, уже считает возможным говорить о «так называемой декабристской мемуаристике» (с. 214). Автор пытается нас уверить, что декабристы и в мемуарах продолжали делать вид, что принадлежали к тайным обществам, потому что об этом уже было сказано на следствии и потому что они за это были осуждены, а «коллективные суждения обладали силой принуждения» (с. 214).

Чтобы уж больше не возникал вопрос о доказательствах ее положений, Н. Д. Потапова напоминает, что после 14 декабря в России «згли бумаги», поэтому источников, надежно подтверждающих наличие декабристского движения, по ее мнению, не существует (с. 23, 40–41). Конституционные проекты П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева Н. Д. Потапова также не считает таковым свидетельством, вспоминая об их существовании лишь однажды и вскользь, чтобы заявить, что они представляли собой случайный набор положений, почерпнутых из европейских газет, элементы плохо усвоенной «либеральной триады ценностей» (с. 90–91), разумеется, и здесь избегая развернуть и обосновать свое размашистое суждение.

В сконструированной Н. Д. Потаповой модели чтение книг людьми декабристского круга не предусмотрено. Она исходит из того, что вся русская публика читала европейские газеты, имевшие повсеместное хождение — в доказательство ссылаясь на выдержки из иностранных газет в «Вестнике Европы» Н. М. Карамзина и на встречающиеся у современников упоминания иностранных газет и привычки их выписывать (с. 19–20).

Таким образом, чтобы разобраться в происшествии 14 декабря, по мнению Н. Д. Потаповой, остается прибегнуть к «европейской печати», которая «обсуждала происходящее в Петербурге и доносила циркулировавшие в Петербурге слухи и видение событий» (с. 23). Удивительно, что Н. Д. Потапова, столь критичная по отношению к материалам следствия и мемуарам, вовсе не ставит вопроса о степени доверия к сообщениям иностранной прессы и возможности их использования при обсуждении собы-

тий в России. В центре ее книги — изложение сообщений европейских газет периода междоусобицы и процесса декабристов, осуществленное, как утверждает автор, на основании 90 наименований периодических изданий, преимущественно британских и немецких. Относительно французской печати Н. Д. Потапова признается, что краткая научная командировка не позволила ознакомиться с ней в достаточной мере (с. 25). Главным образом автор опирается на британские газеты, включая провинциальные (с. 24–29).

Здесь важно подчеркнуть, что Н. Д. Потапова отнюдь не ставит перед собой задачи проанализировать отклики иностранной прессы на события в России, вписав их очевидным образом в повестку дня соответствующих государств — Великобритании, германских королевств и княжеств. Такая работа сама по себе была бы полезна, но Н. Д. Потапову интересуют не это. Она остается в рамках своей схемы: русская публика читала иностранные газеты, из них узнавала о слухах и событиях в России (ведь в России, по словам автора, «прессы в европейском понимании не было»). Главное: именно эти почерпнутые из иностранных газет сведения заставили декабристов выйти на Сенатскую площадь, хотя для участников это было не восстание, а «хаос» (см. выше). Затем, пока мятежники находились в крепости — нет, нет, Н. Д. Потапова признает, что в крепости свежих иностранных газет у них не было. Газеты читали члены Следственного комитета, и из помещаемых там пересказов русских слухов и сплетен, в том числе о том, что смерть императора Александра I была насильственной, а за мятежом стоят заговорщики, принадлежащие к тайным обществам, — из этих-то газетных сообщений следствие черпало версии событий, затем в ходе допросов «навязываемые» узникам. Для подкрепления своих утверждений Н. Д. Потапова манипулирует обильным цитированием вперемешку показаний декабристов и сообщений иностранной прессы, стараясь убедить читателя, что это есть некий единый «метатекст». В самом деле: вот английская пресса сообщает слухи о том, что смерть Александра I была насильственной — а вот декабристов допрашивают об умысле на цареубийство, и (надо же, какое совпадение) речь снова идет об Александре I.

«Как связаны эти показания и статьи в европейских газетах? [...]

С уверенностью можно сказать одно: европейские газеты, запо-

ждало обсуждающие новость о смерти Александра и приписывающие эту странную смерть в Таганроге возможному цареубийству, получают в Петербурге, и одновременно с этим следствие в Петропавловской крепости фиксирует первые показания о планах убить царя в Таганроге» (с. 117).

Совпадение представляется Н. Д. Потаповой удивительным, из него она выводит, будто мысль о том, чтобы вменить мятежникам с Сенатской площади умысел на цареубийство, была заимствована следователями из английских газет.

По мнению Н. Д. Потаповой, главным адресатом этой причудливой игры, тем, на кого требовалось произвести впечатление и кого нужно было убедить, были не русское дворянство, не гвардия, не двор, не народ, в конце концов (о существовании этих данностей Н. Д. Потапова в указанной связи не вспоминает), а опять же европейская пресса, особенно британская. Николай I, по мнению автора, демонстрировал «признаки нового стиля политического мышления» (с. 224), а именно начал «работать с прессой», манифест о вступлении Николая Павловича на престол будто бы «радикально отличался от принятых в российской практике форм коммуникации» (с. 236). Как свойственно Н. Д. Потаповой, аргументов и доказательств она не приводит, и в чем состояли упомянутые радикальные отличия, остается неизвестным. Однако автор заявляет, что «мы имеем дело с тем видением политики, которое определяло субъективность нового императора: европейская пресса воспринималась как новый значимый актер, способный оказать влияние на политический процесс» (с. 236).

Вычитав в британской прессе, что во время визита великого князя Николая Павловича в Англию в 1816 г. имел место расстрел властями митинга, в организации которого затем обвинили заговорщиков (с. 228–233), Н. Д. Потапова заключает, что именно это происшествие и послужило для Николая моделью после 14 декабря. Никаких восходящих к самому Николаю свидетельств того, что указанное происшествие произвело на него какое-то особенное впечатление и запомнилось, Н. Д. Потапова конечно же не приводит, что вполне понятно: где же их взять. Именуя солидную литературу, посвященную внешней политике этого императора, его отношению к иностранному общественному мнению и конкретно к предложениям влиять на европейскую печать, Н. Д. Потапова игнорирует, поскольку эта литература начисто

исключает ее фантастические версии. Впрочем, равным образом и по тем же причинам игнорирует она и большинство современных работ по истории декабризма и истории России первой трети XIX в. вообще.

Я была бы вправе отметить полнейшую источниковедческую беспомощность Н. Д. Потаповой, но она ведь нигде в своем тексте и не упоминает понятий «источниковедение», «критика источников» или их синонимов. Зато ее удивление вызывает тот факт, что до сей поры никто из исследователей не занялся «дискурсивным анализом» следственных материалов (с. 33). Совершенно справедливо: лично я, написав книгу о следствии над декабристами и источниковедческих особенностях следственных материалов, могу поклясться, что к «дискурсивному анализу» не прибегала и даже обязуюсь не прибегать и впредь.

Не имея никакой возможности обосновать выстроенную ею нелепую объяснительную конструкцию, Н. Д. Потапова прибегает к обильному и беспорядочному цитированию вперемешку сообщений британских газет и показаний декабристов, вырывая цитаты из контекста и придавая им зачастую совсем не тот смысл, который вкладывался изначально. Восклицания узнавшей о восстании на Сенатской площади императрицы-матери Марии Федоровны «Боже мой, что скажет Европа?» автору достаточно, чтобы считать доказанным: двор волновала реакция Европы и только она (с. 21). Попытка проверить приводимые Н. Д. Потаповой цитаты показывает, что автор не гнушается и прямо искажать текст документа. Так, для демонстрации роли английских газет накануне 14 декабря Н. Д. Потапова ссылается на слова А. М. Булатова. «Булатов вспоминал статьи европейских газет, обсуждавших в период междоцарствия пущенную газетой *The Morning Post* версию убийства Александра в Таганроге», а именно рассказал, как 12 декабря у Рылеева Щепин-Ростовский «с запискою в руках» читал об этом вслух (с. 322). Проверив приведенную ссылку на письмо Булатова из крепости к великому князю Михаилу Павловичу, обнаруживаем приведенную далее Н. Д. Потаповой цитату, но в ней нет никаких упоминаний ни о *The Morning Post*, ни о других газетах, а бумажка в руках Щепина-Ростовского похожа скорее на послание, полученное заговорщиками от своих братьев (Восстание декабристов. Т. 18. С. 294). Сходную операцию проверки точности цитирования можно было бы проделать многократно с неприятным результатом.

Выбор Н. Д. Потаповой как основных именно британских газет (тем более провинциальных) ни на чем не основан. Отчего не датских, шведских, голландских, неаполитанских? Ссылки на то, что Карамзин публиковал в «Вестнике Европы» «извлечения из английских, французских и немецких журналов» (с. 19), совершенно недостаточно для вывода о распространенности среди русской публики английской периодики. Если о бытовании в России ведущих французских и некоторых немецких газет еще можно рассуждать, то английские могли быть уделом редких оригиналов-англоманов, да и то требует доказательств. Н. Д. Потапова, как она утверждает на страницах своей книги, изучала следственные материалы декабристов. В таком случае ей бы следовало знать, что из 193 декабристов, чьи формулярные списки имеются в следственных делах, владение французским языком отмечено у 130, немецким — 113, английским — только у 8 человек.

Анахроничное для описываемого времени фокусирование авторского внимания на английской прессе симптоматично и указывает на еще одну проблему текста Н. Д. Потаповой. Автор крайне небрежна относительно того, что в классической историографии принято было именовать «принципом историзма», да и вообще к историческим реалиям. Это заметно уже по приведенным в настоящей рецензии цитатам, где Н. Д. Потапова применительно к делу декабристов говорит о «массовых арестах и политических репрессиях»; о неких «инвентарях», которые будто бы непрестанно подписывал С. П. Трубецкой (автора не заботит вопрос, а существовали ли «инвентари» в армейском быте той эпохи). Трубецкому же Н. Д. Потапова приписывает беспокойство об инфляции (с. 69); говорит об «английской интеллидженс» (с. 39, 44); об А. О. Корниловиче как «двойном агенте», в данном случае хотя бы используя кавычки (с. 99–100), о каком-то при-сущем следствию над декабристами «процессуальном допросе» (с. 390). Восстание на Сенатской площади, по ее мнению, Николай I «считывал как «митинг»», а отправившихся в Сибирь декабристок — как «суфражисток», впрочем, слова «митинг» и «суфражистки» автор также заключает в кавычки (с. 13). Последний пассаж сопровождает рассуждения Н. Д. Потаповой о столкновении двух эпох, «двух стилей политического мышления», «праве женщины решать свою судьбу, выбирать, по сути, голосовать за нее» (с. 12–13). Здесь недоумение читателя лишь усиливается. Ведь декабристки, отправившись в ссылку за мужьями, продемон-

стрировали как раз верность патриархальному пониманию долга жены. Предложенная Н. Д. Потаповой трактовка заставляет усомниться в том, понимает ли она значение термина «суфражистка». Не менее странно, что, говоря об этой смене эпох, Н. Д. Потапова противопоставляет уходящим «героям эпохи классицизма» маленьких людей эпохи бидермейера (с. 7–8). Не реализма, что оправдано принятым наименованием больших художественных стилей в русской культуре, а бидермейера, в России представленного слабо, проявившегося главным образом в моде на одежду и оформлении интерьера. Применительно к России конфликт классицизма с бидермейером сложно вообразить иначе, как в виде двух брыкающихся ножками диванов, одного с прямой спинкой, другого же с гнутой.

Одной из центральных проблем, имевшихся в Российской империи в 1820-х гг., Н. Д. Потапова считает «нерешенные проблемы послевоенного урегулирования и затянувшийся кризис демобилизации» (с. 22, 66), тем самым не оставляя уже сомнений в своем вопиющем, почти невероятном невежестве. Чем еще мыслимо объяснить предположение о демобилизации дореформенной армии (формируемой через рекрутские наборы)?

На этом, пожалуй, разговор о тексте Н. Д. Потаповой можно завершить, *навязав* ему *формулировку*: этот текст не имеет отношения к научному исследованию, представляя собой образчик недобросовестной околонучной манипуляции.

Андрей Тесля

В. П. ЗИЛОТИ. В ДОМЕ ТРЕТЬЯКОВА

2-е изд., доп. и перераб. М. : Государственная
Третьяковская галерея, 2016. 560 с. : ил.¹

Мемуарная книга Веры Павловны Зилоти (1866–1940), урожденной Третьяковой, хорошо известна всем, интересующимся историей русской живописи и музыки XIX столетия и историей собирательства. Первым изданием она вышла еще в 1954 г. в Нью-Йорке, в «Издательстве имени Чехова»² — а в 1990-е дважды издавалась в России³. И тем не менее новое издание существенно отличается и от американского (и его републикации в начале 1990-х), и от научного издания, предпринятого сотрудниками Третьяковской галереи (далее — ГТГ) в 1998 г. Все предшествующие издания воспроизводили текст издания 1954 г., подвергнувшийся довольно заметной редакторской обработке и сокращениям — в отличие от них, нынешняя публикация сделана на основании (1) обнаруженной машинописи полного текста рукописи с пометками Кириены Зилоти, дочери автора, кото-

¹ Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Academia Kantiana ИГН БФУ им. И. Канта (Калининград). Работа выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18–18–00 442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. Им. Канта.

² Зилоти В. П. В доме Третьякова. Нью-Йорк : Издательство имени Чехова, 1954.

³ Зилоти В. П. В доме Третьякова / Предисл. М. Л. Гавлина. М. : Высшая школа, 1992; Зилоти В. П. В доме Третьякова / Под ред. Н. Раковой и Ю. Ульяновой. М. : Искусство, 1998.

рой и посвящена книга — Кириена готовила текст к печати в первом издании, и (2) неполной черновой рукописи Веры Зилоти. Основой для комментариев в новом издании послужили комментарии издания 1998 г.⁴, существенно расширенные и уточненные, в том числе в области истории русской музыкальной культуры — а иллюстративный материал, сопровождающий теперь текст, имеет самостоятельную ценность, воспроизводя массу малоизвестных фотографий, в первую очередь из собрания ГТГ, а также, помимо хрестоматийных, некоторые из редко републикуемых живописных и графических работ (полный список иллюстраций дан на стр. 516–521).

Лишь одно из существенных отличий машинописи от текста первой публикации оказалось сознательно отвергнуто при переиздании — мемуаристка озаглавила свой текст «В Толмачах», по имени прихода, к которому принадлежали Третьяковы и по обыденному обозначению адреса их дома («дом Третьякова в Толмачах», в отличие от, например, дома младшего брата Павла Михайловича, Сергея, что был на Пречистенке): редакторы закономерно пришли к выводу, что давно ставший привычным заголовком удобен еще и тем, что обращен к читателям, выходящим за пределы семейного круга — тем, кому первоначально был адресован текст Веры Павловны.

Многие, читавшие воспоминания Веры Павловны, полагают, согласятся, что это плохо написанная книга — и в то же время это одна из лучших книг о московском купечестве последней трети XIX века. «Плохо написана» она потому — и в нынешнем издании это особенно заметно, по устранении редакторских правок и сокращений нью-йорской публикации, — что написана «для своих», для близких автору людей. И речь не только и не столько о массе бытовых подробностей, сколько о бесконечном упоминании «Вер», «Наташ», «Николаев» и прочих, в которых посторонний читатель мгновенно теряется — удержать внимание за нитью повествования сложно, поскольку сам «рассказ», то есть продвижение сюжета от описания старших родственников до выхода замуж и оставления родительского дома — постоянно теряется в разнообразных «записках», отступлениях в сторону, когда упоминание одного лица влечет за собой сжатый перечень всего его

⁴ Именно по отношению к изданию 1998 г. новая публикация обозначена как *2-е изд., доп. и перераб.*

семейства с краткими характеристиками и сообщением, в свою очередь, о том, на ком они женились и за кого вышли замуж, что требует повествования теперь и об этих линиях родства. Автор пытается спастись от стремительно растущей лавины уточнений, отправляя часть материала в примечания — но это мало чему помогает, поскольку текст примечаний лишь авторской волей разграничен от основного текста: перемещения многих фрагментов из «подвалов» или спуск их туда вряд ли кто заметил бы кроме специалистов. Упорядочить повествование Вера Павловна пытается через наложение на хроникальное изложение топографического принципа — рассказ о тех или иных московских семействах отнесен, например, в главы, повествующие о меняющихся подмосковных дачах, снимаемых отцом — где эти семейства оказываются соседями или гостями и потому попадают в фокус рассказчицы.

И эти же недостатки превращают книгу старшей дочери Павла Михайловича Третьякова в замечательный памятник эпохи — в ней отразился женский и купеческий взгляд, видящий и описывающий реальность через пересечение родственных, семейных, соседских связей, где каждый персонаж вводится либо через систему родства-свойства (потребность «сосчитаться»), либо через соседство, которое не автономно, но также требует подкрепления родством — в том смысле, что новый знакомый должен быть связан с кем-либо другим, уже включенным в эту систему — и круг тех, кто входит в общение как художники, музыканты и т. д. Черты времени заметны в размывании прежних ограничений — через круг художественный можно войти в первый круг, но это остается «пересечением границы», событием, требующим особенного осмысления и обоснования, т. е. чем-то «ненормальным», не являющимся «само собой разумеющимся». Сама Вера Павловна совершит такое нарушение границы, выйдя замуж за ученика Ференца Листа, Александра Зилоти, против чего будет решительно протестовать отец (и брак Веры проложит путь третьей дочери, Любви, которая выйдет первым браком за художника Николая Гриценко, а после его смерти станет женой Льва Бакста⁵).

Воспитание в родительском доме, о котором рассказывает Вера, оказывалось построено на принципе «дилетантизма» (в ис-

⁵ Вторая и четвертая дочери, Александра и Мария, выберут супругов гораздо более традиционно — из купеческого семейства Боткиных, широко известного в истории русской культуры.

ходном, старом смысле слова): отец противился, чтобы дочь участвовала в спектаклях, опасаясь, как бы она не сделалась актрисой, поощряя ее занятия музыкой, воспретил поступить в Консерваторию, и когда наконец сдался и согласился пригласить для дочерей учителя живописи («для развития глаза», а никак не в качестве профессионального навыка), то избрал Василия Семеновича Розанова, «знаменитого учителя и плохого художника, о котором отец отзывался как о художнике, “опоганившем все присутственные места” своими портретами царей. Радовался, поддразнивая нас, что “Василий Семенович, по крайней мере”, из нас “художниц не сделает”» (стр. 280, прим.).

Две старших дочери Павла Третьякова — Вера и Александра — на исходе своих дней написали замечательные книги о прошлом: вторая дочь составила жизнеописание отца, старшая написала своеобразные заметки о семействе. В ее повествовании, в отличие от биографии, написанной Александрой⁶, существенно увеличивается фигура матери — отец, сдержанно-нервный, мало делившийся с другими своими мыслями, мало открыт для дочерей (которые спустя десятилетия реконструируют его логику исходя из поступков), но обсуждает с женой — и мир родителей здесь заметно предстает отделенным, сознательно отграниченным от мира детей, независимо от возраста.

Особая прелесть и интерес воспоминаний Веры Павловны — они, в отличие от строго документированной, представляющей нечто среднее между мемуарами и монографией книгой Александры Павловны, написаны именно «по памяти». Оттого в них много фактических неточностей и ошибок — но эти ошибки сами по себе любопытны, фиксируя то, «как запомнилось», как обсуждалось в семействе. Например, в истории «Туркестанской коллекции» Верещагина конфликт Третьякова с Д. П. Боткиным развивается в плоскости создания помещения, в котором эта коллекция должна быть размещена (стр. 201–203, 333), а не как в действительности, в споре о сохранении коллекции в целостности или ее раздроблении. Но это же позволяет переосмыслить зафиксированные суждения Третьякова, который утверждал, например, в переписке с В. В. Стасовым, что решение о помещении соответствовало его намерениям — семейные воспоминания, смешивающие

⁶ Боткина А. П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве / 4-е изд., испр. и доп. / Предисл. и общая ред. Н. Л. Приймак. М., 1993.

разные этапы истории «Туркестанской коллекции», сохраняют как веху болезненную реакцию Третьякова на решение Московского общества любителей художеств (МОЛХ). Подобные ценнейшие штрихи разбросаны по всему тексту воспоминаний Веры Павловны — давая доступ в частную, интимную сторону истории создания галереи Третьяковым и одновременно именно в полном своем тексте плотно включая историю художественной коллекции не только в семейный быт, но в устройство жизни купеческой Москвы.

Андрей Тесля

ВООБРАЖАЕМАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ¹

Портретная галерея «лиц, дорогих нации»

П. М. Третьякова / Авт.-сост. Т. Л. Карпова. М. :

Гос. Третьяковская галерея, 2014. 328 с.: ил.

В некотором роде перед нами «воображаемый музей» Мальро — коллекция, которая отсутствует в виде собранной в одном месте физически, причем двояким образом отсутствующая:

— во-первых, в вводной части многочисленные репродукции даны с портретов, в свое время купленных или заказанных Третьяковым, но в дальнейшем выбывших из состава ГТГ (например, известный портрет В. А. Жуковского работы К. П. Брюллова — тот самый, который разыгрывался в лотерею ради выкупа из крепостной зависимости Т. Г. Шевченко и достался императрице Александре Федоровне², или

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта. Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Academia Kantiana ИГН БФУ им. И. Канта (Калининград).

² Портрет по приобретении императрицей был подарен наследнику, Александру Николаевичу — последующие перипетии портрета достоверно не известны, но в итоге он попал в собрание В. А. Кокорева и с 1862 по 1870 г. экспонировался в его картинной галерее — после закрытия последней и распродажи собрания на аукционе перешел в собственность Третьякова (значительную часть собрания Кокорева приобрел цесаревич Александр Александрович, она стала основой его «русской коллекции» и в дальнейшем — Русского музея)

портрет А. Ф. Писемского работы В. Г. Перова, заказанный Третьяковым художнику, который в 1920-х был передан Ивановскому художественному музею);

- во-вторых, основная часть книги — воспроизведение с краткими аннотациями портретов из нынешней коллекции ГТГ, однако включены в нее портреты в попытке воспроизвести логику изначального, собственного «третьяковского» портретного собрания, его опыта создания национальной портретной галереи. Полотна, висящие в разных залах музея или хранящиеся в запасниках, представлены в хронологической последовательности мастеров, работавших над ними, и годами их создания — равно как и исключены те портреты, которые попали в собрание ГТГ, в том числе и при жизни первоначального владельца, однако не мыслились им как часть «национальной портретной галереи» или, из созданных или приобретенных после смерти Третьякова, как не соответствующие его изначальной концепции.

Впрочем, и для самого Третьякова его «портретная галерея» в качестве достаточно автономного целого (по развеске начала 1880-х портреты располагались в первом и последнем залах галереи, предполагая их восприятие как некоего целого, где живописный принцип отходил на второй план) в последние полтора десятилетия перестала существовать — с 1880-х в качестве основного был применен монографический принцип экспозиции, который окончательно возобладал при известной «перевеске» картин, произведенной новым попечителем галереи, И. Э. Грабарем в 1913 г.

Рецензент «Нового Времени», обзревая II Передвижную выставку, писал: «Нельзя не заметить крайнее однообразие в портретной выставке — ни одного женского лица, на котором мог бы отдохнуть глаз посетителя, созерцающий все время великих русских мужей» (НВ. 1873. № 6; цит. по: стр. 15). Подобное положение вещей было отчасти обусловлено целенаправленной политической заказов Третьякова, из коллекции которого поступила на вы-

(Северюхин Д. Я. Старый художественный Петербург: рынок и самоорганизация художников (от начала XVIII века до 1932 года). СПб., 2008. С. 77, 85). Ныне портрет Шевченко находится в Национальном музее Т. Г. Шевченко в Киеве.

ставку значительная часть вещей — он стремился как приобретать, так и активно специально заказывал сначала Перову, а затем все чаще Крамскому портреты выдающихся русских деятелей — именно этот акцент и сделан рецензентом, а в силу условий места и времени предсказуемым образом это определяло тотальность мужских изображений (в то время как, разумеется, с позиций художественного рынка доля женских портретов была очень велика — но она была, как именно коммерческая, преимущественно обусловлена вкусами заказчика, а не решением собственно художественных задач).

Портретная галерея Третьякова вписывается в общую логику аналогичных собраний и экспозиций 2-й пол. XIX века — когда на смену частным собраниям XVIII — 1-й пол. XIX века, подчиненным логике «Я и мой род», «Я и равные мне», «Я и мои предшественники», приходят новые (стр. 19), теперь уже либо представляющие «духовную генеалогию» данного владельца, либо — в случае публичных собраний — генеалогию национальную. Портретные выставки 1868 (Москва) и 1870 (СПб.) гг. представляли «русских достопримечательных людей» (в отличие от знаменитой дягилевской выставки 1905 г. в Таврическом дворце, где в фокусе внимания были «старые портреты», а не изображенные на них особы — т. е. в плане содержательном, помимо живописи, люди прошлого, информацию о которых приходилось собирать по крупицам, а не искать портреты как информацию об облике интересующего лица).

Примечателен сюжет с коллекцией портретов, выполненных Н. Н. Ге. Когда в начале 1870 г., по возвращению Ге из зарубежной поездки, Третьяков обращается к нему с предложением продать портрет «Искандера» (А. И. Герцена), художник отвечал: «на любезное предложение Ваше я теперь согласиться не могу: портреты эти³ я пишу с давно задуманной целью, без всяких корыстолюбивых видов для себя лично»⁴, а спустя несколько лет сам обращается к Третьякову с предложением следующего свойства в ответ на высказанное последним желание купить исполненные Ге портреты:

³ К этому времени Ге, помимо Герцена, были написаны также: портрет В. Кашпирева (1862-1863?), М. Шиффа (1867), И. Доманже (1868), А. А. Мордвинова, Г. Г. Мясоедова, Н. И. Костомарова (1870).

⁴ Николай Николаевич Ге. Письма, статьи, критика, воспоминания современников / Вступ. ст., сост. и примеч. Н. Ю. Зограф. М., 1978. С. 80. Письмо от 12 февраля 1870, СПб.

«Вы двадцать лет собираете портреты лучших людей русских, и это собрание, разумеется, желаете передать обществу, которому одному должно принадлежать такое собрание⁵, — я думал и думаю, что художник обязан передать образ дорогих людей соотечественников, с этой целью я начал писать и, разумеется, не для себя, а для общества. <... > Возьмите в свою коллекцию портреты готовые и все те, которые я надеюсь еще написать, пусть они достигнут обществу согласно нашему общему желанию. Никаким тут вознаграждениям нет места. Одно только нужно: обеспечить друг друга в действительном достижении цели, т. е. что труд наш именно обществу будет принадлежать и от имени каждого своя часть. Вот какие условия я полагаю, разумеется, с поправками, ежели такие понадобятся:

- 1) Передавая портреты в Вашу коллекцию, я обязуюсь не исключать их из коллекции, пока она находится в Вашем личном владении.
- 2) С вами вместе я обязуюсь передать городу свою часть, с тем, чтобы она не была отчуждена от Вашей.
- 3) Право собственности на портреты принадлежит мне до передачи прав городу.
- 4) На случай смерти моей я оставляю необходимое соответственное распоряжение»⁶.

Как известно, в реальности этот великодушно замысленный жест не удался — Ге оказался нуждающимся в деньгах и в последующие годы продал некоторые портреты из своей коллекции Третьякову, судьба же прочих полотен складывалась у каждого своим собственным образом. В этом письме обращает на себя внимание не только явное обособление портретного собрания, но и представления его именно собранием «лучших людей русских», причем в рамках концепции «национальной галереи»⁷. В собрании отсутствовали государственные и военные деятели, церковные иерархи и т. д. — «лучшие люди» в этом понимании

⁵ Обратите внимание, что Ге в данном случае рассматривает как предназначенное к передаче в общественное достояние лишь портретное собрание, никак не касаясь судеб художественной галереи.

⁶ Николай Николаевич Ге. С. 90–91. Письмо от 1874 — нач. 1875, СПб.

⁷ Первое завещание П. М. Третьякова, 1860 г. — Цит. по: *Боткина А. П.* Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. 4-е изд., испр. и доп. / Предисл. и общая ред. Н. Л. Приймак. М., 1993. С. 53.

были писатели и художники, как настоящего, так и прошедшего времени. В связи с этим Третьяков не только прикладывает много усилий к собранию портретов покойных к этому времени авторов, но и заказывает целую серию посмертных портретов, причем много сил уделяет достижению портретного сходства. Так, заказанный И. Н. Крамскому портрет А. В. Кольцова потребует массы сил от художника: Третьяков сразу же настаивает о желаемом впечатлении от портрета, сообщая выписку из воспоминаний И. С. Тургенева, подчеркивая в тексте выписки «то, что мне кажется характерным»⁸ (и что, следовательно, Третьяков желал видеть отраженным на портрете). Весной следующего года П. В. Анненков, как знакомый с Кольцовым, сообщал Третьякову результаты осмотра портрета и свои замечания, немедленно пересланные заказчиком художнику⁹ — в следующем году Крамской продолжает дорабатывать портрет, ссылаясь на замечания А. В. Никитенко¹⁰, знавшего Кольцова. Но и после завершения портрета и отсылки его в Москву — история не закончилась. Два года спустя Третьяков писал автору: «На днях у меня видел портрет Кольцова человек, хорошо его знавший, и нашел его непохожим, в акварели же находит большое сходство, замечая только, что он был смуглее лицом»¹¹, спрашивая Крамского, где тому будет удобнее исправить портрет — в Москве или же переслать картину к нему в Петербург. В итоге портрет будет доработан в соответствии с пожеланиями заказчика, но будет продолжать не удовлетворять обоих, и в 1877 г. Крамской напишет второй вариант портрета (т. н. черный)¹²: работа над портретами Кольцова продолжалась почти до самой смерти Крамского, оказавшись самой долгой в истории взаимоотношений художника с Третьяковым, и так и не пришла к завершению¹³.

⁸ Переписка И. Н. Крамского. И. Н. Крамской и П. М. Третьяков, 1869–1887 / Подгот. к печати С. Н. Гольдштейн. М., 1953. С. 42–43. Письмо П. М. Третьякова от 4 мая 1875, Москва.

⁹ Там же. С. 48–49. Письмо П. М. Третьякова от 6 апреля 1872, Москва.

¹⁰ Там же. С. 61. Письмо И. Н. Крамского от 21 мая 1873.

¹¹ Там же. С. 110. Письмо П. М. Третьякова от 27 марта 1875, Москва. История продолжалась и далее, см., в частности: Там же. С. 181. Письмо И. Н. Крамского от 22 января 1877, СПб. и письмо Н. М. Третьякова от 25 января 1877, Москва.

¹² Там же. С. 190. Письмо И. Н. Крамского, 11 апреля 1877, [СПб].

¹³ См.: Там же. С. 306. Письмо И. Н. Крамского от 31 мая 1884; С. 308–309. Письмо П. М. Третьякова от 5 декабря 1884 и письмо И. Н. Крамского от 6 декабря 1884.

В случае портрета Ю. Ф. Самарина Третьяков поступил еще более оригинально. Известно, что в галерее Третьякова на момент смерти Самарина имелся портрет последней работы В. И. Шервуда — поскольку и.о. Московского городского головы С. А. Ладыженский после смерти Самарина обратился с просьбой о разрешении снять с него копию, одновременно спрашивая, не согласится ли взять на себя этот труд Крамской. Третьяков извещал об этом Крамского, одновременно сообщая свой ответ Ладыженскому, «что *копию* кому же лучше сделать, как не самому автору»¹⁴. В результате Московская городская дума заказала не копию, а посмертный портрет Крамскому, другой вариант которого поступил в галерею Третьякова, а портрет работы Шервуда был, поскольку в первом печатном каталоге собрания (1893) он уже не числится¹⁵.

Известно, что Третьяков стремился представить в своей портретной галерее широкий круг лиц, в том числе много лет пытался договориться с кем-либо из художников о портрете Каткова, но в итоге потерпел неудачу¹⁶. Тем примечательнее заявление автора-составителя рассматриваемой книги: «Конечно, было бы неверно и кощунственно отождествлять его взгляды со взглядами Каткова, но нельзя не признать, что комплекс национально-патриотических идей был близок основателю галереи» (стр. 23–24). Разумеется, отождествлять взгляды Третьякова с катковскими невозможно — хотя бы потому, что Третьяков старался воздерживаться от прямого и отчетливого выражения своей политической

¹⁴ Там же. С. 146. Письмо П. М. Третьякова от 25 июня 1876, Кунцево.

¹⁵ Там же. С. 372. Прим. 5 к письму № 149. Известный портрет молодого Ю. Ф. Самарина работы В. А. Тропинина (1846) поступил в собрание ГТГ в 1927 г.

¹⁶ Многократно цитировался взволнованно-возмущенный отклик И. Е. Репина на идею «заказать портрет Каткова и поставить его в Вашей галерее <...> Неужели этих людей ставить наряду с Толстым, Некрасовым, Достоевским, Шевченко, Тургеневым и другими?! Нет, удержитесь ради Бога!!» (стр. 24, 25), но и после этого Третьяков упоминает об отсутствии Каткова в галерее в письме к Крамскому, добавляя: «никто не хотел написать его» (Переписка И. Н. Крамского. С. 315. Письмо П. М. Третьякова от 13. II.1886, Москва). Т. Л. Карпова предполагает, что Крамской в 1887 г., на последнем году своей жизни, пытался осуществить это желание Третьякова, интересуясь петербургским адресом Каткова (стр. 25, прим. 27) — но портрет так и не состоялся, и возможный портретист, и предполагаемая модель умерли в том же году, а в последующие годы Третьяков стал гораздо реже пополнять портретное собрание, еще гораздо ранее отказавшись от заказа портретов *postmortem*.

позиции — и в тех случаях, когда высказывался, отнюдь не обозначал свою позицию жестким образом. Как писал он Крамскому, хоть и по иному поводу: «ведь недаром же я купец, хотя часто и имею антикупеческие достоинства»¹⁷.

Но в целом взгляды Третьякова были отнюдь не абстрактно «национально-патриотическими»: в самой логике портретной галереи заметно тяготение к славянофильским представлениям о «земле» и «обществе»¹⁸. В воспоминаниях старшей дочери, Веры Павловны, о детских годах особенно отмечается (применительно к 1870-м): «Бывало у нас в то время много славянофилов: Черкасские, Барановы, Щербатовы, Аксаковы, Станкевичи, Самарины и Чичерины»¹⁹. Несмотря на перечень имен славянофилов, включаемых дочерью в воспоминания, написанные в 1936–1939 гг., в понятие «славянофильства», отдельно она фиксирует близость семейства Третьяковых с Ю. Ф. Самариним (чья сестра, гр. М. Ф. Соллогуб, жила совсем недалеко от дома Третьяковых в Лаврушинском переулке, они были прихожанами одной церкви — Николая в Толмачах)²⁰. С особенным вниманием Третьяков относился к Ф. М. Достоевскому, чей портрет был заказан для галереи еще в 1870 г. (общеизвестный портрет работы Перова) и смерть которого стала для Третьякова потрясением — дочь вспоминала: «Помню, каким потрясенным и разбитым отец приехал из Петербурга после похорон Федора Михайловича...»²¹. Все это, разумеется, легко отвести как ряд косвенных свидетельств, тем более что поздний пиетет по отношению к Достоевскому в русском обществе слабо соотносится с близостью к его политическим взглядам.

Но в данном случае есть и некоторая доля прямых свидетельств — так, в 1876 г., отвечая на обширное и взволнованное письмо Крамского из Парижа, где тот обличал правительство, не реагирующее должным образом на балканские события, в пер-

¹⁷ Переписка И. Н. Крамского. С. 122. Письмо П. М. Третьякова от 31 июля 1875, Москва.

¹⁸ См. первичную разметку проблематики «Третьяков и славянофилы», проделанную в работе: Юденкова Т. В. Братья Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы: мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX века. М., 2015. Ч. 3.

¹⁹ Зилоти В. П. В доме Третьякова. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2016. С. 154.

²⁰ Там же. С. 154–155; Юденкова Т. В. Указ. соч. С. 438.

²¹ Зилоти В. П. Указ. соч. С. 269.

вую очередь на апрельское восстание в Болгарии, не прислушивающееся к общественному мнению, Третьяков писал:

«Вы говорите, вот к чему ведет усилие *одному* все *знать и мочь*? Да, это правда и очень несладкая, но иначе-то долго еще не будет, по крайней мере нужно одно поколение! Как идут городские самоуправления, все вообще общественные учреждения, все предприятия (хотя бы начать с Тов<арищества> Передвижной выставки), да все, что хотите <...> — все так и заявляет на каждом шагу о нашем детстве»²².

В этой формулировке можно увидеть тот «усредненный» взгляд, не восходящий к теоретическим основаниям, где возможен был консенсус между позициями Ю. Ф. Самарина, И. С. Аксакова и Б. Н. Чичерина, и достаточно непротиворечиво было разделять многие из положений М. Н. Каткова — и вместе с тем достаточно явно расходиться в суждениях по политическим вопросам с Крамским, которого тем не менее невозможно вывести из числа разделяющих «национально-патриотические идеи», по формулировке Т. Л. Карповой (стр. 24). Третьяков, как уже говорилось, был далек от стремления публично и резко формулировать свои общественные взгляды, но из переписки и воспоминаний складывается довольно отчетливый образ — иногда вплоть до комичного, когда он заставлял свою дочь Александру довольствоваться отечественным роялем вместо «Бехштайна», но это был отголосок принципиального протекционизма (в итоге, впрочем, отцу пришлось уступить дочерям).

Галерея, созданная им, сама явилась вполне конкретным и последовательным высказыванием — далеким от односторонности: она стала культурным деянием, а не политическим жестом — не отрицающим разногласия, но предполагающим, что культурные разграничения не совпадают с границами политических взглядов.

²² Переписка И. Н. Крамского ... С. 159, письмо П. М. Третьякова от 8. IX.1876, Москва.

Андрей Тесля

ПЕТЕРБУРГ КОНЦА ИМПЕРИИ: ОБ ОДНОМ НЕГОДНОМ ВВЕДЕНИИ В ПРЕДМЕТ¹

Е. Берар. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914 / Пер. с фр. М. Неклюдовой. М. : Новое литературное обозрение, 2016 (серия «Historia Rossica»)

Работа французской исследовательницы Евы Берар, вышедшая на языке оригинала в 2012 г., посвящена в высшей степени интересной теме — тому, как меняется Петербург в последние десятилетия «старого режима», как формируется новая «урбанистическая культура». Город за эти годы претерпевает радикальное изменение — из прежней в первую очередь административно-военной резиденции он стремительно превращается в индустриальный центр и центр финансового мира.

Перемены этого времени в целом достаточно хорошо описаны — с одной стороны, не столько меняется роль «двора», сколько последний сходит на нет: последний большой бал, данный императором, состоялся в 1903 г., но значение «двора» в системе власти принципиально ослабевает уже в царствование

¹ Работа выполнена в рамках гранта РНФ (№18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. Канта.

Александра II. В отличие от Николая I, «вводящего» в придворное общество лиц, не принадлежащих к нему, но поднявшихся до высших бюрократических степеней, его наследник разделяет свет и высшую администрацию, а при Александре III и Николае II «двор» как целое уже более не существует, распавшаяся на отдельные кружки, «большой свет» более не центрирован на «дворе», соединяясь через фигуры императора и членов императорской фамилии персонально (т. е. значимым становится не столько «приглашение ко двору» и пребывание при нем, сколько, напр., посещение государем светского увеселения — повышающее статус последнего и т. п.).

С другой стороны — даже независимо от перемен, протекающих в положении «двора», город принципиально меняется: если на протяжении 1820-х — 1860-х население Петербурга росло довольно небольшими темпами (в 1825 г. — 424 тыс. жителей, в 1863 г. — 539 тыс., причем одиннадцатью годами ранее — 532 тыс., т. е. колебание в пределах десятилетия практически пренебрежимое), то затем начинается стремительный рост:

- в 1870 — 668 тыс.
- в 1882 — 928 тыс.
- в 1891 — 1 034 тыс.
- в 1897 — 1 265 тыс.
- в 1900 — 1 418 тыс.
- в 1910 — 1 905 тыс.
- в 1914 — 2 118 тыс.

За сорок лет население вырастает в три раза, при этом принципиально изменяется структура населения — за счет стремительного роста численности фабрично-заводских рабочих и членов их семей, за счет роста занятых в негосударственных фирмах и учреждениях и т. д.

Вопросы, возникающие перед исследователем в этом контексте, чрезвычайно разнообразны — это и меняющаяся роль верховной власти, и меняющиеся представления о том, как должна и/или может быть верховная власть репрезентирована в столичном пространстве, и новые представления о Петербурге, вырабатывающиеся в «пассеизме» «Мира искусства», «Старых годов», «Аполлона» и т. д., и позиция городской думы и городского управления, и множество других.

Увы, если избранная автором тема весьма увлекательна и плодотворна, то исполнение вызывает преимущественно недоуме-

ние. Остановимся лишь на нескольких аспектах. Вся первая глава работы посвящена попытке «разобраться, как государь относился к своей столице» (с. 15). Ева Берар сразу же признает, что прямых источников для ответа на этот вопрос весьма немного, но это не мешает ей настойчиво пытаться определить, что именно «чувствовал» император — методология подобного проникновения в чувства давно покойного лица, к сожалению, оставлена исследовательницей за скобками. Петербург, наблюдаемый Николаем II, она противопоставляет Парижу, причем пользуется для этого эпизодом визита в последний императора в 1896 г., когда он вместе с президентом Феликсом Фором осуществит закладку моста Александра III:

«Каждую осень Нева выходит из берегов и затопляет окрестности; по Исаакиевскому мосту не проехать, так как его центральная — разборная — часть покоится на деревянных понтонах. Как это мало напоминает великолепную конструкцию моста Александра III, которой государь мог восхищаться в Париже!» (с. 47).

Остается непонятным, почему для сопоставления избран разводной Исаакиевский мост (который будет сменен существующим поныне Дворцовым, строительство которого началось в 1911 г. и было закончено в 1916 г., пешеходное движение открыто в 1915 г.) — поскольку для сопоставления конструкций более подошел бы Благовещенский разводной мост, открытый в 1850 г. — и при этом, оставив за скобками трудность непосредственного сопоставления конструкций через Сену и через Неву, поскольку инженерные решения принципиально отличаются из-за масштаба рек, закономерно было бы вспомнить Троицкий мост, закладка которого была произведена в 1897 г., в рамках ответного визита французского президента Феликса Фор в Петербург, и который является своего рода «парным» парижскому мосту Александра III.

Чуть ранее, рассказывая о визите Николая II в Париж, Ева Берар мимоходом оценивает Александра III как «монарха, по сути изолировавшего Россию от внешнего мира» (с. 36) — в чем именно и как именно проявлялся «железный занавес» Александра III, понять сложно, но это можно было бы счесть случайной обмолвкой, если бы подобные суждения не были рассыпаны по всему тексту. Так, уже в гл. 7, касаясь более поздних лет, Берар пишет:

«Нервная болезнь, которую врачи диагностировали как неврастение (наследственный недуг рода Гессен), лесбийские страсти и то, что воспринимается современниками как яхшание со всяком сбродом, делают Александру Федоровну притчей во языцех» (с. 280).

Столь решительное суждение подкреплено на этих страницах (с. 279–281) ссылкой ровно на два источника: во-первых, на общеизвестный дневник генеральши А. В. Богданович, и, во-вторых, на французское издание воспоминаний генерала А. И. Спиридовича. Чуть далее, говоря о результатах выборов в IV Государственную Думу, Берар пишет: «престол делает ставку на государственный переворот» (с. 292), — чтобы в дальнейшем прийти к оригинальному умозаключению: хотя переворот не состоится из-за сопротивления министров, «но Николай II не отступит. Ему не удастся запугиванием или силой подчинить себе Петербург, но он использует первую же возможность, чтобы лишь его имени и ореола европейскости. 18 августа 1914 года, месяц спустя после начала войны, государь даст столице новое, русифицированное имя — Петроград. Это уже скорее “Николоград”, запишет, негодуя, в своем дневнике Зинаида Гиппиус» (с. 300–301). Каким образом вариант превращения Государственной Думы из законодательного в законосовещательное учреждение, действительно обсуждавшийся в 1912 г., связан с переименованием столицы в 1914 г. — остается загадкой, тем более, что единственная ссылка на источники, сопровождающая данное рассуждение — ссылка на помянутый в тексте дневник (отметим попутно — обработанный автором перед изданием) Гиппиус.

В другом случае Берар пишет, касаясь постройки Феодоровского Государева собора: «Идея собора принадлежала императрице, но Николай II ее горячо поддержал, надеясь, что строительство церкви даст отдушину для религиозного рвения супруги [выделено нами. — А. Т.]» (с. 287) — как и в массе иных аналогичных моментов в тексте работы, это суждение о надеждах императора дается без ссылок на источники, кроме воспоминаний Спиридовича.

Городское самоуправление, особенно в годы войны, описывается вполне узнаваемо — что не удивительно, поскольку автор просто воспроизводит самописание Земгора и его деятелей: «Государственные структуры оказываются беспомощны, и Союз городов берет на себя их функции, пытаясь совладать с последствиями военных поражений, нехваткой снарядов, наплывом ра-

ненных и беженцев, безработицей и проблемами с подвозом продовольствия в города» (с. 268) — тем самым остается за скобками вся историография двух последних десятилетий, посвященная описанию реального функционирования Союза городов, Земгора, роли правительства и т. д.² Путеводной звездой в понимании верховной власти и правительственной политики 1894–1914 гг. для Берар служат работы В. С. Дякина³ — что само по себе, быть может, и резонно, но библиография по теме «История Российской империи», приложенная к работе (с. 323–325) удивляет не только относительной скудностью, но и слабой представленностью современных исследований — в этом плане не удивительно, что автор склонен транслировать объяснительные схемы и описания, относящиеся скорее к разряду «суждения и свидетельства современников».

Уже как рядовые воспринимаются суждения автора вроде следующих: «Коль скоро Серебряный век — эхо Золотого, поэты начала XX стремятся показаться достойными наследниками «пушкинской ясности»» (с. 211) — т. е. исследовательница, видимо, полагает, что сами поэты хорошо осведомлены, что являются «поэтами Серебряного века», при этом хотя бы знакомства с текстами Вл. Соловьева было бы достаточно, чтобы убедиться, что в конце XIX — начале XX века под «поэтами Серебряного века» понималось нечто, существенно отличное от современного словопотребления — и тот же Соловьев относил к ним, в частности, Тютчева и Фета⁴. Но даже успевший привыкнуть к своеобразным суждениям автора читатель с изумлением замирает перед утверждением, что зрители Мариинского театра смогли увидеть «Жизнь за царя» в 1913 г. лишь благодаря разрешению «по случаю юбилея [300-летия дома Романовых. — А. Т.] [...] выводить царей на театральные подмостки» (с. 295) — как понимать все предшествующие постановки оперы, равно как понимать, к примеру, присутствие на оперной сцене в предшествующие годы «Бориса Го-

² См., в частности: *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. — и приведенную в указанной работе библиографию.

³ *Дякин В. С.* (1) Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; (2) Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988.

⁴ См. современный, не лишенный, впрочем, некоторых неточностей обзор: *Юрганов А. Л.* Ренессанс личности в судьбе русского модернизма. М.: СПб., 2018, гл. I.

дунова» Мусоргского или «Псковитянки» Римского-Корсакова, исследовательница, к сожалению, умалчивает.

Заключительные строки книги вполне достойно венчают текст — комментируя перенос столицы в 1918 г. и реакцию на него различных наблюдателей, Берар пишет: «новая власть отнюдь не собиралась “терять Петроград из виду” [...]. Она собиралась его удушить» (с. 308) — здесь автор уже обходится вовсе без каких-либо ссылок и аргументов, видимо, исходя из того, что доказывать злокозненность большевиков совершенно избыточно.

Так что остается лишь пожалеть, что столь сложная и интересная тема, где переплетены верховная, центральная и городская власти, архитекторы и художественные критики, городские обыватели и журналисты и множество других субъектов — оказывается не только сведена к нескольким простым схемам, вроде «либеральной общественности» и «архаичной власти»⁵, но и утоплена в море фактических ошибок — так что вышедшая книга не сможет послужить даже удобным первоначальным обзором материала, ведь в силу авторской небрежности теперь каждое утверждение, сделанное в книге, надо старательно проверять.

⁵ В забвении, например, того обстоятельства, что круг «мирикусников» получил доступ к императорской сцене и в сложном взаимодействии с дирекцией императорских театров развивались карьеры многих из них, а биографию Серова без его взаимодействия с «большим светом» написать невозможно.

Л. Кацис¹

СИЗИФУ ОТ «КАМНЯ» II ИЛИ НОВЫЕ «ТРИСТИИ»

(к выходу в свет вторых изданий «Летописи жизни и творчества» и Полного собрания сочинений и писем О. Э. Мандельштама в 3-х т.)

Прежде всего, о смысле римской цифры II в заглавии.

Эта цифра означает второй круг полемики вокруг деятельности А. Г. Меца по изданию и исследованию жизни и творчества О. Э. Мандельштама.

Первые рецензии, тогда еще не помечавшейся цифрой I, были опубликованы сразу по выходе первых изданий соответствующих трудов, а одна из них в специальном электронном выпуске журнала «Вопросы литературы» (ВЛ) называлась «Сизифу от “Камня”»: Несколько слов в ответ на письмо о моей рецензии»².

Они встречали предельно грубые ответы А. Г. Меца³, порождали наши абсолютно прямые ответы на тексты, которым не место в научных изданиях. Однако общий кризис в мандельштамо-

¹ Кацис Леонид Фридович — доктор филологических наук, профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики Российского государственного гуманитарного университета, заведующий Учебно-научной лабораторией мандельштамоведения Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

² Кацис Л. Сизифу от «Камня»: Несколько слов в ответ на письмо о моей рецензии // Специальный выпуск журнала «Вопросы литературы». № 1. М., 2015. С. 12–19.

³ Мец А. О «книговедческих записках» Леонида Кациса // Книжное обозрение. М., 2012. № 1 (2325). С. 16.

ведении сейчас таких, что самые объемные издания, призванные лечь в основу будущего академического собрания сочинений, да и лежащие в основе запредельной по качеству т. н. Мандельштамовской энциклопедии, создаются любителями-непрофессионалами, чье главное достоинство — общественно-активная любовь к поэту, поддержанная, порой, немалыми грантами НИУ ВШЭ и РГНФ, а главный недостаток — авторитарный непрофессионализм⁴.

К счастью, свобода слова и печати предусматривает не только постоянные переиздания «камней» Меца, но и реакцию на них. Нет сомнений, что вслед за «Камнем» 2, как у Мандельштама, последует и третье переиздание «спортивных снарядов» нашего Сизифа. Ну так что ж, и у Мандельштама был свой Третий «Камень» ...

История рецепции изданий Меца и его Ко уже имеет, как трудно понять, немалую библиографию. Но не так часто столь важные и громадные по объему труды переиздаются буквально по горячим следам первых изданий. Особенно это касается трехтомника Мандельштама, вышедшего в 2009–2011 г. тиражом 3 000 (!)⁵ экземпляров и переизданного комплектом в 2017 г. библиофильским тиражом в 300 (!) экземпляров, снабженных, правда, указателями, которые теперь помогают нам легче находить в новом трехтомнике новации его составителя⁶.

К счастью, второе издание «Летописи» все-таки электронное⁷. А ведь тираж первого издания 2013 г. те же 3 000 экз, что и Собрания.

Для чего же все это делается? Да для спасения творческого коллектива от критики. Ведь грубая полемика не изменяет оценки со-

⁴ Кацис Л. Осип Мандельштам в инвалидном лагере «Мандельштамовской энциклопедии»: <https://regnum.ru/news/cultura/2364505.html> (ИА REGNUM. 3 января 2018); Шиндин Сергей. «Печальну повесть сотворив ...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А–Д* // <http://sites.utoronto.ca/tsq/63/Shindin63.pdf> (публикация продолжается).

⁵ Кацис Л. Книговедческие заметки. Три разговора о текстологии, комментарии и составлении „Полного“ Мандельштама // Книжное обозрение. № 20 (2318). М., 2011. С. 16–17; и наш ответ Мецу: *Он же*. Очевидное невероятное // Книжное обозрение. № 49 (2328). М., 2012. С. 12.

⁶ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем в трех томах. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб.: Издательский Дом «Гиперион». 2017. (Далее ПСС и ПЗ, т..., с...).

⁷ Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / Сост. А. Г. Мец при уч. С. В. Василенко, А. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянской, П. Мишнера. 2-е изд., испр. и доп. Toronto, 2016: http://imwerden.de/pdf/mandelshtam_letopis_zhizni_i_tvorcestva_2izdanie_2016__ocr.pdf.

деянного, а попытки исподтишка вставить наши критические замечания без ссылок в т. н. Дополнения к «Летописи» в журнале «Toronto Slavic Quarterly», кстати, и издавшего под своей эгидой второй (электронный) вариант «Летописи» (далее Л, Л2 с укр. стр.), куда все они вошли полностью, интересны сами по себе как пример международного научного быта под прикрытием из Канады руками все равно бывших советских людей. Отсюда и признаки откровенно советского коммунального быта.

Итак, история безнадежных попыток спасения «Летописи» жизни и творчества Осипа Мандельштама, составленной А. Г. Мецем при участии нескольких коллег, начинает приобретать эпические черты. Эпос обрастает все новыми эпизодами, редакциями и ответвлениями, как и свойственно жанру.

Второе же издание Л2. вышло в свет с удивительными строками, его предваряющими: «Нами учтены замечания, высказанные рецензентами (Русская литература. 2015. № 2. С. 268–273; Вопросы литературы. Спец. выпуск. 2015. № 1. С. 22–25)» (Л2, с. 9).

Казалось бы, все в порядке. Однако неназванный автор Спец-выпуска ВЛ 2015, № 1, написал несколько больше 4 страниц указанного дополнения в электронном спецвыпуске «Вопросов литературы», был там еще и ответ на письмо Меца, а этим текстам предшествовала и вовсе громадная рецензия в печатном варианте этого журнала, которые мы по ходу дела упомянем. А фамилия другого автора бесконечно много упоминается в самой Л, Л2 — это М. Сальман. Но нельзя же такого уважаемого ученого, кстати, указавшего несколько десятков ошибок, писать через запятую с именем не пойми кого, кто без разрешения коснулся святого — Л., ПССиП самого Меца!

Достаточно было нам написать рецензию на «Летопись» в «ВЛ» под «говорящим» названием «От факта к вымыслу», как А. Г. Мец нашел выход: все оказалось очень просто, надо просто пригласить кое-кого из своих, как и он опозорившихся, соавторов, выписать из нашей статьи все, «чего не знали Митрофанушки», добавить сведения, полученные от уважаемых Н. А. Богомолова, Р. Дэвиса, Н. Л. Елисеева, Т. В. Котовой, Е. И. Лубяниковой, Р. Д. Тименчика, Р. П. Хрулевой, и некоторые сведения, полученные от замечательного и явно невиноватого П. Мицнера о Мандельштаме в Польше, и дело сделано. Так появились Вып. 1–4. Дополнений к «Летописи». В некоторых выпусках появились и до-

полнения рецензента, Л проф. Н. А. Богомолова. Все названные здесь дополнительные вкладыши Л2 к дальнейшему тексту отношения не имеют. Это надо помнить.

Ну «выписал» что-то Мец со товарищи из критики самих себя, вставил под своим именем в текст Л2, и ладно. Пусть, сделанное нами и безымянно вставленное под означенными именами помощников и соавторов А. Г. Меца послужит их «общему» делу. Однако и способ использования материалов, полученных и из нашей рецензии⁸, и из добрых рук тех, кто откликнулся на крик Меца о помощи в дальнейшей работе над «Летописью», заставил нас обратиться к Редактору “Toronto Slavic Quarterly” Захару Давыдову с письмом, которое теперь можно увидеть в электронном приложении к ВЛ, № 1⁹, посвященном нашей теме.

Не будем обсуждать поведение Редактора “Toronto Slavic Quarterly” Захара Давыдова, обещавшего напечатать наше письмо, но вместо этого напечатавшего серийное продолжение мецевского плагиата. Редактор ссылался на решение своей канадской славистической кафедры, отказавшей нам в публикации. Простого письма уважаемым коллегам Редактора по кафедре и предельно корректного их ответа нам вполне хватило для опровержения нехитрой корпоративной лжи редакционно-экспертного коллектива указанного на сайте журнала, но, похоже (за исключением Редактора), ко всему этому не причастного.

И раз уж нам никогда больше не придет в голову обращаться к господину Редактору, оправдывавшему свое поведение **западными** нормами научной жизни, оставим бывшего восточно-европейского и ближневосточного киевлянина-иерусалимца, а ныне канадца, подумать (наедине с самим собой и своим «когтистым зверем») о произошедшем с Дополнениями не только № 1, о котором мы ему писали (см. в нашей рецензии в ВЛ, куда эта информация сразу же попала) но и № 2, №.3 и пока еще № 4¹⁰, вкуче со вторым изданием Л2 под его эгидой.

⁸ Кацис Л. От факта к вымыслу: «Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама» А. Г. Меца // Вопросы литературы. № 1. М., 2015. С. 126–160.

⁹ Кацис Л. Летопись жизни и творчества Осипа Мандельштама: от факта к вымыслу. Доп. 1 // Специальный выпуск журнала „Вопросы литературы“. № 1. М., 2015. С. 19–26; Кацис Л. Сизифу от «Камня»: несколько слов в ответ на письмо о моей рецензии. С. 12–19.

¹⁰ Теперь Мец над дополнениями, оформляя их как статьи в любимом журнале, работает в одиночку без продолжения нумерации: А. Г. Мец. Вокруг доноса

Впрочем, как говорил поэт, «способ совести избран уже и теперь от него не зависит».

Обо всем этом корпусе плагиата, безграмотности и неудачливой изворотливости, для которого любезно предоставил свои страницы “Toronto Slavic Quarterly”, и пойдет у нас речь.

Вначале мы рассмотрим только т. н. Дополнения, которые, естественно, вошли во второе (электронное) издание, чтобы проследить именно новый этап работы над летописью, а потом вернемся и к бывшему основному тексту Л. В переиздании же все новации легко находятся под соответствующими датами и не требуют постоянных двойных ссылок.

Начнем с “Toronto Slavic Quarterly” #50, 2014.

Не возвращаясь к тому, о чем уже шла речь при анализе первой порции дополнений, отраженных в электронных ВЛ, попробуем оценить те ненаучные приемы (научными их можно назвать только в специфической среде составителей и помощников составителей), которыми пользуются Мец и компания.

Не будем обсуждать неожиданное появление известных фотографий в заведомо не иллюстрированной летописи (Доп.1, с. 269) «Две фотографии одного дня» «1916. Июня не ранее 12 — Июля не позднее 7». Ведь доселе их в Л не было. Иначе Л разрослась бы при помощи всей иконографии Мандельштама еще в первом книжном варианте. Но тут дата устанавливается по срокам пребывания рядом с Мандельштамом одного из изображенных. И это указывается уже на первой странице дополнений. Следовательно, простая и, как мы видели, очень незатейливая Л становится зримым учебником источниковедения. Однако совершенно не понятно, что это дает Л именно ОМ, ведь факт его пребывания и до, и после этой даты известен. Это запись в Домовой книге Волошиных о приезде «Июня 7», «Июля 26. Кончина Ф. О. Мандельштам» и «Июля 28. О. М. у гроба матери». Таким образом, фотография как была точно не датирована, так и осталась. Источниковедческим же достижением явилось некоторое сужение на неделю или на две с половиной срока съемки.

Следующая поправка уже показывает способ отношения летописцев к конкретным авторам.

«1918, Марта 23. В Чернигове состоялся вечер, посвященный творчеству акмеистов. Доклад «Символизм и акмеизм» про-

на Мандельштама // <http://sites.utoronto.ca/tsq/63/MetsDonos63.pdf>.

читал З. С. Давыдов. Были прочитаны доклады об Ахматовой (Г. А. Иванов-Меженко), Гумилеве (А. И. Романов), Мандельштаме (З. С. Давыдов) (Тименчик Р. Д. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века. М. : Водолей Publishers, 2008. С. 406–407, со ссылкой на хронику газеты «Черниговский край» 22 и 26 марта)».

Мы понимаем почтение летописцев к очевидно и общеизвестно несколько иному уровню работы и познаний Р. Тименчика, явно вызывающему у них зависть, но все-таки, добрые академические правила предписывают преклонение вначале перед источником, а потом уже перед его публикатором.

Тогда запись бы выглядела так: ««1918, Марта 23. В Чернигове состоялся вечер, посвященный творчеству акмеистов. Доклад «Символизм и акмеизм» прочитал З. С. Давыдов. Были прочитаны доклады об Ахматовой (Г. А. Иванов-Меженко), Гумилеве (А. И. Романов), Мандельштаме (З. С. Давыдов)». Хроника газеты «Черниговский край» от 22 и 26 марта» См. или обнаруж., или впервые републ.: Тименчик Р. Д. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века. М. : Водолей Publishers, 2008. С. 406–407».

Что помешало так поступить, мы покажем чуть позже.

Но куда важнее, что, даже переписав из моей рецензии в свое дружеское «рукоделие», как по другому поводу говорил И. Бродский, все важные сведения и даже не отругнувшись в благодарность (за это можно считать лишь глухую ссылку в Л2), летописец и его подельники продолжили фальсификацию полученных от меня сведений.

Я очень благодарен им за то, что они перепечатали из оказавшегося им неизвестным громадного Дневника Пришвина историю о сожжении мандельштамовской шубы, которая, по соображениям объема (на что мы и указали в рецензии) была только указана нами. Добавили летописцы и общеизвестную ссылку на «Сопку Маира» того же Пришвина. Ну и так далее. Однако, есть у нас странное подозрение, что грандиозный Дневник Пришвина был известен нашим летописцам, но не устраивал их, расходясь во многом, с классическим мандельштамовским (впрочем, как и ахматовским или пастернаковским) мифом.

Без записей Пришвина, опубликованных не мною, но с усилением введенных, простите, мною в широкий мандельштамовский

контекст в рецензии на первое издание Л, не понадобилась бы летописцам и «Сопка Маира» с упоминанием Мандельштама, кстати, просто примыкающая сюжетно к записи Дневника. А теперь уже на фоне и так введенных в мандельштамовский контекст событий, и погоня за, неизвестным летописцам к моменту сдачи книги в печать, Лежневым (Альтшуллером), и почти бендеровская история с вышибанием из него денег, и история с выбиванием пайка (уже из пришвинской повести), описанные Пришвиным, навсегда заняли свое место даже в старательно фальсифицируемой и редуцированной летописцами биографии Мандельштама (см. по ук.).

Об этом мы упоминали в «рецензии» на первую «дополнительную» порцию плагиата, но в вышедшем вслед за указанным электронным выпуском Прил. К ВЛ № 1 номере 51 TSQ эксплуатация нашей работы продолжилась. Не можем отказать себе в удовольствии привести соответствующую цитату: «1936, Ноября 25. Запись М. М. Пришвина о разговоре Пастернака со Сталиным, касающемся ареста О. М. (Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. СПб.: «Росток». 2010. С. 369)».

Здесь, судя по всему, «не хватило места» уже летописцам, ведь дневниковая «шуба» и «шуба с пайком» «Сопки Маира» заняли очень много места...

Мы же, рискуя местом, процитируем эту запись полностью. А то в первой статье мы ее лишь указали, чем и воспользовались летописцы в своем ответе.

«Дневник» М. М. Пришвина, запись от 25/XI.1936 г. после прослушивания речи Сталина о новой Конституции (заметим, «бухаринской»): «Он (Сталин. — Л. К.) беспрерывно “прижимает человека к стене”, ловит с поличным его блажи и, одного, отпустив, делает своим человеком навсегда, другого, когда надо, без колебания уничтожает (слышал я, будто он позвонил к Пастернаку и спросил: не нуждается ли он в чем-нибудь, и после долгих намеков спросил о сосланном Мандельштаме; а когда Пастернак отказался, сказал ему: — Эх вы, — писатели! — Таким образом он привязал к себе навсегда Пастернака). Не дай Бог попасть в такой нравственный плен!»¹¹.

Казалось бы, это всего лишь еще одна запись о знаменитом разговоре Пастернака со Сталиным, да и запись эта очень отдален-

¹¹ Пришвин М. Дневники. 1936–1937. СПб., 2010. С. 368–369

но напоминающая запись Н. Вильям-Вильмонта, который единственный был тогда в коридоре пастернаковской квартиры, или С. Спасского, который обедал у Пастернака назавтра¹².

Однако никто из них не судил Пастернака так строго. Но этот пришвинский суд над Пастернаком, как ни странно, через много лет отразился у С. С. Аверинцева уже в наше время чуть ли не с текстуальной близостью в записях В. Бибикина.

Вот записанный текст Аверинцева: «Он пишет о Мандельштаме. «Я бы мог сказать, как кажется, говорят в Одессе, что я смеюсь с вас, мне с вас смешно, тем людям, которые не понимают или видят какой-то секрет в том, что Мандельштам после своих стихов о Сталине попал в относительно мягкую ссылку в Воронеж». Как раз и надо было сделать вид, что за крамольные стихи о вожде мягкое наказание, почти как провинившемуся школьнику, но после чего Мандельштама уже всегда можно было держать на крючке и сделать с ним что угодно. Жить он после тех стихов уже не мог, и догадка, что якобы Сталин хотел от него восхваляющих стихов, искусственная. Я [Бибихин. — Л. К.] слушая соглашаюсь: Сталину что О был Мандельштам, ему могли сочинить стихи и другие; сейчас же, когда это пишу, уже не под непосредственным обаянием Аверинцева, сидевшего за мной в машине, я думаю, не то что он неправ, а дело как бы не в этом; он говорит о Мандельштаме то, что сплетается с его, аверинцевской жизнью, другой бы увидел другое, конечно. Тема этой статьи о Мандельштаме, которую он пишет, — *religio poetae*».

Следующий абзац, где не совсем ясно, о чем или о ком идет речь, о Мандельштаме или об Аверинцеве, такой: «Собственно, он в гробу и спеленат и не может шевельнуться и из гроба голос,

¹² О недостоверности традиционной «пространной» версии легендарного разговора см. подробнее см.: *Кацис Л.* О двух версиях разговора Б. Пастернака с И. Сталиным об О. Мандельштаме // *Kesarevo Kesarju. Scritti in onore di Cesare G. De Michelis.* Firenze, 2014; *Festschrift to Cezare de Mikelis.* 2014. Ср. в доп. наши статьи: *Кацис Л.* Неизвестный «Список Мальро» 1934 года и разговор Б. Пастернака со Сталиным об О. Мандельштаме // *Верхневолжский педагогический вестник. Научный журнал.* № 3. Ярославль, 2016; *Кацис Л.* Из комментариев к недописанному письму Н. Я. Мандельштам Е. Б. Пастернаку 1960 г. // *Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А. Ю. Галушкина.* М., 2017. Теперь ср. еще: *Беседы с Виктором Шкловским. Воспоминания о Маяковском.* М., 2017. С. 80; *Шаламов В. — Столяровой Н.* 1965 г. // *Стойте в свободе ... Памяти Н. И. Столяровой.* М., 2018. С. 193.

свободный как никогда. Я ему (Аверинцеву. — Л. К.) рассказал про розановский крест и что этот крест теперь мой»¹³.

Судя по контексту, первая фраза этих записей (16.02.1989) относится к Мандельштаму (во многом ее логика отразится в тексте Аверинцева), а вторая — к самому Аверинцеву. Это можно проверить по полному печатному варианту статьи 1990 г., о которой идет речь¹⁴.

В любом случае, учитывая, что в кругу А. Ф. Лосева, который с амбивалентной противоречивостью относился к популярности Аверинцева, «Дневник» Пришвина был еще в рукописи читаемым, обсуждаемым и, к сожалению, фальсифицируемым документом¹⁵, но здесь — все верно. Да и Мандельштама в Дневнике было сколько угодно, как знают теперь даже летописцы. И без него нельзя понять ни генезис, ни ход мысли Аверинцева, ни многолетнюю полемику о ключевых моментах биографии Б. Пастернака и О. Мандельштама в связи с именем Сталина. Впрочем, в том типе Мандельштамоведения, что об О. Э., что об Н. Я., все вопросы решаются просто. Так, в новейшем т. н. Собрании сочинений Н. Я. Мандельштам глава об этом «Разговоре» вообще не комментируется. Если в годы правления «Лучшего собеседника советских писателей» говорили: «нет человека, нет проблемы», то теперь действуют так: «нет комментария, нет проблемы»¹⁶.

Что же касается самого Лосева, то «судьба и весть» Мандельштама волновала его очень и очень. Недаром читаем в еще одной не прокомментированной записи В. В. Библихина о Лосеве от 21.04.1974: «А ты знаешь, мой третий том вышел. Я чувствую себя Мандельштамом»¹⁷. Это записано уже после просьб добыть томик Мандельштама в «Библиотеке поэта» и других упоминаний.

Не так уж трудно понять, что свой новый огромный том «Истории античной эстетики», тогда трехтомной, Лосев сопоставил

¹³ Библихин В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004. С. 383.

¹⁴ Аверинцев С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Сочинения в 2-х т. Т.1. М., 1990. С. 56–60.

¹⁵ См.: Кацис А. Диалектика для верующих и неверующих: Емельян Ярославский, Алексей Лосев, о. Павел Флоренский, Марк Митин (1927–1933) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 2016–2017. [13]. М., 2017. С. 542–569.

¹⁶ Мандельштам Н. Собр. соч. в 2-х т. Екатеринбург, 2014. Т.1. С. 224–234; комм., вернее, его отсутствие на с. 771–772.

¹⁷ Библихин В. Цит. соч. С. 214.

с толстыми томами тогда еще тоже трехтомного американского Мандельштама, вышедшего за пять лет до того. Впрочем, и биографы Лосева столь же аккуратно обходили полный текст Дневника Пришвина. И знали, почему¹⁸.

Вернемся к Л. Оставляем за скобками удивительные ссылки на письма Мандельштама в советские газеты, которые даются Мецем только на собрание под редакцией Меца, хотя куда полезнее было бы давать ссылки на первоисточник, а потом уже на себя любимого. Но это общая практика. Так хранящиеся в РГАЛИ и когда-то переписанные М. В. Соколовой там письма А. Г. Горнфельда А. Б. Дерману, даются со ссылкой не на архив, а на публикацию П. М. Нерлера в «Знамени», чье непреходящее историческое и источниковедческое значение даже трудно себе представить... Однако наше знакомство с этими текстами показало, что в публикации они существенно редуцированы, искусственно скомпонованы, вплоть до уровня фальсификации¹⁹.

Но таков уже археографический уровень наших летописцев.

Это не мешает когда-то указывать ссылки на этого же автора с указанием уже его ссылки на архив (ср. «1930, февраля 8» или других авторов «1929, Октября 10»). Как классифицируются подобные случаи в беспорядочной и торопливой Л., мы понять не в силах.

А тут еще и совсем редкая публикация в № 51 на с. 155: «1930, Май. В Париже вышел номер журнала «Nouvelle Revue Juive» со стихотворениями «Декабрист» и «Tristia», главой «Хаос иудейский» из «Шума времени» в переводе на франц. J. Pary. Публикация и вступительная статья — Н. Л. Гурфинкель».

Интересно, кто из поблагодаренных указал на нее? Уж не посмотрели ли они неназываемую в определенных кругах книгу²⁰. Теперь сюда можно добавить еще и нашу работу о всем круге франко-еврейских писателей, которых упомянул О. Мандельштам,

¹⁸ Кацис Л. Диалектика для верующих и неверующих ... по тексту.

¹⁹ Кое-что, но далеко не все, добавлено теперь в: Нерлер П. «Уленшигелиада» или Как заставить Осипа Мандельштама написать «Четвертую прозу» // Текст и традиция: альманах, 5. СПб., 2017. С. 162–284. Впрочем, говорить об адекватности картины и понимании «Четвертой прозы», включая место и роль Д. Заславского во всей истории, и здесь не приходится. Ср.: Кацис Л. Осип Мандельштам между «Вечерним Киевом» и ленинградским «Резцом» 1927–1929. О реальных источниках стихов и прозы поэта // Вопросы литературы. 2018 (в печати).

²⁰ Кацис Л. Осип Мандельштам. Мускус иудейства. М., 2002. С. 436–437, 552.

да и о французском контексте и русской хронике перевода романа Б. Лекаша «Радан Великолепный»²¹ и в более широком парижском контексте «Пансиона Мобэр» В. Я. Парнаха²².

А вот сенсационные сведения о документе от «1931, Сентября 1»: «1931, Сентября 1. Письмо Л. А. Авербаха к Л. М. Кагановичу и М. М. Постышеву о необходимости выделения квартир ряду писателей, в том числе О. М. («Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы. Сост. Д. Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. С. 113–114)», точно списаны из нашей рецензии, т. к. отсутствовали в Л. Но вновь летописцы, претендующие на честность и профессионализм, не указывают архивных реквизитов, которые, разумеется, есть у известного исследователя. Приведем их с указанной «с. 114»: «РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 268. Л. 115, 115 об. Машинописный текст. Подпись — автограф Авербаха»²³.

В чем состоит идея подобной архивной экономии и публикаторского минимализма, понять мы не можем, да в нашем случае и не пытаемся.

Еще некоторых комментариев требует и запись «1932, Января 1», которая приводится по книге «Большая цензура». Писатели и журналисты в Стране Советов» 1917–1956. М.: «МФД»; «Материк», 2005. С. 213–214» на сей раз «со ссылкой: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 275. Л. 83–97».

Но беда не приходит одна. На сей раз книга потеряла имя того, кто все это опубликовал — Л. Максименкова. Возникает естественный вопрос: а видели ли летописцы эту книгу или просто доверились кому-то из оказавших им посильную помощь?

²¹ Кацис Л. Роман Б. Лекаша «Радан Великолепный» в переводе О. Мандельштама и русско-немецко-французский контекст (к проблеме сравнительного описания русско-еврейской и франко-еврейской литератур) // Сравнительно о сравнительном литературоведении: транснациональная история компаративизма. Коллективная монография по материалам русско-французских колоквиумов 6–7 октября 2009 года и 3–4 октября 2011 года. М., 2013. С. 469–487.

²² Кацис Л., Брусиловская Л. «К французской речи» или Если Парнок — не В. Парнах? «Пансион Мобэр» и О. Мандельштам; Л. Кацис. Заметки читателя историко-философской литературы. V–VI. Митрополит Евлогий и «Пансион Мобэр» В. Парнаха // Русский Сборник. Исследования по истории России. XXIV. М., 2018. С. 567–655.

²³ Забавно и значимо, что в позорной т. н. Мандельштамовской энциклопедии (М., 2017) П. Нерлера и О. Лекманова в статье «Авербах» (С. 63–64) Е. Яблокова этих сведений нет.

Между тем Л. Максименков опубликовал очень интересный документ «Докладную записку Культпропа ЦК ВКП (б) в адрес Оргбюро ЦК, где читаем: «Сельвинский пишет, что в Биробиджане евреи обрели «новую Палестину». Мандельштам идеализирует старую Армению с ее экзотикой и нищетой».

Здесь стоило бы сказать, что «Канцона», посланная в редакцию «Литературного современника» и отклоненная там, имела вполне иудейские коннотации, Армении как «младшей сестры земли иудейской», а поэма И. Сельвинского «От Палестины до Биробиджана» (написана в 1930 г.), раскритикованная в записке, все-таки вышла в свет в 1933 году в книге «Декларация прав» в разделе «Агитки». Таким образом, стихи и Сельвинского, и Мандельштама правильно попали в одну группу, хотя к тому моменту и не были напечатаны. Там же, кстати, и упоминание в одном ряду с Мандельштамом прегрешений А. Прокофьева, но такие имена не в гарантированно отрицательном контексте и в одном, по-партийному критическом ряду с Мандельштамом, усиленно избегают. И это уже идеологически-методологический принцип. Имя малосимпатичного Прокофьева есть в Л только в связи с письмом от 27 апреля 1934 г. с сочувствием А. Н. Толстому по поводу известной пощечины, данной ему Мандельштамом. Усложнения ситуации летописцы избегают постоянно.

Нетрудно видеть, что составители дополнений к летописи и их советчики в принципе не представляют себе, что Л — это очень сложный и осмысленный текст; это не набор беспорядочных оборванных цитат, без архивных реквизитов, без элементарных комментариев, но с почтенными ссылками на тех, чьи имена самим своим присутствием на печатной или электронной странице, порой без их ведома, защитят безнадежно непрофессиональную Л от неизбежного разгрома.

Зато это все компенсируется многозначительными методологическими указаниями о том, как устанавливать даты, датировать фототрафии и т. д.

Разумеется, все сказанное верно, но недостаточно. Пусть составители не владеют элементарными приемами научной филологической работы, зато они владеют особой техникой сокрытия сведений, даже опубликованных, например, Р. Д. Тименчиком, в том же *Toronto Slavic Quarterly*, но не входящих в окаменевшие мифы мандельштамовской биографии, которые с легкостью раз-

рушает едва ли не сенсационная публикация одного из главных историков акмеизма.

Вот эти цитаты из писем Н. Я. Мандельштам (!): «Радуюсь, что не вижу Пастернака. Вчера в Известиях были его стихи. Чуть ли не после 5 лет молчания. Может, он тоже взыграет, как ты после своей пятилетки молчания? Только непохоже». О Пастернаке есть и в последующих письмах: «Пастернак должно быть знает, что я здесь, но молчит. Я рада. Клычков пьет. Викт Бор — читает стихи. Волнуется». «Вчера встретила Бориса Леонидовича. Он из виноватости не выходит. Да как вы, да что вы? Да не сердитесь ли вы с Осей на меня? Да способны ли вы меня простить? Эти ламентации меня забавляют. И доказывают правильность обращения с ним. Сегодня накричала на Маркиша на тему — причем здесь Пастернак».

А летописцы в лучших своих традициях сообщают: «1935, Декабря 23 — 1936, Января 2. Письма Н. Мандельштам из Москвы в Тамбов. Сообщает о встречах и переговорах с А. С. Щербаковым, И. А. Марченко, И. К. Лупполом, Ю. И. Данилиным (редактор перевода «Иветты» Мопассана, выполнявшийся О. М.), Вс. В. Вишневским, С. К. Вишневецкой, В. Б. Шкловским, С. А. Клычковым, П. Д. Маркишем, Б. Л. Пастернаком (Тименчик Р. Д. Об одном эпизоде биографии Мандельштама // *Toronto Slavic Quaterly*. 2014. № 47. P. 219–239)».

Таким образом, оказывается, что Л. вновь пропускает массу имен и событий, имеющих отношение к Мандельштаму, а письма, позволяющие датировать многие факты и происшествия с точностью вплоть до дня и часа, вновь опускаются в братскую могилу с надписью — Н. Я. «Сообщает о встречах и переговорах с...».

Напомним, что в основном тексте Л именно такого рода пометки делались к письмам Мандельштама, если они содержали имена или сведения, о которых Мецу и Ко по каким-то причинам говорить не хотелось, например, о работе с Политцензурой. И мы обращали на это специальное внимание.

А пока приведем небольшой, но не менее поразительный комментарий к имени упомянутого в общем списке Вс. В. Вишневецкого.

Мы не сомневаемся, что «брезгливо-чистоплотные» летописцы не читают журнал «Наш современник», но это их проблемы. Однако, когда там публикуются архивные изыскания Н. В. Корниенко, стоит обращать на них внимание, учитывая уровень публикатора.

Вот пример: «Запись от 7 августа 1935 года. Проверяю свой путь... — Думаю, в сущности, откуда взялась “Первая конная” — при тогдашнем полном незнании театра, его ремесла и пр. Из нутра — подлинного...

В “Последнем решительном” — масса смелости, внутреннее братание с Маяковским, ибо мой пролог — развитие теа-пародии из “Бани” — я это знаю... — Когда писал, чувствовал это... — Затем там сложная прямота, грубость. О. Мандельштам хорошо тогда сказал: “музыкальная вещь, много злобы...”»²⁴.

Здесь требуется очень точный анализ места и роли этой записи в жизни Мандельштама. Прежде всего, привлекает имя Маяковского. Оно здесь фигурирует не только до знаменитых слов Сталина о поэте декабря 1935 года, но и даже до посылки Лили Брик письма вождю в ноябре месяце того же года. Сам Маяковский лишь говорил, что читал «Первую конную» в выступлении на пленуме РЕФ 16 января 1930 г.²⁵

Из своих пьес Маяковский упоминал тогда только «Клопа», а не «Баню». Записанные слова Мандельштама «много злобы» о «Первом решительном» заставляют вспомнить «Квартиру» 1933 года, до которой от «Первого решительного» еще полтора-два года. Впрочем, это если считать, что Мандельштам высказался о пьесе прямо в момент написания, в 1931 году, либо в момент постановки Мейерхольдом тогда же.

Однако приведенная запись оказывается, буде ее включают в ЛЗ, между двумя очень важными датами, которые в Л есть. Под «Ноябрь?. 1936» читаем в цитате из воспоминаний Н. Я. Мандельштам, что не только В. Б. Шкловский, но и В. В. Вишневский ежемесячно передавали Е. Я. Хазину деньги для Мандельштама. А в январе 1938 года в письме Б. Кузину Н. Я. Мандельштам сетовала на медлительность Ставского и Вишневого в продвижении представленной книги Мандельштама. Как известно, в истории последних дней О. Мандельштама на свободе до последнего в его жизни ареста большую роль сыграл еще и П. Павленко, чью доносительскую рецензию на сталинские стихи Мандельштама мы знаем. Так вот, именно тогда осенью 1937 года В. Вишневский делает все для публикации сценария П. Павленко «Русь» в «Знамени»,

²⁴ Корниенко Н. Неужели судьба моя — вечно война, о войне... » // Наш современник. 2015. № 12. С. 246.

²⁵ Маяковский В. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 12. М., 1959. С. 401.

сценария, который станет «Александром Невским» Эйзенштейна. Тогда же происходит и примирение В. Вишневого с опальным Мейерхольдом. Не будем продолжать анализ имен, проведенный Р. Д. Тименчиком, для Марченко, Ставского и т. д.²⁶ Таким образом, здесь и хроника, и летопись, и биография поэта «еще не смяли простыни».

Но не всегда летописцы поступают с материалами коллег, да и самого Мандельштама, как в описанном случае. Вот, например, неожиданная цитата из письма Н. Я. Мандельштам к Б. Кузину из книги 1999 г. о статье в «Правде» А. Н. Толстого, А. Фадеева, А. Корнейчука, В. Катаева, А. Караваевой «О недостатках работы Союза писателей» от 29 января 1938 г., которая, по мнению Н. Я. Мандельштам, может коснуться их с О. М., показывает, что в определенных случаях письма жены поэта комментируются и раскрываются в основной Л, Л2. Следовательно, операция, проведенная с публикацией Р. Д. Тименчика, вовсе не случайна.

Теперь читаем Вып. 3.

Уже самое его начало — пример поразительной щепетильности, археографической точности и изощренного профессионализма: «День рождения (30-летие) Изабеллы Афанасьевны Венгеровой. На праздновании — знакомство М. А. Волошина с О. М. Установлено В. Н. Дранициным путем сопоставления даты, записи дневника М. А. Кузмина за это число (Кузмин М. Дневник 1905–1907 / Подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. С. 322) и воспоминаний М. А. Волошина (см. ниже). В. П. Купченко ранее датировал описанный Волошиным эпизод второй половиной февраля 1907 г. (Труды и дни Волошина. Ч. 1. С. 176. «Помню эту встречу — это было у сестры Зинаиды Венгеровой — Изабеллы Афанасьевны (певицы). Там было нечто вроде именинного приема — торты, пироги, люди в жакетах и смокингах. Сопровождая свою мать — толстую немолодую еврейку, там был мальчик с темными, сдвинутыми на переносицу глазами, с надменно откинутой головой, в черной курточке частной гимназии — вроде Поливановской — кажется, Тенишев-

²⁶ См. в этой связи интересную статью: *Кривошеин Ю., Соколов Р.* Сергей Эйзенштейн и Всеволод Вишневикий. Из истории творческих взаимоотношений // История России: экономика, политика, человек. 2011: <http://cyberleninka.ru/article/n/sergey-eyzenshteyn-i-vsevolod-vishnevskiy-iz-istorii-tvorcheskih-vzaimootnosheniy>.

ской. Он держал себя очень независимо. В его независимости чувствовалось много застенчивости. “Вот растёт будущий Брюсов”, — формулировал я кому-то (Лиле?) свое впечатление. Он читал тогда свои стихи» (Волошин М. А. Собр. соч. М.: «Эллис Лак», 2003–2011. Т. 7, кн. 2. С. 422. Комментарий В. П. Купченко, Р. П. Хрулевой, К. М. Азадовского, А. В. Лаврова, Р. Д. Тименчика)».

А в примечании читаем: **Запись «1907, Февраля вторая половина» в Летописи (с. 21) аннулируется».**

До сих пор малознакомый мне автор этого наблюдения отметил лишь сомнительного качества полу-переписыванием, полу-обзором моей давней статьи о Мандельштаме в еврейской Варшаве для конференции в этом городе в 2011 г.²⁷ Но т. к. Драницыну и его тогдашнему соавтору П. М. Нерлеру невозможно было признать, что статья о мандельштамовской Варшаве существует в единственном числе и опубликована к тому времени дважды, в *Stanford Slavic Studies* и в качестве главы книги «Осип Мандельштам: мускус иудейства», то и в буклете конференции, и в ее материалах напечатано нечто, что меня вовсе не удовлетворяет, а, скорее, оскорбляет. Когда-то придет время публикации нашей переписки с П. М. Нерлером на эту тему, а пока ограничимся сказанным.

Теперь сравним приведенный абзац с кусочком из 4 выпуска дополнений: «1924, Августа 12. Встречается с приехавшим из Москвы накануне художником Н. А. Шифриным (знакомым по Киеву 1919 года) и обсуждает его планы получить заказ на оформление книг в Ленгизе. Датируется по дневнику М. Кузмина: «У Лившицов Мандельштамы и какой-то жидок-художник. Культурно, солидно, разговоры о журналах etc.» (РГАЛИ. Ф. 232). Через несколько дней, 15 авг., Шифрин пишет жене: «Был у Лившиц [а]. Кузмин был в тот же вечер. Он маленький, очень лысый, в пенсне и с одним только зубом на верх [ней] челюсти. Представь — «сети», «озера», александрийские песни и беззубый поэт! Жутко и жалко. Очень простой, скромный, очень вежливый. Ну а подробности потом» (Шифрин 2008. С. 565). В том же письме Ши-

²⁷ Кацис Л. Осип Мандельштам и еврейская Варшава 1914 года (Из комментариев к стихотворению «От вторника и до субботы ...») // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography. Essays in Honor of Wojciech Zalewski / Stanford Slavic Studies. Stanford. Calif. 1999. Vol. 20. С. 60–76.*

фрин сообщает: «Мандельштамы и Лившицы меня встретили невероятно тепло и радушно и всячески хотят меня тут устроить. Но до сегодняшнего дня даже разговаривать нельзя было — за отсутствием нужных лиц. Затем Мандельштам хочет, чтобы я иллюстрировал его книгу, прозу. Не знаю, удастся ли это, но это будет работа, которую можно будет взять с собой в Москву» (Шифрин 2008. С. 563). **Запись 1924, Августа 12 (Летопись, с. 271) аннулируется.** 1924, Августа 18. Из письма художника Н. Шифрина к жене: «Что касается книги Мандельштама, то принципиально Редакц. сектор идет навстречу. Мои вещи там очень понравились, и редактор полагает, что “выбор Мандельштамом художника очень хорош, и он его вполне одобряет”. О. Э. давал свою рукопись. Очень своеобразная и нужная будет книга. Мне нравится» (Шифрин 2008. С. 566)».

Создается впечатление, что только В. Драницын обучил летописцев работе по сопоставлению мемуарных, эпистолярных и документальных источников, и теперь — понеслось!

Но это не совсем так. По-видимому, Драницын или его подельники хорошо усвоили нашу критику их работы, опубликованную в приложении к ВЛ, где вся эта работа о Кузmine-Шифрине, еще до «Школы новоявленного источниковеда им. А. Г. Меца», была уже проделана нами. Однако нам не приходило в голову, что небольшое, но принципиальное замечание, так продвинет методологические принципы летописцев. Именно на это место в ВЛ и дается глухая отсылка в Л2.

Особую прелесть всей ситуации придает тот факт, что еще в 2008 году я подарил копии очень трудно находимой публикации со-составителю именно 4 выпуска Дополнений, да и всей Л С. В. Василенко. Но ему это «открытие» не приписано, да и вообще оно осталось безмянным. Понимаем, что не случайно...

А теперь — главное: ссылка из электронной Л на некоего неназванного рецензента ВЛ, даже с указанием страниц, это и есть «выбранное» Мецем «место из переписки с...» нами!

Эх, если бы оно оказалось единственным, пусть и безмянным, тогда мы бы просто порадовались за составителя. Но нас ждут новые «выбранные», но не названные «места из» означенной переписки. И они действительно принципиальные и методологические. Но об этом в своем месте.

А здесь необходимо обсудить вопрос о том, что и как можно заимствовать или воровать. Если во всех предыдущих случаях, за ис-

ключением истории со сборником «Аониды»²⁸, наши дополнения лишь демонстрировали тотальное незнание летописцами общеизвестных источников, показавшееся стыдным даже самим составителям и исподтишка вставленным в дополнения и электронную Л, то случай с Кузминым-Шифриным — прямой плагиат.

Ведь эта вполне научная работа по атрибуции персонажа Дневника Кузмина ни в коей мере не является самоочевидной. Начать с того, что книга «Авангард и театр» не имеет алфавитного указателя. Т.е., следуя классическому мнению Т. Момзена, которое я не раз слышал и от Р. Д. Тименчика, просто не существует. Во-вторых, раз уж в основном тексте Л полностью отсутствуют какие-либо сведения о Михоэлсе, даже упомянутые самим Мандельштамом, то еще менее должны были заинтересовать Меца и Ко эпизоды с участием художника еврейского и украинского театров в книге в основном о «Березиле». Театре, который тоже не безразличен Мандельштаму, но безразличен указанной Ко. Ведь имени Леся Курбаса в Л. тоже нет!! См. указатель между Купченко — Курдюмовым на с. 523 или Лесман — Либкнехт на с. 524, если искать Леся Курбаса. Поэтому заподозрить летописцев в интересе к литературе об этом театре мы ни при какой погоде не можем. Наш же патологический интерес к еврейскому и украинскому театрам достаточно известен. Поэтому нам остается сделать вывод о том, что В. Драницын хорошо усвоил наши уроки и передал их своим со-составителям того, что они называют Л, Л2.²⁹

²⁸ См. подробно в указанном электронном приложении к ВЛ.

²⁹ Печальный опыт руководства московской «фракцией» народного мандельштамоведения (часто противостоящей Мецу из неизвестных нам побуждений) своими киевскими соратниками в изучении киевского контекста О. Э. Мандельштама см.: *Кацис Л.* «Не треба?» Мандельштамовский Киев в современных исследованиях // *Русский Сборник.* XXI. М., 2016. С. 455–485. Впрочем, А. Г. Мец также помогал созданию не основной рецензируемой книги: *Пучков А.* «Киев» Осипа Мандельштама в интонациях, пояснениях, картинах. Киев, 2015, а следующей: *Пучков А.* О текстах, контекстах и предсудительностях. Пять литературоведческих забав. Киев, 2016. Здесь можно найти: «В книжке «Киев» Осипа Мандельштама в интонациях, пояснениях и картинках» (К : Дух і літера, 2015. 216 с.), комментируя реалию «Дом-улица Пассажа, обкуренный серой военного коммунизма» из мандельштамовского очерка «Киев» (1926), я отметил, что в рукописи автором зачёркнута фраза: «бывший дом Наркомвоена» (см. стр. 114). Александр Григорьевич Мец, составитель четырёхтомного «Полного собрания сочинений и писем» Мандельштама (М. : Прогресс-Плеяда, 2011), работая над вторым изданием и комментируя очерк «Киев», в частном письме

О том, что никто из со-составителей не способен без помощи со стороны выполнить даже элементарную операцию по вычитке собственного текста, свидетельствует тот комический факт, что и в 3, и в 4 выпусках Дополнений, вряд ли из соображений увеличения объема, печатается одно и то же дополнение. Не можем отказать себе в удовольствии привести его здесь с одной датой, но с двумя библиографическими ссылаками и удивительным названием: «1924, Мая 16. Подает заявление в Малый (А что такое — Большой АХТ? М. б. все-таки, МХАТ — это Московский художественный театр, а Малый театр не является в наименовании Московским. Впрочем, питерцу Мецу это может быть и не видно «на берегах Невы», где есть Малый оперный?! — Л. К.) художественный академический театр о предоставлении театру права постановки в Москве пьесы «Старый Кромдейр» **Запись «1918, Марта 10» в Летописи аннулируется.** (Соловьева И. Художественный театр. Жизнь и приключения идеи. М.: МХТ, 2007. С. 286–287. Републикация: *Нерлер П. М. Мандельштам и Эфрос: о превратности нетворческих пересечений // Наше наследие. 2015. № 114. С. 43–44*)» <http://sites.utoronto.ca/tsq/56/Mets56.pdf>. Ср. TSQ. № 54. С. 53.

(20.01.2016) задал вопрос: «Предполагаю, что это мог быть дом, с балкона которого выступал Троцкий перед уходящими на фронт войсками, или, если это не тот же дом, — где располагался Наркомат?». Я не счёл нужным комментировать вычеркнутую Мандельштамом фразу «бывший дом Наркомвоена» лишь потому, что автор её вычеркнул (! — Л. К.). Но прокомментировать, конечно, следует: вычеркнутое порой может оказаться столь же занимательным, сколь и оставленное (вот! — Л. К.). Начать с того, что Троцкий в контексте вопроса А. Г. Меца не слишком при чём. Наркомвоеном Украины был Николай Ильич Подвойский (1880–1948). Вернее, с начала февраля по 14.03.1919 было два наркома: В. И. Межалук и Н. И. Подвойский, а с 14.03 по 6.08.1919 только Подвойский. Дальше должности Наркомвоена в Киеве не существовало, как и самого наркомата (только в 1944–1945 гг. функционировал диковинный Наркомат обороны УССР с номинально-представительскими функциями и генерал-лейтенантом В. Ф. Герасименко во главе). Именно наркомвоену Подвойскому «принадлежал» дом, на котором осёкся Мандельштам, сочиняя очерк «Киев» весной 1926-го.» (Пучков А. Вычеркнутый „бывший дом Наркомвоена“. Дополнение к интонациям и пояснениям // С. 65–66). Здесь неплохо видна «технология» работы А. Меца и его киевского коллеги. Удивляться близости здесь не приходится ведь на с. 86 указанной книги читаем о другом очерке: «Это эссе, не претендующее на особенную научность (что это в гуманитаристике, сколько ни спрашивал, никто так и не ответил)». Но ведь известно, что «Надо иметь умных товарищей», как говорил Маяковский... А вот «кухню» «летописцев» мы здесь видим во всей красе!

В общем, как говорил другой поэт: «Даже вспомнить неприлично, чем предстал театр МХАТ» в сравнении с «домом на улице Нагорной», ставшим «общественной уборной»!!!

Забавно, что в Вып. 4 этот пример находится прямо над плагиатом из нашей статьи!

И раз уж летописцы коснулись здесь работы П. М. Нерлера об А. Эфросе, нельзя не коснуться и основной проблемы уже этого сочинения. Нерлера волнует вопрос о том, почему Н. Я. Мандельштам назвала А. Эфроса «дельцом». Никаких оснований для этого как не было, так и не появилось у автора громадного и богато иллюстрированного сочинения на эту тему. Между тем, слово «делец» или его дериваты имеют прямое отношение к А. Эфросу, только не к его абсолютно корректному и дружественному поведению по отношению к Мандельштаму, но к его сочинениям о таком же, как и Эфрос, герое эпиграмм Мандельштама, другу поэта, художнику Натану Альтману и книге о нем как раз Абрама Эфроса.

Чтобы не уходить в дебри, приведем отрывок на эту тему из нашей статьи, написанной в соавторстве с М. П. Одесским: «В странном этюде об Альтмане Эфрос не столько характеризовал конкретного художника (который, по воспоминаниям А. В. Азарх-Грановской (Это жена режиссера театра Грановского-Михоэлса. — Л. К.), «эту книжку видеть не мог — так он злился»), сколько использовал его фигуру для символизации определенной модели национального жизнестроительства. В видении критика Альтман — еврейский юноша из местечка, который, однако, освоился в Париже и вернулся оттуда идеальным манипулятором, блистательно приспособившимся к художественной моде, и «сразу приобрелся к крупнейшим кошелям художественной биржи». В пору кризиса авангарда он — «герой нашего времени, человек золотой середины».

Используя средства эссеистики, Эфрос создал обобщенный образ, который в результате предварял «великого комбинатора». Искусство Альтмана — «тактика лукавой нищеты, не желающей выдать себя: так последний дворянин где-нибудь в эмиграции будет носить, за неимением другой одежды, прямо на голом теле придворный костюм и на неприглаженной голове треуголку» (ср. знаменитое описание внешности Бендера: «У него не было даже пальто. В город молодой человек вошел в зеленом в талию костюме. Его могучая шея была несколько раз обернута старым шерстяным шарфом, ноги были в лаковых штиблетах с замшевым вер-

хом апельсинового цвета. Носков под штиблетами не было»). «Все сразу забыли, что он, неизвестно где родился и неизвестно где вырос; никому не представлялось подозрительным, что у него как бы не было детства; что он держался зрелым художником, никогда не быв молодым...»; «магия, которой был наполнен воздух вокруг Альтмана, делала правдоподобным все неправдоподобное. Благодаря ей Альтман, как герой сказок, мог очутиться прямо в середине жизненной карьеры и продолжать путь, которого он никогда не начинал»; «он был несомненный пришелец, он был еврейский юноша, бахур из Винницы (с тех пор мы кое-что узнали: две-три даты и два-три факта), он был недоучившийся питомец одесского Костанди, он так и не кончил ни одной художественной школы...» (ср.: Бендер, который «из своей биографии» «обычно сообщал только одну подробность: “Мой папа, — говорил он, — был турецко-подданный”»). «Альтман вошел в чужое общество, как к себе домой, и сразу стал существовать в качестве равноправного сочлена. Он сделал это с такой безукоризненной вескостью, что все инстинктивно подвинулись и дали ему место» (ср., например, уверенное обращение Бендера с лучшими людьми Старгорода — участниками «Союза меча и орала»).

Наконец, Эфрос произнес ключевое слово: «... нам, зрителям, легко усомниться, есть ли у Альтмана действительная творческая изобретательность или она подменена выдающимся даром комбинации, хитрым умением размещать старые элементы на новый лад...» «Это не художник, а “делец искусства” с мертвой хваткой, не знающий неудачных комбинаций и остающийся в выигрыше при всяком положении» (курсив наш. — Л. К.)³⁰

Вот и нашелся «делец» Эфроса, это не сам Эфрос, о котором Н. Я. Мандельштам то ли не знала, то ли у нее в памяти осталось чье-то высказывание об Альтмане и Эфросе сразу, то ли что-то еще. Через десятилетия — уже не разберешься. Но исследователям разбираться во всем этом необходимо, правда, в отличие от текстов П. М. Нерлера, занимающего позицию очередной реинкарнированной «вдовы» очередного «поэта» — акмеиста, мы предпочитаем не подгонять источники под заведомо правую

³⁰ Кацис Л., Одесский М. «Великий комбинатор»: тайна титула // <https://lechaim.ru/ARHIV/219/shtud.htm>. Если наше имя кому-то неприятно на «неопрятных» с «пятнами» страницах Л, которую от этого недостатка не спасает и экран компьютера Л2, цитируйте книгу: *Одесский М., Фельдман Д. Миры Ильфа и Петрова. М., 2016.*

позицию Н. Я. Мандельштам, а исследовать их. Для этого, правда, придется самому прочесть старую книгу Эфроса об Альтмане, а не блуждать в трех соснах двух мемуаров.

Мы не случайно коснулись здесь имени П. М. Нерлера, т. к., судя именно по его заявлениям, как мы уже говорили, модифицированная биографическая хроника Меца и Ко была призвана стать, но не стала по неизвестным нам причинам, составной частью упоминавшейся т. н. Мандельштамовской энциклопедии, где в статье «Эфрос Абрам» мы, естественно, обнаружим текст, основанный на сочинениях главного редактора этого издания. Но сопоставление «дельца искусства» Альтмана и Остапа Бендера заставляет куда внимательнее отнестись и к разного рода сообщениям о мандельштамовских «Гаврилах», в которых именно П. М. Нерлер сомневается.

Приведем сведения о них: «Любил Гаврила папиросы...» — Печ. По списку Н. Я. Мандельштам с пометой «У Багрицкого в Кунцеве» (АИ).

По некоторым, впрочем, малодостоверным сведениям, идея графоманской «Гавриилиады» в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова была подсказана Мандельштамом (см., напр.: *Коваленков А. Хорошие, разные... Литературные портреты.* М., 1966, с. 10). Эфрос А. М. (1888–1954), критик, переводчик, издательский работник, сотрудник ГИХЛа и «Academia»³¹. На фоне проанализированного здесь недоумения комментатора, что по поводу А. Эфроса, что «Гавриилиады», совершенно иначе звучит теперь и сама эпиграмма:

Любил Гаврила папиросы,
Он папиросы обожал.
Пришел однажды он к Эфросу,
Абрам, он, Маркович, сказал.

И имел к этому все основания, т. к. «очень старый человек» Альтман оказался у Ильфа-Петрова рядом не только в их романах о Бендере, но и в мандельштамовских эпиграммах. Поэтому вопросов здесь больше, чем ответов, а близость имен Альтмана и Эфроса — несомненна³².

³¹ См.: *Мандельштам О.* Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 600 (Комм. П. М. Нерлера).

³² Здесь можно наметить путь осмысления всей этой игры. Вряд ли образованные Н. Альтман и А. Эфрос с О. Мандельштамом не знали смысла фамилии «Альт-

Но, так или иначе, дата выхода в свет книги Абрама Эфроса «Натан Альтман» обязана в качестве верхней границы появления высказывания Мандельштама, приведенного Н. Я. Мандельштам, быть включена в Л, Л2 к кому бы оно ни относилось, и насколько бы точно или наоборот его ни запомнила вдова поэта.

И вновь обращаем внимание на библиографическое описание цитаты у летописцев из П. Нерлера. Как и в нашем случае, когда летописцы прозевали книгу 2008 г. о Шифрине (а сколько они прозевали еще, см. во всех дополнениях к Л., нынешних и будущих переизданиях Л2, в наших и не наших статья об «Энциклопедии», и далее — везде!), то в данном случае они прозевали книгу И. Соловьевой по истории МХАТа 2007 г.

Но здесь благодарность к нашедшему эту цитату автору статьи в «Нашем наследии» так велика, что тут же указывается не только перво-, но и републикация названного документа, однако вновь и вновь без архивных реквизитов. И это не случайно. Ведь довольно известный русский баснописец уже писал что-то памятное о кукушке и петухе, но от себя мы заметим, что кукушка еще и выбрасывает из гнезд кладку других птиц, считая, что «птенцы гнезда МецОва» могут сами решать все вопросы «жизни и смерти» и русских поэтов, и советских вождей, и истории филологии.

Коснемся еще одного довольно тонкого момента. В вып. 3 Дополнений читаем: «1918, Май. Москва. Знакомство О. М. с Яко-

ман» на немецком и идиш. Но вот О. Мандельштам и А. Эфрос были деятелями, связанными с театром на идиш, а Н. Альтман, напротив, с ДРЕВНЕ-еврейским театром «Габима» и лишь потом перешел в театр на идиш Михоэlsa-Грановского, который (см. название панно Шагала «Введение в НОВЫЙ еврейский театр» с изображением А. Эфроса даже дважды!) противостоял «древнему», т. е. «очень старому» еврейскому театру «Габима». Делал Альтман и книги на ДРЕВНЕ-еврейском языке в издательстве Х.-Н. Бялика «Мория» в Одессе. Тогда слова Н. АЛbТ-мана, обращенные к А. Эфросу в связи с «папиросами» «Абрам он Маркович, сказал» оказываются просьбой, возможно, о работе в новом еврейском театре, а вторая эпиграмма с банальным «Альтман — очень старый человек» и есть объяснение перехода от «СТАРОГО» к «НОВОМУ» театру и к деньгам на «Папиросы». Здесь не исключен отзвук нэповской песни о продавце папирос, уже в 1930-е ставшей популярной на идиш. «Купите, койфтэ, койфтэ, папиросы, / Дайте сиротине медный грошик! / Дай вам Боже много хлеба / — Сироту услышит небо; / Посмотрите — ноги мои босы! / Купите жизнь за медную копейку, / Бедного бродяжку пожалейте! / Я голодный и раздетый, / Дай бог вам и вашим детям, / Господин хороший, не болейте!». Нетрудно видеть, что здесь все вполне соответствует друг другу в первом приближении. Ведь «Габима» покинула СССР навсегда в 1926 г.

вом Блюмкиным. *Блюмкин приглашает работать в новое учреждение вместе с ним. Выяснение и отказ»* (Н. Мандельштам. Биографическая справка. Архив Л. Я. Гинзбург). Датируется по изданию: Велидов А. Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М.: «Современник», 1998. С. 14: «В середине мая 1918 года, после расформирования 3-й советской Украинской армии, Блюмкин приезжает в Москву, где поступает в распоряжение ЦК партии левых эсеров». До мая 1918 г. сведений о пребывании Блюмкина в Москве или Петрограде не получено. По другой информации, Блюмкин появился в Москве не позднее 7 мая (Леонтьев Я. Человек, застреливший императорского посла // Сохрани мою речь. М., 2000. Вып. 3, ч. 2. С. 131). Запись «1917, Ноябрь» в Летописи (с. 132) аннулируется». (Курсив наш. — Л. К.)

Пусть так. Однако смущает одна строка: «Знакомство О. М. с Яковом Блюмкиным. «Блюмкин приглашает работать в новое учреждение вместе с ним. Выяснение и отказ» (Н. Мандельштам. Биографическая справка. Архив Л. Я. Гинзбург)».

Даты этой «Биографической справки» вдовы поэта Мец не дает, а было бы очень интересно узнать, с какого момента началась фальсификация биографии Мандельштама в этом узком вопросе. Между тем верхняя граница этого текста нам известна из публикации П. Нерлера и В. Василенко³³ краткой хроники жизни Мандельштама. Здесь дано указание: «Составлена Н. Я. Мандельштам для Кларенса Брауна, середина 1960-х годов; печатается по авторизованной машинописи (собрание С. В. Василенко)», однако сведений о существовании параллельного текста, к этому моменту опубликованного уже в Л, где С. В. Василенко соавторствовал, в «Октябре» нет.

Приведем всю последовательность записей:

«1917, июль 3. Разговор на балконе Союза городов с сослуживцами К[аманевым] и З[иновьевым].

1917, ноябрь. Блюмкин приглашает работать в новое учреждение вместе с ним. Выяснение и отказ.

1918, март. Переезд в Москву вместе с правительством. Горбунов. Наркомпрос, отдел художественного воспитания. Растерянность и злая секретарша. Институт ритмики и хор (Кастальский?).

³³ Нерлер П., Василенко С. Жить подальше от литературы. К 115-летию Н. Я. Мандельштам. [Беседы профессора Кларенса Брауна с Н. Я. Мандельштам; Приложение: хроника жизни О. Э. Мандельштама] / Публ. и примеч. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Предисл. П. Нерлера // Октябрь. 2014. № 7. С. 139–166.

Наркоминдел, свидание с Чичериным. Лопатинский.

1918, июнь. Столкновение с Блюмкиным, спасение поляка — Лариса Рейснер, посещение Дзержинского с Ларисой (в письме Дз[ержинского] ошибка — Раскольников только устроил свидание). Угрозы Блюмкина — О. М. считал простым запугиванием. (Эпизод, искаженный Г. Ивановым — не бессмысленный жест, а протест и спасение жизни арестованного.)»

Первая, скажем сразу, очень точная и опасная дата говорит о том, что О. Мандельштам должен был вместе с Зиновьевым и Каменевым присутствовать при острейших переговорах с восстановленным Кронштадтом, решать вопрос о поддержке (или нет) большевистского восстания; принимать участие в решении вопроса о судьбе ВЦИКа и т. д. в ночь с 3 на 4 июля или днем 3-го, когда большевики решали, свергать ли им Временное правительство или нет. После этих событий Ленин и Зиновьев вынуждены были скрываться в Разливе. Таким образом, Мандельштам становился крупнейшим революционером. При этом Каменев был тогда в помещении ЦК большевиков, а Зиновьев открывал Съезд Советов в другом месте.

В А аккуратнейшая цитата из «Второй книги» Н. Я. Мандельштам: «Во время июльской демонстрации он <О. М.> служил в «Союзе городов» и вышел со своими сослуживцами на балкон».

Это лучше, чем вписывать «З.» и «К.» с вопросом в Краткую биографию мужа...

Между тем стоит процитировать весь пассаж из «Второй книги», которому соответствует пояснение двух имен с указанными инициалами: «Мандельштам рано почувствовал конец Петербурга и всего петербургского периода русской истории. Во время июльской демонстрации он служил в «Союзе городов» и вышел со своими сослуживцами на балкон. Он говорил им о конце культуры и о том, как организована партия, устроившая демонстрацию («перевернутая церковь» или нечто близкое к этому)³⁴. Он

³⁴ Очень близкое высказывание Мандельштама запомнил Р. Ивнев применительно к посещению Киево-Печерской Лавры и впечатлению от монахов-антисемитов несколькими годами позже. А вот, что запомнилось Р. Ивневу уже в подходящее, точно датированное время и в подходящем месте 2 мая 1919 г.: «Плыву по течению. В монастыре мне скажут: еврей — враг — и я там буду так же мучиться, потому что моя совесть никогда не примирится с тем, что праведен толь-

заметил, что «сослуживцы» слушают его неприязненно, и лишь потом узнал, что оба они — цекисты и лишь до поры до времени отсиживаются в «Союзе городов», выжидая, пока пробьет их час. Он называл мне их имена. Один, **кажется** (! — Л. К.), был Зиновьев, другой — Каменев. Балконный разговор «по душам» навсегда определил отношение «сослуживцев» к Мандельштаму, особенно Зиновьева. Мы это остро чувствовали, когда жили в середине двадцатых годов в Ленинграде. Непрерывная слезка и раннее запрещение печататься (1923) были естественным следствием общего положения Мандельштама, но в Ленинграде все оборачивалось острее и откровеннее, чем в Москве. У меня ощущение, что Москва имела кучу дел на руках, а Ленинград, от дел отставленный, только и делал, что занимался изучением человеческих душ, которые предназначались для уничтожения. Еще неизвестно, уцелел ли бы Мандельштам, если б к моменту послекронштадтского террора находился в Ленинграде. Террор развернулся во всю силу, и Москва еще давила на Ленинград, обвиняя местные власти в том, что они не дают воли рабочему классу излить свой гнев».

Не будем цитировать статьи, например, из справочника «Деятели СССР и революционного движения России», изданного Энциклопедией Гранат в приложении к своим томам к 10-летию Октября и переизданного «Советской энциклопедией» в 1989 г., да и другие справочники, где нет ничего подобного. Ни в каких Союзах городов редактора «Правды» и боевые соратники Ленина не скрывались, тем более — в первые июльские дни. Особенно 3 числа. Об их деятельности тогда все известно. Но это позволяет оценить честность А. А. Морозова, который в издании «Второй книги» 1999 года не только не прокомментировал этот пассаж, но и задал традицию тотального умолчания и пропуска комментариев к заведомо неверным местам «Воспоминаний» Н. Я. Ман-

ко православный. Боже мой! Как тяжело мне. Но все же я пойду поговорить с кем-нибудь из монашествующих. Вчера мы ездили в Лавру. Ездили безобразно, глупо, по-мальчишески, только так, чтобы проехаться и посмотреть пещеры. Таким я и рисовал себе прежде это путешествие. О. Э. был в Лавре тоже, но на него Лавра произвела удручающее впечатление. Когда я спросил его — почему, он ответил: «Разве вы не видите, что здесь та же «чрезвычайка», только «на выворот». Здесь нет «святости». Мне было больно это слышать, но зачем же тогда попадавшиеся нам монахи смотрели так враждебно на еврейские лица Осипа Эмильевича и особенно его брата — типичного еврея Александра Эмильевича? Ведь эти взгляды действительно далеки от святости» (*Ивнев Р. Жар прожитых лет. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2007. С. 212–213*).

дельштам, продолженную и развитую уже в новейшем двухтомнике 2015 года, созданном П. Нерлером и С. Василенко³⁵. Более того, в именном указателе А. А. Морозов лишь сообщил, что с декабря 1917 Зиновьев стал Председателем Петросовета, оставив всю легенду об июле 1917 года за рамками рассмотрения. А уж о Каме-неве и вовсе дал сведения с 1919 г.

Поэтому-то А. Мец и процитировал лишь одну фразу из краткой биографии Мандельштама из архива Л. Я. Гинзбург и, более чем аккуратно, процитировал обрывок (иначе не назовешь!) из сведений «Второй книги» о 3 июля 1917 г.

Теперь — следующий — «первый блюшкинский» — эпизод: «1917, ноябрь. Блюшкин приглашает работать в новое учреждение вместе с ним. Выяснение и отказ».

Перенос даты с «ноября 1917» на «май 1918» мотивируется сообщением из биографии, составленной Н. Я. Мандельштам. Причем ее данные принимаются безо всяких сомнений. Затем по работе историка Велидова А. дается дата прибытия Блюшкина в Москву в мае 1918 года, наконец уточнение по работе Ярослава Леонтьева, опубликованной в «Сохрани мою речь...» 2000 (!) г., «не позднее 7 мая» того же года.

Вторая работа имеет прямое отношение к Мандельштаму. Что же там сказано о первой встрече с Блюшкиным, которую датируют летописцы?

Можно узнать, что у Я. Леонтьева в указанной публикации использованы сведения неопубликованных к 2000 г. протоколов партии левых, но из них следует лишь, что не позднее 7 мая 1918 г. Блюшкин оказался в Москве.

Далее все базовые сведения, включая совместную жизнь Н. Я. с возлюбленной Блюшкина с Украины, мы получаем от Н. Я. Мандельштам. Там же она говорит, что богемная девушка Лида Со-рокина после прихода большевиков принесла ей «охранную грамоту». Понятно, что никто этого никогда и не пытался проверить. Однако дальнейшие рассуждения, что это напомнило Н. Я.

³⁵ Мандельштам Н. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 2. «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979). Екатеринбург, 2014. С. 121–122 и прим. с. 647, где комментаторы предусмотрительно, вслед за предшественниками, решили комментировать весь пассаж на сей раз письмом В. И. Ленина о другом Кронштадтском мятеже — 1918 г. По-видимому, обе «фракции» придерживаются одинаковых источниковедческих принципов, а периодические схождения-расхождения с этим никак не связаны.

как христиане спасали евреев от погромов, да еще с мотивировкой «Надо охранять интеллигенцию» и с объяснением мемуаристики, что ее отец никогда (эту явную, на наш взгляд, фальшивку, если она была в реальности. — Л. К.) никому не показывал, если же нет, то и показывать было нечего, заставляют считать весь рассказ выдумкой, как и все, что связано с реальностью и датировкой киевских событий в мемуарах Н. Я. Мандельштам^{36, 37}.

Ничего, кроме общеизвестной и зафиксированной сцены с разрыванием бланков приговоров, вырванных из рук Блюмкина, отразившейся в подлинных документах Ф. Э. Дзержинского, считать достоверным нельзя. Более того, Мандельштам не упомянут ни в каких списках участников богемных блюмкинских вечеринок. Нет в них даже Б. Пастернака, который снимал комнату, описанную, как указывает Я. Леонтьев, в «Охранной грамоте», в квартире соратника Блюмкина, наблюдавшего из нее за германским посольством перед убийством Мирбаха.

³⁶ См.: *Кацис Л.* Не треба?! Мандельштамовский Киев в современных исследованиях. Там же библиография наших предшествующих работ этого цикла, настойчиво игнорируемая даже в чисто хроникальной части питерскими летописцами и биографами-общественниками из НИУ ВШЭ (Москва).

³⁷ Так, бывший адепт Н. Я. Мандельштам М. Б. Мейлах, постоянно ссылавшийся с благодарностью на ее указания в 1970–1980-е гг. в связи с работой над статьями об А. Ахматовой, с некоторых пор стал постоянно, без ссылок на М. А. Гаспарова, не говоря уже о «нас грешных», писать в еще более резком духе, иногда выходя за допустимые куртуазные рамки своего типа письма применительно не к стукачам и непрофессионалам, а к ключевым фигурам его времени и места: «... доходящие до фальсификации комментарии Н. Я. Мандельштам к «сталинскому тексту» Осипа Мандельштама» или «К сожалению, в этом ряду (с М. Кралиным!? — Л. К.), лишь с обратным знаком, стоят фальсификации Н. Я. Мандельштам, которой долго удавалось скрывать так называемую «Оду Сталину» и которая придумала, что в стихотворении «Если б меня наши враги взяли...» в строке *Будет будить разум и жизнь Сталин* стояло, вопреки контексту и смыслу стихотворения, *Будет губить разум и жизнь Сталин*. Н. Я. Мандельштам не понимала, что на Мандельштама, в отличие от нее с ее подделками, эти «одические рати» тени не бросают» (См. в цитатах из статей 2006 и 2007 гг. в: *Мейлах М.* Поэзия и миф. Избранные статьи. М., 2018. С. 392, 401). Между тем, как известно, в ленинградском самиздатском журнале «Северная почта» этот текст был опубликован еще в конце 1970-х. Не говоря уже о том, что М. Б. Мейлах слушал наши обсуждения этой темы с И. Бродским в Лондоне в 1991 г. (См.: *Кацис Л.* «Неизвестный Мандельштам» Иосифа Бродского. К 25-летию Лондонской конференции к 100-летию Осипа Мандельштама // Вопросы литературы. 2016. № 6. Ноябрь — декабрь. С. 298–345). В то же время противоречия в сведениях об Ахматовой, которые находятся и в общеизвестных и в новопубликуемых текстах Н. Я. Мандельштам, не привели к коррекции старых работ исследователя в его юбилейном одномотнике.

Зная «поэтику» Н. Я. Мандельштам, можно с большой долей вероятности предположить, что именно отсюда и происходит «Охранная грамота» Лиды Сорокиной, на что доверявший тогда полностью Н. Я. Мандельштам Я. Леонтьев внимания не обратил.

А вот единственный достоверный, отразившийся в документах момент, когда П. Зайцев услышал, как Я. Блюмкин отвел в сторону анархиста Ю. Дубмана и сказал ему: «Мандельштам может проболтаться — он дурак, скажи ему...», свидетельствует о лишь том, что приглашение в «новую организацию» — тоже привиделось мемуаристке.

И еще одна деталь: невозможно представить себе «новую организацию» Блюмкина в ноябре 1917 г., потому что ВЧК образована 7 (20) декабря 1917 года. Но и эта неназываемая аббревиатура не случайно возникла в голове Н. Я. Мандельштам. Ведь даже из *Л* нетрудно узнать, что «1918. Февраля конец. Назначен на должность делопроизводителя секретариата Комиссии с чрезвычайными полномочиями для разгрузки и эвакуации Петрограда. Живет по адресу...» *Л*, с. 135. Не можем отказать себе в удовольствии привести ссылаку на специальную работу о непосредственных предшественниках этой организации до 26 октября 1917 г.³⁸

А вот сведения о конторе, в которой работал О. Мандельштам. Они объясняют в числе прочего и близкую связь Мандельштама с секретарем Ленина Горбуновым. Ведь контора Мандельштама имела прямое отношение к эвакуации ленинского правительства в Москву: «22 февраля была сформирована Чрезвычайная комиссия по эвакуации и разгрузке Петрограда. На должность председателя комиссии был назначен левый эсер В. А. Агласов. Уже 4 марта СНК принял постановление о создании Центральной коллегии (Центроколлегии) по эвакуации и разгрузке Петрограда. Ранее образованная Чрезвычайная комиссия волилась в состав Центроколлегии как один из отделов. 2 апреля для централизованного руководства эвакуацией была создана Всероссийская эвакуационная комиссия (ВСЕРЭКОМ). Помимо Петрограда, Центроколлегии появились в ряде городов таких, как: Вологда, Брянск, Бологое, Воронеж, Вязьма, Камышин, Ковров, Курск, Москва,

³⁸ Раскин Д. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т.1: Высшие государственные учреждения. СПб., 1998: Чрезвычайные учреждения Государственной думы. Временный комитет Государственной думы, 27.02–06.10.1917 (<http://pravo.news/gosudarstva-prava/chrezvychaynyie-uchrejdeniya-gosudarstvennoy-39806.html>).

Нижний Новгород, Орел, Пенза, Пермь, Рыбинск, Саратов, Смоленск, Тамбов, Царицын, Ярославль. Таким образом, была организована система органов по управлению эвакуацией.

В марте начался вывоз из Петрограда первых промышленных предприятий. Параллельно происходил перенос столицы из Петрограда в Москву. Транспортировки осложнялись плохим состоянием подвижного состава железных дорог, крайним недостатком топлива, а кроме того, хаосом, охватившим страну. Так, литерный поезд, на котором В. И. Ленин выехал 10 марта из Петрограда, на станции Малая Вишера был окружен толпой матросов. Их удалось разоружить только под дулами пулеметов, после чего поезд с правительством смог продолжить движение»³⁹. Теперь совершенно гармонично в эту картину впишется и сообщение Н. Я. Мандельштам чуть более позднего времени о Горбунове и Мандельштаме.

К счастью, сегодня мы можем не разбирать два оставшихся эпизода, т. к. они в очень близком духе к тому, что мы показываем сейчас, уже проанализированы С. Шиндиным⁴⁰ в «Новом журнале».

На этом пока остановимся. Нет сомнений, что в ближайшем переиздании Л2 или дополнении к нему наши сведения появятся под чьими-то именами либо анонимно, и разговор будет продолжен.

Мы понимаем, что разговор с людьми, не раз уличенными в плагиате, причем, открыто и печатно, с людьми, которые даже не испытали стыда за содеянное, ставшее известным *urbi et orbi*, бесполезен. Попытка сделать вид, что в науке никого кроме них не существует, бесконечное продолжение откровенного воровства, настойчивое повторение уже указанных ошибок, явным образом не лечатся. Другое дело, почему это все активно и демонстративно поддерживается и ТSQ, и теми уважаемыми исследователями, которые сотрудничают в работе предельно низкого профессионального уровня, официализуя своим участием, пусть даже только в разделе благодарностей, потоки откровенной и агрессивной халтуры в горючей мандельштамовской смеси с плагиатом.

³⁹ Шелав Ю. Деятельность чрезвычайной комиссии по эвакуации и разгрузке Петрограда весной 1918 г. (по новым материалам) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1990. XX. С. 32: http://militera.lib.ru/research/melia_aa/03.html.

⁴⁰ Шиндин С. Обязательный постскриптум и необязательные детали // Новый журнал. № 283. Июнь 2016.

Разумеется, править заведомо безнадёжную Л, Л2 нужно только для того, чтобы кому-то не пришлось в голову пользоваться ею без критики. Но, раз фальсификация продолжается, будут продолжаться и разоблачения.

Однако, некоторые случаи огорчают меня самого, т. к. связаны они с людьми профессиональными. Пример, который я сейчас приведу, показывает, что даже в кругах наиболее квалифицированных исследователей завелось примерно то, что когда-то происходило в «державе Датской».

Ещё читая основную Л, я был очень удивлён, увидев там сообщения о работе Мандельштама в Наркомпросе с указанием (Котрелев). За этим скрывалась ссылка: «Котрелев Н. В. Документы О. Э. Мандельштама в архиве Наркомпроса: возврат к теме (в печати)».

Нам не удалось обнаружить эту публикацию при чтении Л и даже Л2. И, наверное, не случайно. По-видимому, если верить летописцам, она до выхода Л2 с 2014 года в свет не вышла. Те же сведения находим и в списке литературы к двухтомнику Н. Я. Мандельштам, сданному в печать в октябре 2014 г. Вышла она позже, и эта история очень поучительна для всех нас.

Однако это большого значения не имеет. Дело в том, что часть обнаруженных Котрелевым документов уже была опубликована в публикациях ГАРФ, каким-то образом ставших известными «летописцам».

Это запись «1918. Октября 5.» о выступлении на заседании Государственной комиссии по просвещению по вопросам об утверждении положений об учительских семинариях и, учительских институтах». Со ссылкой: Архив новейшей истории России. Т. XII: Культура, наука, образование. Октябрь 1917–1920 г. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР: в 3 кн. Кн. 1. Октябрь 1917–1918 г. М.: РОССПЭН, 2012. С. 647». Л, с. 143–144.

Следующая запись «1918. Декабря 16» о получении Мандельштамом и Александровой 25 000 р. На «Центральный институт ритмического воспитания» дается со ссылкой на Н. В. Котрелева. Однако этот документ, на сей раз «со ссылкой: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 6. Ед. хр. 40. Л. 437 об. — 438», опубликован в том же томе на с. 1038–1039 и указан в именном указателе ГАРФовского собрания.

Причем, если у Котрелева написано аутентично: «признать желательным немедленное приступление к подготовительным ра-

ботам по организации...», то публикаторы ГАРФ в примечании на с. 1038 поправляют: «Так в тексте, видимо, правильно: «немедленно приступить»».

Это, поистине, дело вкуса. Однако Н. В. Котрелев вводит конъектуру, которой нет в официальной публикации: «об освобождении особняка Мироновой <в тексте Мироановой> на Пречистенке». Л. С. 147.

Проверка наличия «особняка Мироновой на Пречистенке» дает, естественно, отрицательный ответ. Поэтому поверим сотрудникам ГАРФа: «об освобождении особняка Фирсановой на Пречистенке».

Здесь все ясно: это просто здание знаменитой Поливановской гимназии, Пречистенка, 32.

Здесь легко реконструировать состояние машинописи, по-видимому, не первого экземпляра. Бока от «Ф» нарушены, центральная палочка пропечаталась не полностью, от «с» осталась какая-то часть, скорее верхняя или нижняя, подобно и остаткам «Ф».

Оторопь, однако, не проходит, и до нахождения работы Н. Котрелева возникают предположения за предположениями. То, что авторы Л, Л2 не владеют навыками использования справочного аппарата изданий, уже никого давно не удивляет. А вот в случае Н. Котрелева впечатление обратное. Следовательно, он просто не смог прочесть плохо сохранившуюся стенограмму. Но даже, если так, то проверка существования «особняка Мироновой» — обязанность опытного исследователя! Понятно, что у историка русской философии и знатока В. С. Соловьева с «Наркоматом» и «особняком» ассоциируется особняк Морозовой, но находится он на Спиридоновке и передан не Наркомпросу, а и по сей день Наркоминделу.

Остается последнее возможное предположение: зная о публикации ГАРФа, летописцы решили поверить авторитету Н. В. Котрелева, сами ничего не сделав для проверки его конъектур.

Кстати, Н. В. Котрелев, в отличие от сотрудников ГАРФа, считает, что и фамилия поэта написана в документе неверно: «т.т. Мендельштам <так! — Н. К.>». Теперь мы склонны больше доверять сотрудникам уважаемого Госархива, да старого Наркомпроса, для которых Мендельштам был одним из администраторов, а не никому не известный поэт. Впрочем, эта конъектура никакого значения не имеет.

А имеет значение то, что в 2017 году мы, в отличие от летописцев-энциклопедистов, давно не имея личных контактов с автором, наконец смогли ознакомиться с долгожданной публикацией самого Н. Котрелева, который, естественно, уже знал, как и «летописцы», о публикации ГАРФовцев.

Поэтому и нет в его опубликованной статье цитаты про некую «Мироамову», а есть ссылки и на основной документ, и на его копию, по которой он, видимо, и работал, и четкое упоминание «Фирсановой»⁴¹.

«И все же, все же, все же...», к этому месту дается очень важное примечание: «Слово правлено машинописью по машинописи и прочитывается с трудом, хотя, полагаю, надежно; это же чтение принято текстологами «Публикации» (Т. XII. С. 1038). Однако ни на Пречистенке, ни в прилежащих переулках «особняка Фирсановой» я найти не сумел (см.: Вся Москва: адресная справочная книга на 1917 г. М., 1917. Стлб. 473–474, паг. «Алфавитный список улиц города Москвы»; не дает подходящих указаний и «Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов» — Там же, с. 511). Вероятнее всего речь может идти о недалеком от Наркомпроса доме В. И. Фирсановой по адресу: Пречистенская набережная, д. 31. — Там же, стлб. 475»⁴².

Итак, наше графологическое предположение полностью подтвердилось.

Наверное, все это не так важно, раз контора, о которой идет речь, как пишет сам Н. В. Котрелев, в итоге оказалась совсем в другом месте. И лишь неумеренное чинопочитание оставило нам очередные следы «летописной» кухни, о чем Н. В. Котрелев мог и не знать при сдаче сборника в печать. Но, так или иначе, а особняк Фирсановой, который как-то связан с именем Мандельштама, найти совсем не трудно. Только надо нарушить некоторые правила современного источниковедения, обратив свой взор от «Всей Москвы» 1917 года либо к более раннему выпуску, либо просто к интернету, где легко видим даже в Википедии: «№ 32 — дом Охотникова, XVIII–XIX вв., построен заново вскоре после пожара 1812 года; здание много раз перестраивалось. В 1915–1917 го-

⁴¹ Документы О. Э. Мандельштама в архиве Наркомпроса: возвращение к теме / Публикация Н. В. Котрелева // Окно из Европы. К 80-летию Жоржа Нива. М., 2017. С. 352.

⁴² Там же. С. 363.

дах при владелице В. И. Фирсановой главный дом перестраивался по проекту архитектора А. И. Таманяна. В 1868–1917 гг. здесь размещалась частная мужская гимназия Л. И. Поливанова. Здесь учились В. С. Соловьев, В. Я. Брюсов (исключенный за атеистические идеи из гимназии Креймана), Андрей Белый, М. А. Волошин, Вадим Шершеневич, Сергей Шервинский, Сергей Эфрон, Николай Позняков, шахматист Александр Алехин, сыновья Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. Н. Плещеева, А. Н. Островского и др.».

Забавно, что еще один дом Фирсановой на Пречистенке, также ей к интересующему нас времени не принадлежавший, тоже имел прямое отношение к танцам: «№ 20 — особняк В. Д. Коншина (1-я половина XIX в.; 1873 — переделка фасадов, архитектор А. С. Каминский). В этом доме жил и в 1861 году умер герой Отечественной войны 1812 года А. П. Ермолов; до 1884 года владельцем был В. Д. Коншин, затем — В. И. Фирсанова, а с 1900 года — предприниматель-миллионер А. К. Ушков; в 1921–1922 годах в здании размещалась хореографическая студия А. Дункан; в эти же годы здесь жил и работал поэт С. А. Есенин. Объект культурного наследия федерального значения. Сегодня в здании располагается офис ГлавУпДК при МИД России».

И эти сведения есть при любом наборе слов в запросе «Пречистенка. Фирсанова». Только вот «Мироновой» — «Мир<a>мой», действительно, на Пречистенке не было и нет. А о том, что г-же Фирсановой достались целых 23 дома в Москве писал даже В. Гиляровский, страшно сказать!

Но недавно оказалось, что и нам размер беды известен далеко не полностью.

В электронной Л2, естественно, вобравшей в себя все сказанное здесь, мы прочли следующее: «Поскольку главной целью лубой «Летописи» является построение хронологически последовательного ряда, мы отказались от использования выпадающей из этого ряда рубрики «В течение года»; события вводились в «Летопись» в случаях, когда временную привязку удавалось осуществить с точностью приблизительно до трех месяцев. Таким образом, небольшая часть стихотворений и прозы (в основном — раннего периода) в настоящей «Летописи» не отражена или отражена только по публикациям» http://imwerden.de/pdf/mandelsham_letopis_zhizni_i_tvorchestva_2izdanie_2016__ocr.pdf.

Это очень важное замечание, ведь «три или четыре месяца» могут означать и на свободе или в тюрьме, до «Мы живем, под собою не чуя страны...» и позже, еще в Воронеже или уже в Савелове и т. д. Однако осторожность в датировке момента написания стихов, их чтения и публикации вполне необходима.

Тем более что авторы Л сами понимают еще с первого издания всю относительность своих познаний и точность датировок, следующих, естественно за ПССиП 1,2. Однако критика их работы двумя неназванными авторами ВЛ и «Русской литературы» привела к тому, что сами составители Л2 (чей состав пересекается и с составителями ПССиП, с «высшими» «энциклопедистами-общественниками», уже откровенно признают: «Нами принято решение не стремиться к отражению в «Летописи» всех без исключения источников, упоминающих О. Э. Мандельштама прямо или косвенно. Прежде всего это относится к тяжбам вокруг перевода книги «Тиль Уленшпигель», мемуарным очеркам Г. В. Иванова конца 1920-х — начала 1930-х годов, по содержанию дублирующих или варьирующих ранее им напечатанное. Не отражена часть сведений (признанных малозначительными) из писем С. Б. Рудакова к жене. Выборочно отражены отклики и рецензии на книги Мандельштама, на его публикации в периодической печати и переводы⁴³, а также архивные материалы. В связи с этим обстоятельством **читателям, решающим исследовательские задачи**, следует обращаться также к библиографиям поэта и специальным исследованиям». (Л2. От составителей, с. 78, аналогично Л).

Итак, Летописцы-любители сами и открыто признали заведомо ненаучный характер своего труда. Это существенное продвижение к истине. Но ведь они сами, пусть и не с исследовательскими целями, постоянно что-то устанавливают, уточняют и т. д.

Однако нас смущает оформление Л2, где на обороте титула читаем: Toronto Slavic Library Volume 7 Editor Zahar Davydov

⁴³ И это пишет составитель основных библиографий О. Мандельштама, который прекрасно видел в хорошо знакомом ему «Toronto Slavic Quarterly» наши многочисленные дополнения к своим спискам в электронном виде: *Кацис Л.* Осип Мандельштам в «Вечерней красной газете» 1925–1929: от Еврейского театра до анонимных аннотаций // Toronto Slavic Quarterly. Toronto. 2013. № 6: http://www.utoronto.ca/tsq/46/tsq_46_katsis.pdf — под редакцией редактора серии З. Давыдова; несколько исправленный печатный текст под редакцией П. Нерлера: *Кацис Л. Ф.* Осип Мандельштам в «Вечерней красной газете» 1925–1929 гг.: от еврейского театра до анонимных аннотаций // Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве. Часть 1. М., 2015. С. 174–210.

Department of Slavic Languages and Literatures, University of Toronto, 2016. А на странице выходных данных у самой задней обложки видим: «**Научное издание ЛЕТОПИСЬ** жизни и творчества О. Э. Мандельштама Составитель Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянниковой, П. Мицнера Издание второе, исправленное и дополненное Издательство TSQ, University of Toronto Оригинал-макет А. Б. Левкина. Подписано в печать 24.10.2016. Формат 6" × 9". Усл. печ. л. 35,55. Отпечатано в типографии lulu.com».

Поэтому мелкая ложь во вводных словах, отвечавших на, простите, убийственную критику двух научных журналов, не говоря уже о научной молве, сопровождавшей выход нашего любимого в последние «до-энциклопедические» годы источниковедческого шедевра, не помогает, а неумеренное чинопочитание, как в случае с Н. Котрелевым, — не спасает. Тем более что «летописцы» оставили в силе свою идею отмечать в Л случаи, когда Мандельштам мог где-то присутствовать, забыв, как мы указывали в ранних рецензиях, что он же мог там и НЕ присутствовать. Но это уже для тех, кто решает исследовательские задачи...

Ведь проделанное здесь нами микро-расследование — тоже исследовательское действие, которое в Л3 вполне может стать предметом плагиата либо использования с глухой ссылкой типа «учтены замечания автора ОСТКРАФТ. Научное обозрение, № 4 М., 2018. С...»).

Но сведения о «Миро<a>мовой» безо всяких дополнений повторены в обоих Л, Л2 (с. 137) со ссылкой «Котрелев 2013 — Котрелев Н. В. Документы О. Э. Мандельштама в архиве Наркомпроса: возврат к теме (в печати)». В 2017 г. мы узнали, о чем идет речь. Но об изменениях Н. В. Котрелев «летописцев» не известил. Отсюда и двойной конфуз.

А вот какое новое «дополнение-уточнение» сделали «летописцы» в Л2 к месту, которое мы специально разбирали ранее в ВЛ:

Апреля 16. Телеграмма жене из Москвы в Ялту: «Выезжаю средду хлопоты закончены» (ПССиП. Т. 3. № 115) [комментарий совпадает с Л и Л2 в обоих изданиях ПССиП. — Л. К.].

Из воспоминаний: «Мандельштам приехал в Ялту с месячным опозданием. Он задержался в Москве из-за хлопот об осужденных стариках. В Ялту он привез экземпляр только что вышедшей книги («Стихотворения»)» (Вторая книга. С. 417)».

Апреля 18 (среда). Выехал в Ялту, см. Апрель 16».

Здесь все с точностью до дня, хотя телеграмму можно датировать и до часа: как отправление, так и получение.

Однако следующая дата — время выхода в свет книги «Стихотворения», как раз тот случай, когда потребовались бы уточнения хотя бы по «Книжной летописи» с ее, как им хорошо известным люфтом: «для середины двадцатых годов реальное время выхода издания в свет отстоит от времени учета в Книл приблизительно на один-два месяца» (Л, с. 4.; Л2, с. 8).

Однако, как нам приходилось писать, здесь ссылки на «Книжную летопись» как раз и нет! Мы ее в своей рецензии, естественно, привели в ВЛ, более того, указали по «Вечерней красной газете» и дату объявления о выходе «Стихотворений» на одной полосе с важнейшей статьей Н. Я. Берковского с «говорящим» названием «О тяжести недоброй»⁴⁴. Только дата выхода в свет номера «Книжной летописи» от 18 мая 1928 г. с датой выхода в свет книги О. Мандельштама хотя бы по «Вечерней красной газете» — 4 мая, коррелирует очень хорошо даже с учетом названного люфта.

Этих сведений Л2 нам, естественно, не дает: они слишком «полные», но для «исследовательских целей» все же — необходимые.

Что же предлагают «летописцы» (здесь, похоже, можно установить даже имя автора «дополнения»): «Апреля 18. Передает через одного из знакомых привет Э. Миндлину, На следующий день Миндлин записывает в дневнике: «Я был счастлив и горд, что великий поэт и удивительный человек помнит еще меня» (Видгоф 2015, с. 177).

Апреля 18 (среда). Выехал в Ялту, см, Апреля 16, Мая 6. Запись Э, Миндлина: «Москва 6 мая, Воскресенье, Книжные приобретения последних дней: Мандельштам — Стихи и Гершензон — История молодой России, Мандельштам — в новом издании Госиздата, Собрание старого его “Камня”, “Tristia” плюс “Вторая книга”, сияюще-прекрасно, книга меня сделает счастливым» (Видгоф 2015, с. 177)» (Л2, с. 306).

Трудно сказать, зачем все это понадобилось. Ведь с этой добавкой наша и «Книжной летописи» дата выхода книги в свет становится просто железобетонной.

⁴⁴ Кацис А. Мандельштам. Берковский. Пастернак (к проблеме чтения и восприятия критической статьи в газете, книге, посмертном сборнике) // Вестник РГГУ. № 13 (93). Научный журнал. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». М., 2012. С. 107–116.

В свое время нам уже приходилось писать, что вся эта игра связана с тем, чтобы сохранить легенду о некоей дарственной надписи О. Мандельштама на этой книге Н. И. Бухарину, якобы посвященной протесту против смертной казни вообще. Но ведь новое добавление к Л2, не имеющей научного смысла, делает даже работу по добавлению новых сведений бессмысленной пусть и с точки зрения сохранения традиционного мифа. К тому же самую легендарную надпись «летописцы» уже предусмотрительно не приводят.

Так становится ясно, что реальные даты событий Меца не интересуют. Ему важно привести реальность в соответствие с мемуарами Н. Я. Мандельштам, которые писались через десятилетия после событий. После этого говорить о доверии даже самым простым датам невозможно. Кстати, и в списке инскриптов Мандельштама, который известен Мецу, даны следующие даты для «Стихотворений» 26.09.1933, 12.05.1929, 25.10.1928 и т. д. Отметим, что указанного у самой Н. Я. Мандельштам «инскрипта Бухарину», который фигурирует во многих местах, в списке инскриптов теперь, не без наших усилий, нет. Нет его поэтому и в Л, Л2.

Тогда чего ради вся игра...

Подходя к концу этого анализа методов, способов и средств подготовки «Летописи» отметим, что бывают случаи, когда и текст Н. Я. Мандельштам для Меца не указ. Создается впечатление, что он и сам во многом становится, как мы здесь уже говорили по другому поводу, близнецом первого кандидата на должность «новой вдовы поэта» П. М. Нерлера.

И не только мы это заметили, например, О. Лекманов: «— **Какие проблемы стоят перед сегодняшним мандельштамоведением?**

— Проблем, как водится, много. Это, во-первых, отсутствие академического издания произведений Мандельштама, потому что все собрания, которые выходили до сих пор, полны произвольных решений их составителей (некоторые из которых, похоже, возомнили себя реинкарнацией Осипа Эмильевича). Это, во-вторых, отсутствие нормально составленного и откомментированного тома воспоминаний о Мандельштаме»⁴⁵.

⁴⁵ Коркунов В. Жизнь с Мандельштамом. Олег Лекманов о фамиллярной критике, злой Надежде Яковлевне и невежестве Сталина // Ex-Libris НГ. 9 ноября 2017. С. 10: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2017-11-09/10_911_mandelstam.html.

Об «академичности» его собраний п.р. Меца речь впереди. Пока же о п. 2, т. е. об отношении Меца с соавторами к мемуарам о поэте, на которых во многом строится Л, Л2.

И раз не только реальные даты не устраивают «летописцев», то за ними должны последовать и персоналии, причем попавшие к Н. Я. Мандельштам и в жизнь, и в миф. Но миф, как известно, живет независимо от своих творцов, на то он и миф!

И вот пример, который Летописей и Собраний «томов премногих тяжелей».

В записи 1934 «Мая 17», а это дата ареста Мандельштама, приводится только сообщение «Листков из дневника» Анны Ахматовой о хлопотах за Мандельштама с участием Пастернака и др. Но почему-то «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам именно здесь не стали основой сюжета. Это и понятно. Здесь кроме всего, кто и что есть у Ахматовой, появляется «неудобное» имя Демьяна Бедного, которому не место в благородном сообществе положительно помянутых в «Летописи».

Однажды он помянут в общем списке поэтов, вошедших в антологию «100 поэтов» Гусмана, а во второй раз в связи с провозглашением Бухариным главным поэтом Б. Пастернака к ужасу Демьяна Бедного Л2, с. 202, 408).

Между тем именно речь Демьяна Бедного на Съезде писателей массивно отразилась в стихах т. н. Второй воронежской тетради по классификации А. Г. Меца⁴⁶.

Но ведь именно к Бедному пошел Пастернак узнавать о судьбе О. Мандельштама и возможных «Интегральных ходах», как называется глава мемуаров Н. Я. Мандельштам. Не забудем, что Н. Я. помнит о роли Демьяна Бедного в судьбе четырех приговоренных к смерти банковских деятелей, которых спасал О. Мандельштам. Да и после разговора с Пастернаком Демьян привез Пастернака к Ахматовой и Н. Мандельштам на Фурманов переулок. Но чем не угодили Мецу Е. П. Пешкова или Максим Винавер, тоже не упомянутые в Л, Л2?

А вот в записи «Мая 28» со слов Н. Я. Мандельштам описывается «чудо», когда следователь предложил свидание с поэтом. Затем, как мы знаем, 13 июня уже Сталин звонит Пастернаку по поводу Мандельштама. Но ведь именно сюда и должна быть вставлена резолюция Сталина на письме Бухарина, которое упо-

⁴⁶ Об этом см.: *Кацис А.* Смена парадигм и смена Парадигмы М., 2012. С.147–152.

минает Мец: «Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие...». Но письмо цитируется по книге П. Нерлера 2010 года «Слово и дело», а дата разговора Пастернака со Сталиным почему-то по воронежским «Филологическим запискам» 1994 № 2! Тогда уж надо бы цитировать и резолюцию Сталина по первопубликации в журнале «Источник».

Но ведь резолюция Сталина, естественно, есть у Нерлера в 2010 году и в массе других публикаций. Но нет ее (и быть не могло, это сенсация перестроечных времен) у Н. Я. Мандельштам. А значит для Меца — резолюции то ли не было, то ли она никак не повлияла на судьбу Мандельштама. И так раз за разом. И здесь не требуется просматривать всю «Летопись» целиком.

Результат налицо.

Но пока шла работа над подбором наиболее репрезентативного материала для рецензии на Л2, вышли в свет названные в самом начале статьи 3 тома нового Полного собрания сочинений и писем О. Мандельштама. Здесь уже было интересно посмотреть на реакцию Меца, связанную с критикой его подхода к публикации стихов «позднего» Мандельштама. Ведь наличие или отсутствие т. н. Воронежских тетрадей, учет или не учет мнений об их отсутствии, высказанных и нами в 1991 г., и М. А. Гаспаровым, начиная с 1995 вплоть до издания стихов Мандельштама по архиву, а не по мнению Н. Я. Мандельштам, сильно влияло на датировку стихов позднего периода в Л2.

Но здесь все осталось на своих местах. Ничего нового новый трехтомник, в отличие от Л2, не принес. Быть может, это и неплохо. А то получилось бы как с Л2, то ли основанной на ПССиП 1,2, то ли — наоборот, что дела не меняет.

«Тристии», да и только. «Камень» для гатчинского Сизифа опять оказался неподъемным.

Кирилл Шевченко

«ЖЕМЧУЖИНА У МОРЯ» ПОД МИКРОСКОПОМ ЭТНОЛОГОВ И ИСТОРИКОВ :

Этнология Одессы в исторической и современной
перспективах / П. Лозовюк, А. Пригарин
и коллектив авторов. Одесса, 2017

Коллективная монография «Этнология Одессы в исторической и современной перспективах», изданная в одесском издательстве «Ирбис» в 2017 году, стала заметным явлением в международной научной жизни и серьезным вкладом в междисциплинарное изучение социокультурного феномена Одессы. Несмотря на почти тридцать лет, прошедших после распада СССР, и растущее размежевание между постсоветскими государствами, Одесса продолжает оставаться городом-брендом и городом-легендой для среднего и старшего поколения постсоветских граждан. Данная монография, опираясь на последние достижения гуманитарных наук, раскрывает многие социокультурные механизмы, способствовавшие формированию особого «одесского мифа». Авторами монографии являются известный чешский антрополог, доктор философии, заведующий кафедрой антропологии Западночешского университета (г. Пльзень, Чехия) П. Лозовюк, одесский этнолог, доктор исторических наук, профессор Одесского национального университета им. И. И. Мечникова А. Пригарин, а также другие одесские историки и этнологи.

На богатом и разнообразном эмпирическом материале авторы монографии анализируют различные аспекты социокультурной

эволюции Одессы как полиэтничного и мультикультурного мегаполиса, стремительное развитие которого в XIX — начале XX века было в значительной степени связано как с уникальным географическим положением Одессы, ставшей южными воротами Российской империи, так и с рядом других факторов социально-экономического, демографического и культурного развития России в XIX — начале XX века. Как отмечает П. Лозовюк, доминирование мигрантов из различных областей России, а также с Балкан и Центральной Европы среди основателей Одессы в конце XVIII века (город был основан в 1794 году) предопределило исключительно пестрый состав и мультикультурный, многоязыковой, поликонфессиональный и полиэтнический облик населения Одессы, что надолго стало визитной карточкой города (с. 358).

Анализируя место Одессы в перспективах различных культур и ретроспекциях исследователей, П. Лозовюк и А. Пригарин отмечают характерную для Одессы «переплавку» этнических различий и образование «метаэтнических общностей» как конструктов высшего порядка; при этом, по мнению авторов, одессита можно обоснованно считать «примером множественной идентичности, подчинённой прагматике жизнедеятельности» (с. 14). И если в настоящее время «подобные процессы модернизации и глобализации никого не удивят», то важным отличием Одессы является то обстоятельство, что в данные «тренды» она оказалась втянута принципиально раньше (с. 15). Особенностью урбанистической среды Одессы как мегаполиса является то, что она «выступает синтетической конструкцией взаимодействия примордиальных традиций в конструктивных моделях инноваций», а характерный для одесского региона «масштаб фронта позволяет одесскому обывателю жить сразу в нескольких измерениях этничности, не рефлексируя об их противоречиях» (с. 15).

В своей статье, посвященной протоэтнографическому восприятию одесского пространства, П. Лозовюк приводит целый ряд ярких примеров, иллюстрирующих зачатки этнологически мотивированного интереса к урбанистической среде на примере Одессы. Автор, в частности, отмечает важность и колоссальную научную ценность одесских наблюдений немецкого исследователя Коля в конце 1830-х годов, нашедших отражение в его пространственных «Очерках о путешествиях по Южной России». Данная работа Коля, для которого всегда было характерно внимание к городу как к особой этносоциальной среде, имела «формирующее влия-

ние на ряд последователей Коля и его подражателей (например, Юзефа Игнацы Крашевского)» (с. 55). Ценные с этнологической точки зрения отзывы об Одессе оставили и чешские путешественники, в частности, С. Геллер и известные чешские литераторы Й. С. Махар и С. Чех. Так, для Й. С. Махара самой яркой чертой Одессы было «вавилонское смешение» народов и языков, «под которым Махар понимал... присутствие множества этноконфессиональных групп в ограниченном пространстве большого города» (с. 78).

Большой интерес представляет исследование П. Лозовюка, раскрывающее особенности чешского восприятия Одессы на рубеже XIX–XX веков. Одесса, привлекавшая многих чехов своей этнокультурной экзотикой, космополитизмом и приморским расположением, стала местом творческой самореализации известного чешского музыканта и дирижера Й. Прибика, который, приехав в Одессу ещё в 1893 г., стал здесь первым дирижером городского оркестра и профессором Одесской филармонии. Прибик остался «в Одессе на позиции шеф-дирижера и педагога до конца своей жизни вплоть до 1937 г.», получив впоследствии почётное звание народного артиста УССР (с. 92–93). Примечательно, что «чешский одессит» Й. Прибик прославился в Одессе как неутомимый пропагандист русских композиторов и инициатор замены итальянского репертуара одесской оперы на русский репертуар, став своего рода «будителем» русского патриотизма в области оперного искусства. Нельзя не вспомнить в этой связи, что известный чешский политик К. Крамарж после своих поездок в Россию в конце XIX века с явным неудовольствием отмечал чрезмерный космополитизм русской интеллигенции, призывая русских умерить свой космополитизм и стать «сознательными националистами». Примечательно и то, что инициаторами переименования Санкт-Петербурга в Петроград после начала Первой мировой войны были представители именно петербургской чешской общины. Чехи на рубеже XIX–XX веков, таким образом, нередко выполняли в России вакантную здесь миссию «будителей», прививая русским искусство любви к родине и в существенной мере способствуя «пробуждению» русских национальных чувств. Именно эту роль в области оперного искусства сыграл в Одессе на рубеже XIX и XX веков и Й. Прибик.

Известный одесский этнолог и историк А. Пригарин в своих статьях прослеживает зарождение и раннюю историю знаменитой

одесской Молдаванки, анализирует этнологические аспекты торговли современной Одессы и исследует весьма сложный культурогенез городской системы питания, уделяя особое внимание балканским субстратам в одесской кухне и демонстрируя при этом отменное знание этой специфической части культуры повседневности. Культурогенез специфической одесской кухни довольно убедительно отражает успешный процесс взаимопроникновения и взаимовлияния различных кулинарных традиций среди полиэтничного населения Одессы. Возможно, особенности одесской кухни в известной степени объясняют витальность и развитое чувство юмора одесситов и населения южной России вообще, ибо, как известно, человек является отражением того, что он есть и пьет.

Предметом исследования Е. Князевой стали непростые межнациональные отношения и культурно-языковая ситуация в Одессе за годы независимости Украины. Е. Князева подчеркивает, что, несмотря на рост численности тех, кто считает себя украинцем, за последние двадцать лет только украинским языком предпочитает пользоваться не более 3–4% взрослых одесситов; при этом только русским языком предпочитает пользоваться 80–85% населения Одессы (с. 182). Автор отмечает, что среди одесситов, считающих себя украинцами с 1991 г., доля, предпочитающих пользоваться русским, а не украинским языком, выросла почти на 30% за последние десятилетия, объясняя данный феномен тем, что «попытка осуществить украинизацию русскоязычных одесситов административными методами... не удалась» (с. 182).

* * *

Коллективная монография «Этнология Одессы в исторической и современной перспективах», выполненная на высоком академическом уровне с учетом самых последних достижений истории, этнологии, социологии и других гуманитарных наук, вносит колоссальный вклад в постижение одесского социокультурного феномена и его истоков. Данная монография обречена стать настольной книгой не только для историков и этнологов, занимающихся Одессой и одесским регионом, но и для многочисленных поклонников Одессы и вообще для всех тех, кто интересуется историей и оригинальной культурой любимой всеми «жемчужины у моря».

Остаётся пожелать, чтобы успешное междисциплинарное комплексное изучение Одессы было продолжено и чтобы наряду

с Одессой объектами исследования стали и другие знаковые города постсоветского пространства с богатой имперской родословной, интересным историческим наследием и ярким социокультурным имиджем. Представляется, что первым в этом ряду может стать современная столица юга России — город Ростов-на-Дону, имеющий весьма схожую с Одессой историческую судьбу и социокультурные характеристики. Общеизвестно, что популярный в южнорусском этнокультурном пространстве образ «Одессы-мамы» органично соседствует с не менее популярным образом «Ростова-папы» ...

БЫЛА ЛИ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В МОНГОЛИИ ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО СОБЫТИЯ. АВТОРЫ МОГЛИ БЫ НАЗВАТЬ СВОЮ КНИГУ «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В МОНГОЛИИ»

У меня в руках книга «Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г.» (М., 2015) российского и монгольского авторов С. Л. Кузьмина и Ж. Оюунчимэг. Книга затрагивает малоизвестную, драматическую и очень болезненную для монголов тему — историю. Историю восстания как обычных монголов, так и монголов-аристократов против той власти.

Непосредственной причиной восстания был «левый курс», проводившийся Монгольской Народно-революционной партией (МНРП) под влиянием ВКП (б) и Коминтерна. Восстание охватило четыре аймака северо-западной Монголии и продолжалось с апреля по ноябрь 1932 года. Руководителями восстания в основном выступали представители духовенства. Основную часть рядовых повстанцев составляли миряне, преимущественно простые араты, а также многочисленные представители МНРП и местной бюрократии. Специальное исследование показало, что это восстание соответствовало всем критериям гражданской войны. Предположения о том, что оно было инспирировано Японией или Панчен-ламой IX, не подтверждаются документами.

Что касается самой книги, то она — результат упорного труда авторов и их кропотливого исследования. Это чувствуется сразу.

Если не вспоминать прошлое, история вскоре превращается в пустую легенду или вообще забывается. Забытая история иногда

опускается до уровня анекдота. Не последнюю роль в сохранении истории страны играют действия властей или же их бездействие. Например, в памяти современного населения Монголии об этой драматичной для малочисленного народа трагедии остался только один анекдот о том, как жители сомона и участники восстания привязывали танк на кожаный ремешок, а одна мудрая старушка посоветовала им поджечь танк с помощью топленого масла. Однако благодаря этому анекдоту сегодня ясно, какое оружие применяли стороны. Если у повстанцев оружие было примитивным, например, лук и стрелы, копья, кремнёвые ружья и, в лучшем случае, винтовки Бердана или — как тогда говорили монголы — «бардаан», то на стороне власти была бронетехника и даже аэропланы. Авторы опубликовали фотографии этих боевых машин и читателям сразу становится понятно, насколько мощная техника была использована против народных повстанцев.

Если честно, молодые и даже зрелые люди Монголии знают об этих событиях только по вышеупомянутому анекдоту. И это — настоящая трагедия. Хотел бы подчеркнуть, что эта книга стала бесценным подарком для народа Монголии и не только. Она дает людям возможность узнать об этих трагичных событиях и ликвидировать белое пятно в знаниях истории своей страны.

Авторы исследовали и использовали многочисленные исторические документы, привели множество фактов и источников. Книга написана ясным языком фактов того времени, события изложены в строгой исторической последовательности. Таким образом, их книга-исследование стала документальной, но это не мешает ей оставаться очень интересной и познавательной.

Ответственный редактор книги — доктор исторических наук, зав. сектором Монголии отдела Кореи и Монголии ИВ РАН В. В. Грайворонский подчеркнул, что сам факт возникновения открытых вооруженных антиправительственных выступлений, мятежей и восстания, организованных феодалами и ламами и поддержанных аратами-скотоводами в ряде аймаков Монгольской Народной Республики, по существу свидетельствовал о серьезном провале, крупном поражении внутренней политики «левацкого» руководства Монголии того времени. Отмечу, что эта внутренняя политика была разработана при непосредственном участии Коминтерна и руководства СССР. Руководство Коминтерна и ВКП (б) основную вину за этот провал и временное поражение возложило на руководство МНРП, которое допустило «левац-

кие» ошибки в ходе реализации совместно разработанного политического курса, направленного на конфискацию имущества феодалов и экономическое ослабление ламства.

Авторы в первую очередь поставили цель — проанализировать ход и последствия восстания, методы борьбы, соотношение сил сторон. А также попытались выяснить причины этого восстания. В книге авторы подробно описали события того времени.

Кроме того, эта книга должна быть очень интересна для бурят и калмыков — народов монгольского происхождения, проживающих в РФ. У бурят сложилось неверное представление о том, что среди монгольских народов репрессиям подверглись лишь буряты, а халхасцев репрессии почти не задели и они остались почти нетронутыми властями «красных». Именно эта книга и развеет данную иллюзию и докажет, что в Монголии не только буряты были репрессированы. Репрессии коснулись всех слоев общества и всех монгольских народностей. Все прошли через эти муки. Повстанцы жестоко обращались с пленными, использовали древние монгольские методы казни, например вынимали сердце у живого человека для “туг тахих” — обычая “чествовать” или радовать сердцем боевое знамя. Представители власти тоже не церемонились. Например, отряд Улзийбата взял в плен 1500 повстанцев и казнил на месте 285 из них. В бою с ними было убито 615 повстанцев. Суд Завханского аймака взял в плен 600 человек, 242 из них были казнены. Государственная внутренняя охрана (ГВО) Хубсгульского аймака взяла в плен 2117 повстанцев, из них было казнено 260 человек.

Хотя долгое время считалось, что восстание было инициировано Панчен-ламой IX, Японией и Китаем, но, по словам авторов, это не подтверждено. И. В. Сталин издал указ: “... ЦК и правительство МНРП должны объявить, что главари повстанцев являются агентами китайских и, особенно, японских империалистов, стремящихся лишить Монголию свободы и независимости, что они ввиду этого будут вести с ними непримиримую борьбу до полного уничтожения...”. Эти ужасающие слова повлекли за собой не менее страшные последствия. Именно так начались репрессии — Репрессии в Монгольской народной республике (*Их Хэлмэгдүүлэлт* или «Великие репрессии») — массовые репрессии конца 30-х годов XX века, затронувшие всё население Монголии, включая высших руководителей МНРП и руководство МНРА, буддийское духовенство, интеллигенцию и зажиточных аратов. Проводились они параллельно с «Большим террором» в СССР,

при участии советских органов НКВД и в соответствии с личными указаниями И. В. Сталина.

В этом восстании приняли участие почти 10 000 монголов и до сих пор никто из них не реабилитирован. По всем признакам, по масштабу и количеству участников это было не просто восстание, а самая настоящая гражданская война. Авторам можно было смело назвать книгу “Гражданская война Монголии XX века”. Восстали против правительства МНР наиболее населённые аймаки страны: Хубсугульский, Архангайский, Увэрхангайский, Завханский, Дербет, отчасти Алтайский и Южно-Гобийский аймаки. Сведения о потерях в разных источниках сильно различаются. Предполагается, что было убито до 8–10 тыс. человек, причем число убитых повстанцами во много раз меньше общего числа жертв восстания. Начавшаяся 11–12 апреля 1932 года гражданская война пришла, чтобы в течение нескольких лет собрать урожай из 40 тысяч жертв — монголов.

Книга Сергея Кузьмина и Жугдэрнамжилын Оюунчимэг стала бесценным историческим документом по истории Монголии, когда-либо опубликованным на русском языке. Каждый, кто читает историю и считает себя частью своей Родины, кто готов восстанавливать и беречь память о своих предках, обязан прочитать эту книгу.

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

Редакционная коллегия:

*М. А. Волхонский, В. Е. Воронин,
К. В. Шевченко, О. В. Эдельман.*

Ответственный редактор *М. А. Колеров*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

Корректор *Ф. М. Колеров*

ISBN 978-5-905040-26-9

9 785905 040269 >

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 18.05.2018. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Arno1. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 10. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmtyk.ru